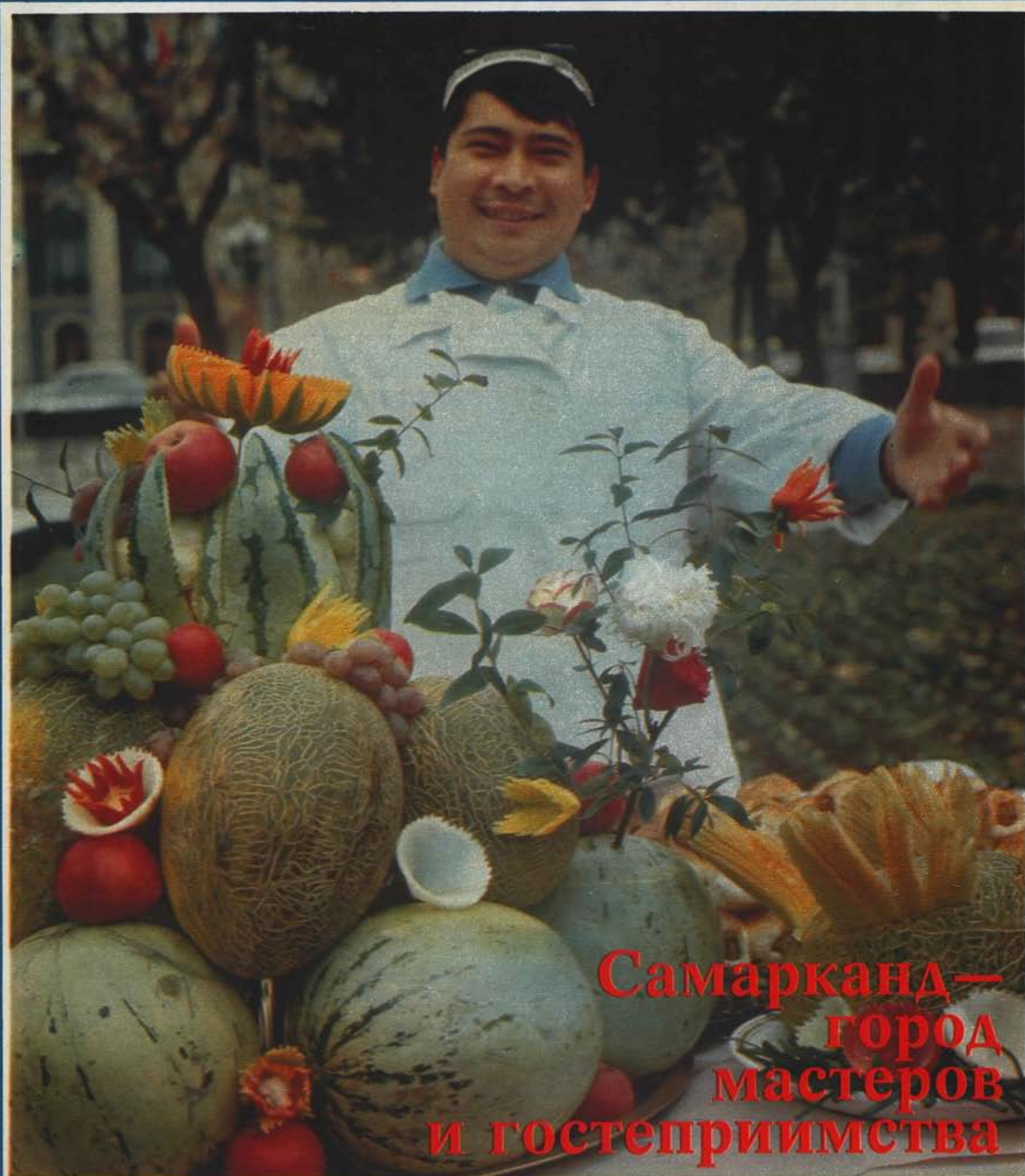




СМЕНА

№ 13 июль 1981



**Самарканд —
город
мастеров
и гостеприимства**

Игорь
МИНУТКО.
Фото
Сергея
ВЕТРОВА

МЫ — КОРАБЕЛЫ

**ЖИЗНЬ
РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА КПСС
В ЖИЗНЬ!**

А теперь, ребята, задавайте вопросы.

В переполненном зале базового ГПТУ клайпедского судостроительного завода «Балтия» на встрече с Кястутисом Ашмонасом, тридцатилетним бригадиром судостроителей, делегатом XXVI съезда партии, собрались будущие корабелы.

Взметнулось вверх сразу несколько рук.

— Так... кто первый? Пожалуйста, Пятрас!

Поднялся высокий, худой парнишка; от волнения, наверное, у него на щеках выступил яркий румянец.

— **Что в жизни для вас самое главное?**

— Мое дело.

...Кястутис Ашмонас пришел на эту встречу прямо из цеха, еще не остывший от работы, еще весь погруженный в

члены его бригады задумались: что же делать? Решили: монтировать следующие секции, а когда поступят трубы, завершить работы на всех сразу. Другого выхода нет. Кястутис сказал начальнику цеха: «Под мою ответственность. Вернее, под нашу. В бригаде пять комсомольцев и два коммуниста. Каждый знает свое дело». Начальник цеха заколебался: согласится ли на это отдел технического контроля? Кястутис пошел в заводской комитет комсомола: «Надо как-то выходить из положения. Обещаю—мои ребята не подведут. Только пусть эта работа будет нам комсомольским поручением». В комитете комсомола дали «добро». И вот позавчера наконец трубы были получены, бригада Кястутиса устанавливала их сразу на нескольких секциях—впервые в производственной практике. И эта сложнейшая работа была принята ОТК с первого предъявления...

— **Откуда вы родом? И что особенно запомнилось из первых лет жизни?**

— Мое детство прошло в деревне Баенай Шилутского района. А запомнилось... Есть старинная литовская песня о белом аисте. Мне ее пела мать. Эта песня—самое сильное, самое яркое воспоминание детства.

Кястутис видит себя в деревенской комнате, на широкой кровати, топится

печь, розовый свет только что вставшего солнца льется в окно, и он видит склонившееся над ним молодое лицо матери.

— Вставай, Кястутис, вставай, уже все проснулись: и деревья, и трава, и птицы.

Пока он торопливо одевается, мать поет, и веселое лукавство слышится в ее тихом голосе:

Аист, аист!

У тебя такие длинные ноги!

Я бы обошел всю нашу Литву,

Если бы и у меня были

Такие же длинные ноги.

Накинув пальто на плечи, Кястутис выскакивает на крыльцо—низкое солнце в глаза, и сначала ничего не видно; в розовом тумане, как призраки, стоят деревья, горланят петухи, острый холод охватывает тело—март, а первый весенний месяц не радует особым теплом прибалтийские края. Но все равно весна!

Глаза привыкли к яркому свету, мальчик осторожно, будто боясь спугнуть кого-то, поворачивает голову к сараю и замирает от восторга: на крыше сарая, на колесе от телеги—аистинное гнездо, и на нем величаво стоит белая птица, а второй аист у колодца что-то ищет в прошлогодней бурой траве.

— Мама! Мама! Они прилетели!

Каждый год ранней весной Кястутис нетерпеливо ждал своих аистов. С их прилетом начиналась весна, начинались работы в совхозе, и постепенно белые птицы в сознании мальчика стали олицетворять родину, Литву, неброскую, даже суровую природу той единственной земли, где ты впервые увидел солнце в синем небе, старые деревья древнего кладбища, на котором покоятся твои предки, где ты, становясь взрослее, познал тяжесть и сладость нелегкого крестьянского труда.

...Аист, аист!

У тебя такие широкие крылья.

Я бы высоко летел над Литвой,

Над нашей прекрасной родиной,

Если бы и у меня

Были такие же крылья...

...В родной деревне среди детворы Кястутис был самым сильным, заводилой во всех играх, неутомимым на выдумки. И был первым в работе на земле, когда в летние каникулы школьники помогали взрослым. После шестого класса Кястутис работал уже наравне с мужчинами: вывозил на поля навоз—и навсегда полюбил лошадей, ему доставляло огромное удовольствие чистить их, купать в реке; косил высокие травы, часто опережая самых выносливых,



**ПО ВЕЧЕРАМ У КЯСТУТИСА
УЧЕБА В УНИВЕРСИТЕТЕ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА.**

**СУДОБОРЩИКИ ВЛАДЕЮТ
СПЕЦИАЛЬНОСТЯМИ
СВАРЩИКА,
СЛЕСАРЯ, ПЛОТНИКА.**

нелегкие проблемы, которые вот уже несколько дней решала его бригада.

Да, сооружение кораблей—главное дело его жизни. Каждый трудовой день Кястутису и его бригаде приходится преодолевать немало непредвиденных, «незапланированных» трудностей. Их работа—сборка крупных секций рыболовецких судов разных типов, то есть основы, например, траулера типа «Баренцево море» (так назывался головной траулер). И вот в последнее время создалась напряженная, можно сказать, конфликтная ситуация: бригада Ашмонаса работает как бы «по цепочке»: собрав одну секцию для траулера, бригада сразу же начинает монтировать новую секцию, такую же, для следующего траулера. Но... остановилась работа: смежный цех не поставил трубы для прохода якорной цепи. Значит, не готова очередная секция и нет возможности переходить к следующей... Сбивается план, а план—закон. Ашмонас и





**БРИГАДИР...
ОН ДОЛЖЕН И ВЫСЛУШАТЬ,
И ПОНЯТЬ, И ПОМОЧЬ.**

**РАССКАЗ
О НЕЗАБЫВАЕМЫХ ДНЯХ
РАБОТЫ ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА.**

**ВНИМАНИЕ К ЛЮДЯМ,
С КОТОРЫМИ
ВМЕСТЕ РАБОТАЕШЬ,—
ЭТО ТАК ВАЖНО.**

**КЯСТУТИС БОЛЬШОЙ
И КЯСТУТИС МАЛЕНЬКИЙ.**



скирдовал сено, и потом, через многие годы, это вспоминалось да и сейчас вспоминается как самое дорогое, основополагающее, что формировало его характер, помогало осознать себя мужчиной: запах сена и мокрой земли, добрые лошадиные морды, их натруженные потные спины, ощущение собственной силы, сладкая усталость в конце длинного рабочего дня, когда солнце огненным шаром висит над горизонтом, туман поднимается из низин и чибисы перекликаются во влажных лугах. А ты вместе с другими возвращаешься домой, где ждет тебя честно заработанный ужин, и со взрослыми людьми, с которыми ты устало шагаешь по сельской дороге, перекинув косу через плечо, навстречу петушиной перекличке и запаху дыма, тебя объединяет чувство исполненного долга.

Когда Кястутис перешел в восьмой

Наша обложка:
продавец фруктов
на городском
базаре.

Фото
Василия МИШИНА



Очерк
Льва ФИЛИМОНОВА
«ЖАРКОЕ ВРЕМЯ —
САРАТАН»
читайте
на 28-й странице.

- 1** «МЫ — КОРАБЕЛЫ». Фотоочерк Игоря МИНУТКО и Сергея ВЕТРОВА.
- 3** Стихи Галины СИРОЙ.
- 4** К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МОНГОЛИИ. Игорь МОТЯШОВ. «МУДРОСТЬ ПРАВДЫ».
- 7** Стихи Ольги КОНДРАТЬЕВОЙ.
- 8** Юрий НАГИБИН. «ПЕВУЧАЯ ДУША РОССИИ».
- 12** Рассказ Виктора БОРОЗДИНА «ПАРУС НАД ЗЕМЛЕЙ».
- 14** ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 16** А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 18** Ирина РАДУНСКАЯ. «КВАНТЫ И МУЗЫ».
- 19** СПАСИБО ЧИТАТЕЛЯМ! Новый Уренгой: книги собраны — библиотека работает.
- 20** КАК СПОРТ СТРОИТ ЧЕЛОВЕКА. Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ. «ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН».
- 22—23** ДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ. Наина ХОНИНА. «АРИСТОКРАТКА». Нина ГАЛКИНА. «КНИГИ РАЗДОРА».
- 24** Повесть Валерия ВИНОКУРОВА и Бориса ШУРДЕЛИНА «СЛЕДЫ В КРУТОМ ПЕРЕУЛКЕ».
- 28** ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ. «ЖАРКОЕ ВРЕМЯ — САРАТАН».
- 30** Стихи Ирины ПАНОВОЙ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИ-БАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

класс, ему доверили старенький трактор. Все лето он не расставался со своим «ДТ», выполнял самые разные работы: собирал и возил сено, бороновал зябь, подвозил корма на свинарники... Если трактор вдруг выходил из строя, сам старался найти причину поломки и только в крайних случаях прибегал к помощи старших. Придет время, думал Кястутис, и ему доверят самый мощный трактор или даже комбайн «Нива»...

— Кто для вас является примером в работе и в жизни?

— Моя мать. И мой первый наставник на заводе Бубялис.

...Сейчас мать Кястутиса Янина Бурбене живет в городе Таураге с мужем Владасом Бурбой, отчимом Кястутиса (его отец, Мартин Ашмонас, председатель сельсовета, умер от инфаркта, когда мальчику было три года). Здесь же живут и работают ее три дочери, уже замужние женщины, подрастает Римас, младший сын. И часто в доме родителей собираются дочери с мужьями, внуки и внучки, приезжает из Клайпеды Кястутис с женой Рутой и сыном Кястутисом-младшим. Они садятся за широкий стол, дружная, сплоченная родня, не знающая ссор и разногласий, и объединяет их всех Янина, женщина с седой головой, но полная сил и кипучей энергии, она — как могучий ствол, дерево жизни, корни которого уходят в глубокий пласт литовской земли, а ветви — вот они: молодые женщины и мужчины, внуки и внучки, в которых повторяются черты мамы Янины.

Мать передала всем своим детям непоколебимую веру в то, что основа жизни — работа, честное отношение к труду, какое бы дело ты ни избрал. Своего первенца, Кястутиса, она приучила к самостоятельности, твердости, упорству, и эта материнская наука была окрашена всегда ровной и нежной любовью к нему.

— Чем вы занимаетесь в свободное время?

Кястутис улыбнулся, потом сказал серьезно:

— Путешествиями.

...Открытие мира. Совсем крохотным он совершил свои первые путешествия с матерью. За околицу деревни. В ближайший лес. На речку, где в приближении вечерней тишины плещется крупная рыба. Как огромна земля! Какое беспредельное небо раскинуто над ней!

Но самое настоящее постижение великих пространств страны он ощутил, когда был призван в армию и уже в солдатской форме отправился в путешествие через беспредельные просторы великой державы, из Литвы к берегам Тихого океана. Пожалуй, именно тогда под стук вагонных колес он ощутил это в себе — всепоглощающую жажду увидеть свою страну, увидеть мир. А эта жажда есть жажда знаний, мучительные поиски ответов на вопросы: зачем мы пришли в этот мир? Почему еще так разобщенно живут люди? В чем смысл жизни?.. Уже потом, в первых заграничных путешествиях — по ГДР, Чехословакии, Венгрии, Кубе — Кястутис будет самым «трудным» для гидов туристом: не пропустить ни одного музея, на все бесчисленные вопросы получить ответы.

— В каких войсках и где вы служили?

— Я уходил в армию с нашего завода. Наверно, это и определило мою воинскую судьбу. В военкомате сказали: «Раз корабель — место твое на флоте». Я служил на Тихом океане на пограничном сторожевом корабле «Воровский», и должность моя была комендор-зенитчик.

...Иностранное рыболовецкое судно было обнаружено в советских территориальных водах и на все сигналы остановиться не реагировало. Наоборот, оно развернулось к тральщику «Воровскому» левым бортом (очевидно, на правом отрубили трал, полный рыбы) и, развивая скорость, стало уходить.

Корабль шел следом, подавая сигналы: «Немедленно остановитесь!» Двигатель на иностранном судне был сильный, и до нейтральных вод оставалось совсем немного.

— Ашмонас! К зенитке! — приказал командир корабля.

Кястутис почувствовал, как все мускулы напряглись в нем. Да, такие ситуации не раз отрабатывались на учениях, и все у него получалось, как надо: если судно-нарушитель не реагирует на приказ остановиться, три предупредительных выстрела — первый над мачтой, второй сзади. Если судно продолжает уходить — третий выстрел впереди, на расстоянии тридцати метров.

Но учение есть учение. А тут... Это был первый случай за время его службы, когда сложилась столь экстремальная ситуация: не реагируя на приказ остановиться, судно-нарушитель уходило.

— Первый! — Кястутис припал к прицелу. — Огонь!

Навстречу «Воровскому» шла высокая волна. Мачта судна-нарушителя прыгала в прицеле. «Спокойно, спокойно...» — твердил он себе. Железная выдержка — вот что сейчас требовалось от него.

Снаряд прошел точно над мачтой, взметнув вверх серый столб воды.

— Второй! Огонь!

Снаряд лег на точно заданной дистанции сзади судна, которое, наращивая скорость, продолжало приближаться к нейтральным водам; до них оставалось не более мили.

— Третий!

Это было самое трудное... В прицеле качался горизонт, прыгал нос иностранного судна. Ошибиться нельзя. И все решают доли секунды. Кястутис ощущал, как струйка пота течет по спине.

— Огонь!

Снаряд лег, может быть, чуть-чуть ближе тридцати метров от носа судна-нарушителя, шквальный ветер нес на него пенную воду, вздыбленную взрывом.

На преследуемом судне, наконец, остановили двигатель, и оно, теряя скорость, стало разворачиваться левым бортом — океан гнал навстречу высокие волны, и теперь они медленно двигали корабль-нарушитель.

— Молодец, Ашмонас! — Он услышал спокойный голос командира. — Спасибо!

...Уже демобилизовавшись, вспоминая флотскую службу, Кястутис часто говорил друзьям и родным: «Многому научила меня армия. Но главное — я там понял значение слова «ответственность». Ответственность за порученное дело, за судьбу товарищей, за спокойствие и мир твоей страны.

...— Собираетесь ли вы менять профессию?

— Я вырос на нашем заводе, меня воспитал его коллектив. Я рабочий человек и люблю свое дело. Только если я вам скажу, что с детских лет мечтал строить корабли, это будет неправдой. Я собирался после восьмого класса остаться в своем совхозе механизатором. Но за год до меня окончил восьмилетку мой сосед и друг Ионас Лионис и тогда же поступил... Куда, вы думаете? Вот в это самое училище, в котором сейчас учитесь вы. Ионас рассказывал мне о заводе, о занятиях, все время повторял: «Тебя тянет к технике? Так вот же где она, настоящая техника, у нас! Ведь мы строим корабли!» И как раз в ту пору в республиканской комсомольской газете я прочитал статью о втором выпуске корабельников в Клайпедском политехникуме...

Был окончен восьмой класс. Первый раз в жизни Кястутис один поехал в Клайпеду: узнать, посмотреть, поговорить с кем-нибудь в техникуме. И был поражен городом, его многолюдьем, красотой старых кварталов, гранитными набережными реки Дане, впадающей в залив. Паром перевез его на Куршскую косу, и через белое облако чаек он увидел краны рыбного и торгового портов, корпуса завода «Балтия», и — са-

мое неизгладимое впечатление — увидел корабли на рейде... В тот день он не попал в техникум, но решение уже было принято.

— Пока причаливал паром, я все смотрел на корабли, стоявшие на рейде. Тогда я поймал себя на мысли: «Даже трудно поверить, что эти плавающие гиганты создают люди. Но ведь это так! И я могу быть одним из этих людей». На следующий день я отнес в техникум документы.

...Через три года Кястутис, совсем еще молодой паренек, практикант политехникума, впервые пришел на завод, в сборочный цех, в его громадность, в грохот напряженного труда, в вавилонское столпотворение гигантских металлических конструкций, опоясанных деревянными сходнями, через которые уже угадываются контуры будущих кораблей. Человек кажется таким маленьким среди этих величин, украшенных живыми звездами электросварки, под высокими стеклянными сводами, через которые бьют косые полосы солнца. И вот здесь ему предстояло работать. На всю жизнь Кястутис запомнил чувство, полностью завладевшее им, когда он первый раз очутился в цехе: растерянность, даже подавленность. «Нет, я тут пропаду...» — подумалось ему. Но рядом оказался человек, встречу с которым будто сама судьба подарила молодому рабочему. Да, Кястутису повезло: его практика на заводе началась в цехе номер два, где мастером был Владас Бубялис. Он и стал первым наставником Кястутиса.

Они вышли из цеха, и мастер привел ученика к рабочему пирсу. У пирса покачивался траулер.

— Сегодня ходовые испытания, — сказал Бубялис новичку, который не мог оторвать восторженного взгляда от красавца траулера. — Да, Кястутис, это и есть итог нашей работы. И мы с тобой будем делать корпуса таких кораблей. — Владас улыбнулся. — Раз мы корабли.

В тот день он впервые осознал, что его ждет впереди. «Я буду создавать корабли!» — эта фраза, звучавшая до сих пор несколько абстрактно, теперь обрела конкретность: вот он, перед ним, белый траулер, творение рук его новых товарищей по работе.

А потом началось постижение профессии: конструирование объемных секций, умение воплощать чертежи в металлические формы, виртуозное овладение электросваркой. Это была работа, требующая не только теоретических знаний, но, может быть, в первую очередь огромного физического напряжения. Сложно, трудно. Даже очень трудно, особенно если тебе только семнадцать лет и к концу смены тяжелая усталость наливает тело. Но рядом с Кястутисом был Владас Бубялис, всегда знавший, когда нужно прийти на помощь своему ученику. А ученик оказался достойным, пожалуй, у Бубялиса таких еще не было: упорство, соединенное с умением все схватывать на лету, безотказность, если поручалось срочное дело, страстное стремление все познать до конца, до логического предела.

— Расскажите о своей бригаде.

— Если одной фразой... — Кястутис на мгновение задумался. — Бригада — моя вторая семья.

...Двадцать третьего февраля, в день открытия XXVI съезда КПСС, из Клайпеды в Москву была отправлена такая телеграмма: «Гостиница «Москва», комната А-607 Ашмонасу Кястутису. Наша бригада признана победительницей социалистического соревнования честь XXVI съезда КПСС т.чк Ежедневно выполняем норму по сборке секций т.чк Желаем XXVI съезду КПСС зпт литовской делегации и лично Вам больших успехов работе т.чк Заверяем зпт что коллектив корабелов пойдет первых рядах борцов за выполнение решений исторического XXVI съезда нашей партии. По поручению бригады Кершис».

Эта телеграмма во все дни напряжен-

ной работы съезда согревала сердце Кястутиса: все в порядке, срывов в работе нет. Это ли не лучшая награда для бригадира?

«Значит, — думал Кястутис, перечитывая телеграмму, — и Сергей работает не хуже других, ответственно».

Сергей Хромов, трудный парень...

...В 1978 году Кястутис избрали членом партийного комитета завода «Балтия» и поручили ему работу с молодежью, прежде всего с теми подростками, для которых в цехах завода начиналась рабочая биография. Вместе с членами заводского комитета комсомола Кястутис решил: не вообще теоретизировать по поводу трудового воспитания подростков, а конкретно заниматься конкретной судьбой. В этом смысле характерна история с Сергеем Хромовым...

— Он пришел к нам в цех, попал в мою бригаду после окончания вашего училища, и, может быть, вы его знаете. Вернее, не так. Несколько месяцев он проработал в другом цехе, однажды подошел ко мне, сказал: «Возьмите меня к себе». «Чем тебе плохо там, где работаешь?» — спросил я. «Нет заработка, — отвечает. — А бригадирю наплевать. И вообще... Жить негде, снимаю угол, платить нечем...» Взял Сергея в бригаду, устроил в общежитие. И сразу все мы почувствовали: нелегко с ним придется: выпить любит, отлынивает от трудной работы, замкнутый, ожесточенный, к нему с добрым словом или советом — отмалчивается. Видимо, на первых шагах самостоятельной жизни сломался характер парня, не к тем людям попал. Но он уже в нашей бригаде, и в целом, видим, руки умелые, смекалка что надо. Да и комсомолец — это тоже нельзя забывать. Нет, Серега, ты у нас станешь человеком. Давай-ка во всем разберемся. Подолгу с ним беседовал после работы, был у него в общежитии. Постепенно понял: потерял Сергей веру в себя, в то, что рядом есть люди, такие же, как он, комсомольцы, которые по первому зову придут на помощь. Ведь комсомольско-молодежная бригада — это именно та семья, то братское содружество людей, которых объединяет не только работа, производственные показатели, но и общность интересов во всем: в быту, в личной жизни, в учебе и отдыхе. Судьба каждого небезразлична всем, и общее стремление всех — чтобы у каждого была счастливая судьба. Постепенно это понял и Сергей. Сейчас все у него в порядке, проверили мы его на нескольких комсомольских поручениях, которые он выполнил не то что с радостью — с азартом. «Доверяете? Не подведу!» — так бы я определил его теперешнее отношение и к работе, и к общественным делам. Скоро будем провозить его в армию и верим: демобилизуется — вернется к нам, в свою бригаду.

...Бригада Кястутиса Ашмонаса была создана в 1974 году и стала первой на заводе, в цехе номер два, комсомольско-молодежной бригадой судосборщиков. Руководство цеха увидело и оценило в Ашмонасе те качества, которые позволяли доверить ему, члену заводского комитета комсомола, труднейшее дело — руководить людьми. Качества эти — трудолюбие, честное и заинтересованное отношение к порученному делу, умение найти подход к каждому человеку, коммуникабельность, как теперь говорят, и доброта. Да, доброта! Бескорыстное стремление помочь по мере сил тем людям, с которыми тебе доверено работать.

И вот уже седьмой год его бригада судосборщиков — одна из лучших на заводе «Балтия». По всем показателям. Дружная рабочая семья. Общие горести, печали, общие победы и праздники. У кого-то день рождения — утром, перед сменой, прямо в цехе поздравления и подарок; уходит парень в армию — тоже провожает — вся бригада, символически вместе с цветами вручаются конверты и ручка: пиши, не забывай!

Еще характерная черта — все члены бригады учатся: кто заканчивает вечернюю школу, кто студент-заочник, кто занимается в школе повышения квалификации. И тут пример для всех — сам бригадир: Кястутис заканчивает экономический факультет университета марксизма-ленинизма при Клайпедском горкоме партии, готовится к поступлению в институт.

Выполняя все свои многочисленные общественные поручения — он член парткома завода, член горкома партии, член городского комитета народного контроля, — Кястутис руководствуется одним, раз и навсегда проверенным девизом: меньше общих слов, больше конкретных дел.

— ...У меня два вопроса. — Юноша был строен и белокур, голубые глаза смотрели открыто и прямо. — У вас остается время на личную жизнь? И... счастливы ли вы?

Недавно, два дня назад, он вернулся домой в начале одиннадцатого вечера — выступал у пограничников. На обратном пути сломалась машина, и пока шофер возился в моторе, Кястутис, отворачиваясь от пронизывающего ветра, летевшего с моря, подумал с сожалением, что ему в последнее время катастрофически не хватает времени, часто и на сон-то остается всего пять-шесть часов... Машина повернула к дому, и знакомое чувство вины опять охватило его: обещал Руте вернуться не позднее восьми. Но Рута умница, все понимает правильно: «Раз ему так лучше... Наверно, Кястутис по-другому не может...» Но он-то видит при этом ее лицо, слышит, как она вздыхает, рано утром готовя завтрак. Нет, необходимо менять распорядок жизни. И ведь сын растет, Кястутис-младший, шестой год пошел, надо больше уделять ему внимания и времени.

... — Счастлив ли я? Не знаю... Иногда кажется, что счастливый человек — успокоившийся человек. Он достиг всего, к чему стремился. И теперь стоит на месте. Такое счастье мне не нужно. Мне кажется, счастье — в поисках счастья и для себя и для других. А это значит — надо идти вперед, совершенствовать себя в пути, быть непримиримым ко всему плохому. Да, да! Иди вперед, не останавливаясь, искать ту форму жизни, при которой будут загнаны в капканы злые силы бытия и распахнутся все двери для добра и справедливости. Я — за такое счастье!

В зале долго не смолкали аплодисменты, а Кястутис в это время опять подумал о своем сыне.

...Вот что, Кястутис, сынок, этим летом я повезу тебя на свою родину, в деревню Баеная. Я проведу тебя по дорогам своего детства, ты побежишь босиком по теплой земле, разогретой солнцем, мы молча стоим у могилы твоего деда, моего отца, я покажу тебе старый дом, в котором когда-то была школа и где однажды я написал на доске: «Это моя родина». Мы заночуем у костра на берегу реки, в камышах будет плескаться крупная рыба, и перепела затеют перекличку в росных лугах. Я покажу тебе истинное гнездо на сарае возле нашего дома... Постой! Сколько живут аисты? Может быть, и сейчас те две белые птицы прилетают к нашему дому? Стыдно сказать: уехал из деревни в город и ни разу не заглянул в Баеная все эти годы. А ведь рядом... Кястутис, сын! Сейчас конец марта, и, наверно, они уже прилетели. Или летят из дальних заморских стран, преодолевая все расстояния. Белые аисты, прилетайте!.. Вот что, мы не будем откладывать: в ближайшее воскресенье поедем туда. И я покажу тебе своих аистов. Мы возьмем с собой бабушку, и она споет тебе ту песню. Ведь ты еще не знаешь ее:

Аист, аист!

У тебя такие широкие крылья.

Я бы высоко летел над Литвой.

Над нашей прекрасной родиной.

Если бы и у меня

Были такие же крылья...

Галина СИРАЯ

Проселок

*То ранним утром, то под вечер,
Весною, летом ли, зимой
Вдруг соловьями защебечет
Проселок тихий полевой.
Он знал и радость и печали,
Солдатом хожен и вдовой.
Он, словно песня, означен,
Проселок тихий полевой.
То изгибается подковой,
То вдруг натянута тетивой,
Меня уводит в день мой новый
Проселок тихий полевой.
И большевиков и шляхов много
На стороне моей родной,
Но эта — главная дорога,
Проселок тихий полевой.
Любовь моя, моя отрада,
Ты излучаешь свет живой.
Ты в жизни высшая награда,
Как тот проселок полевой.*

Веснянка

*Ветрами подлоясана,
По-девичьи красива,
Хозяйкой полновластной
Пришла весна на нивы.*

*Проворная, умелая,
Сугробы растопила
И на березы белые
Сержки нацепила.*

*Запела звонко птицами,
И, набирая силы,
Водицею-живицею
Пшеницу напоила.*

Бабье лето

*Еще так много солнечного света,
Еще не наступил предзимья час,
Но легкая печаль коснулась вас —
Так коротко и хрупко бабье лето.
Невестами березы разодеты,
Смычок ветров
Играет светлый вальс,
И кружится без устали планета.*



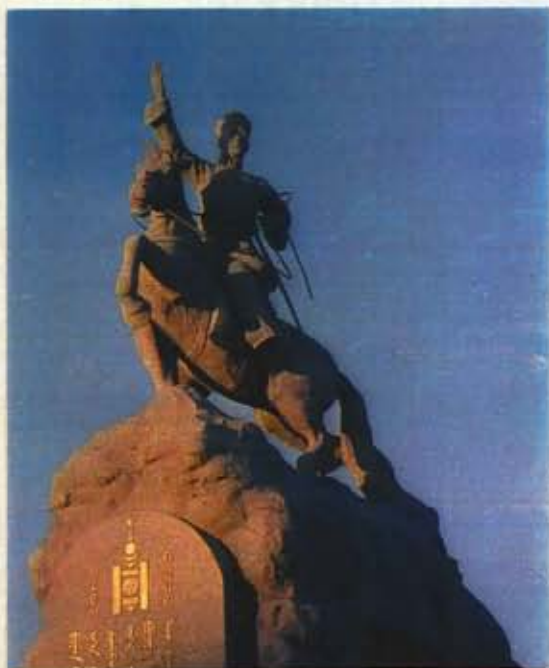
*Нелегка материнская доля...
Руки мамы в жестких мозолях.
И пахали они и косили,
Хлеб растили и тесто месили.
Обнимали. Детей пеленали.
Никогда покоя не знали.
Золотых перстней не носили,
Все работы, работы просили...
Как они, эти руки, красивые,
И какая в них добрая сила!*

Три огня

*Три огня за рекой, три огня
И манят и чаруют меня.
Как красивые, как яркие они.
Кто зажжет эти чудо-огни?
Может, это у самой реки
Разложили огонь рыбаки?
Или зеркало сонной воды
Отразило три ясных звезды?
Может, за день устав, косари
Три костра развели до зари?
...Подойду я к заветным кострам.
Люди скажут мне:
«Здравствуй, сестра.
Ты устала в пути. Посиди.
Пусть согреется сердце в груди».
...Три огня говорят меж собой
Словно вера, надежда, любовь.
Три огня. Три горячих огня
За рекой. И в душе у меня*

Перевел с украинского
Алексей ПЬЯНОВ.

11 июля 1981 года
трудящиеся Монголии отмечают
60-летие победы
Народной революции.



упирающуюся в уступ далеких гор, и мысленно представлял себя идущим по монгольской земле. Сначала к Улан-Батору. Затем все дальше и дальше на юг. Мечта сбылась через четверть века.

Московский самолет сделал посадку в аэропорту Улан-Батора. Меня встретили белая от снега, всхолмленная невысокими горами земля, голубое небо, просвеченное утренним солнцем, и странный ветер, в котором ласковое солнечное тепло мешалось с пронзительной снежной свежестью.

Тудэв сказал:

— Можешь выбрать один из трех маршрутов. Первый в Дархан и Эрдэнэт. Это наши крупнейшие центры индустрии. Ехать надо поездом и самолетом. Второй в Южную Гоби. Туда только самолетом. Третий маршрут — автомобильный. Далеко, конечно, не уедешь. Зато можно увидеть степь, аратское хозяйство, строительство угольного разреза и города Баганур, остатки поселения древних кочевников и курорт Терелж. Кстати, Баганур — это родина основоположника нашей детской литературы Нацагдоржа.

Мне очень хотелось в Эрдэнэт, о котором я много читал и слышал. И еще больше хотелось в Гоби. Но — родина Нацагдоржа... Я выбрал третий вариант. Тудэв улыбнулся:

— Забыл одну подробность. Если бы ты поехал по первому или второму маршруту, тебя сопровождал бы один Дашдондог. А в Баганур я тоже могу поехать.

Удивительный человек этот Тудэв! Знал ведь, что его «подробность» в любом случае будет для меня решающей. И вот, чтобы дать мне полную свободу выбора, до времени о ней умолчал. А я радовался, что не поддался «гобийскому» искушению. Когда-то еще выпадет удача поговорить с Тудэвом без спешки,



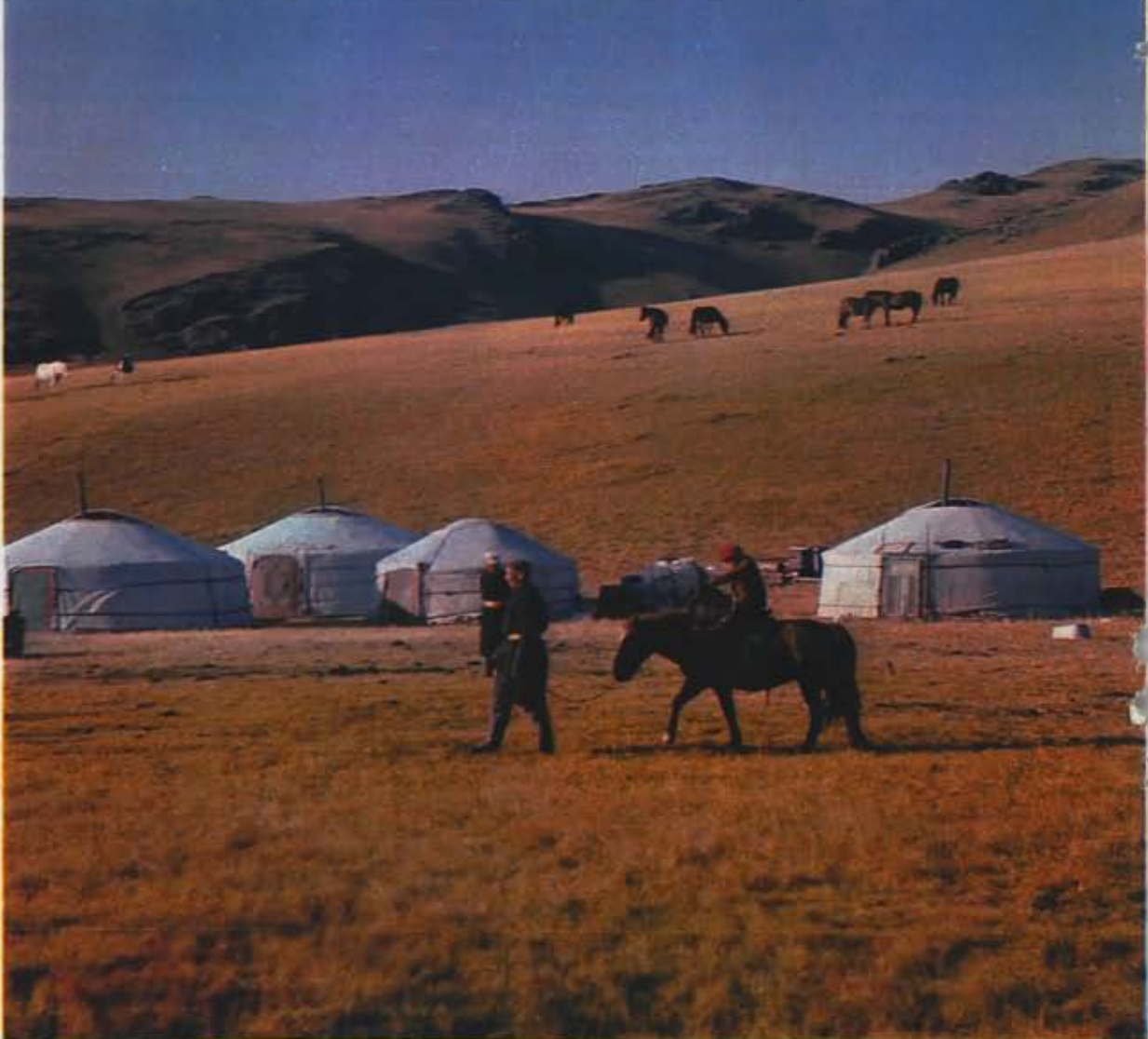
МУДРОСТЬ ПРАВДЫ



Игорь МОТЯШОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

В середине 50-х годов после окончания педагогического института я получил назначение в город Кяхту. Комнату на новом месте мне дали не сразу, и первое время я жил в гостинице — деревянном двухэтажном доме, перед входом в который висела памятная доска. На ней было написано, что в 1921 году здесь находился Центральный Комитет Монгольской народно-революционной партии, возглавляемый Сухэ-Батором.

Граница проходила примерно в километре от гостиницы по каменисто-песчаной низине, отделяющей южную окраину Кяхты от монгольского городка Алтанбулака. Я часто приходил сюда, смотрел на домики и юрты Алтанбулака, на степную равнину,



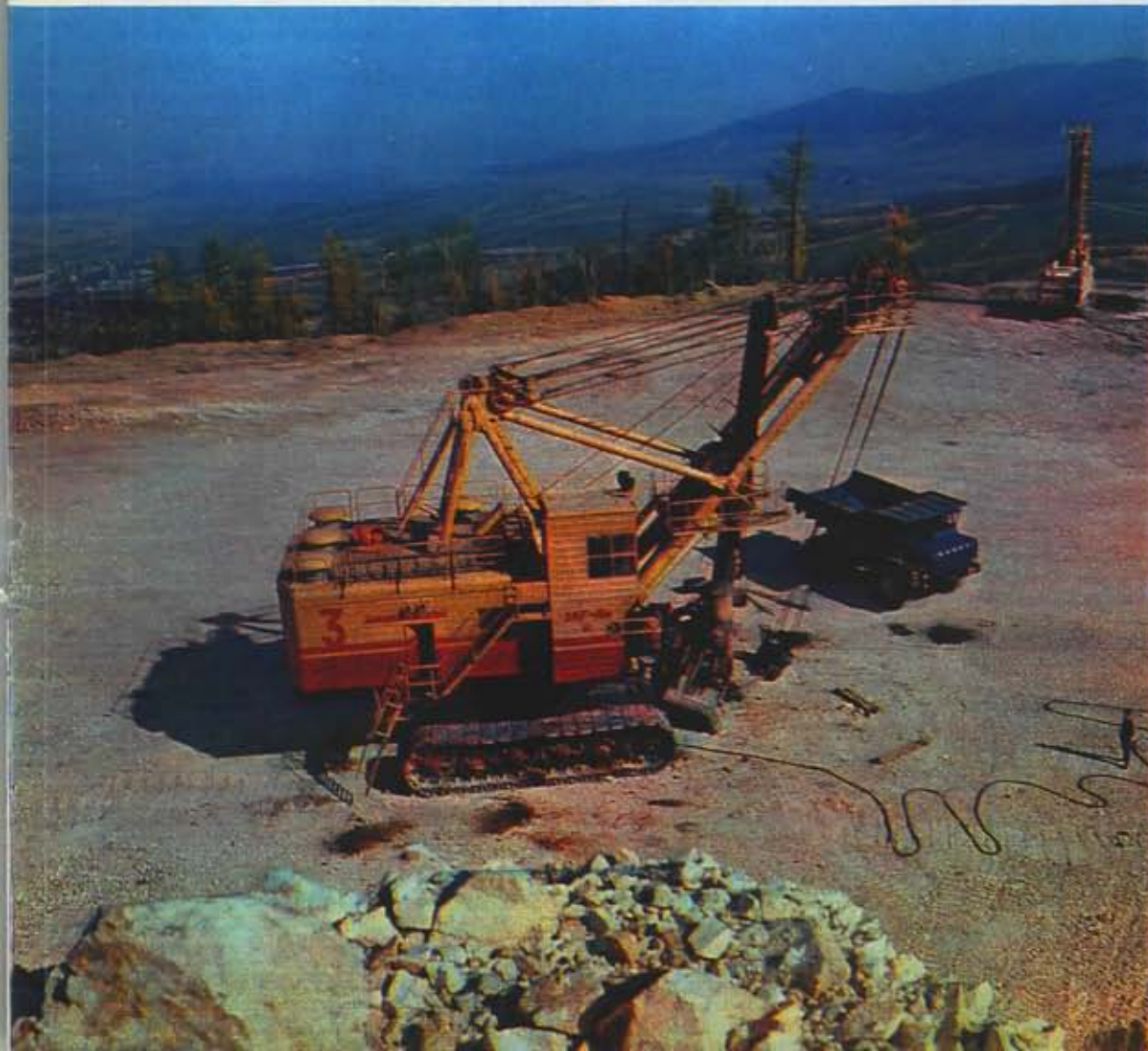


увидеть его не на писательском совещании, не в кабинете первого секретаря ЦК ревсомола, а в общении с молодыми араатами, рабочими, сельскими школьниками. Да еще побывать на родине Нацагдоржа — человека, которого не случайно называют «монгольским Горьким»!

В назначенный день Тудэв долго не мог освободиться: поехал в ЦК ревсомола на минутку, а задержался на несколько часов. Лишь за полдень черный, с брезентовым верхом вездеход подкатил к гостинице «Улан-Батор». Рядом с шофером сидел веселый Тудэв. Мы с Дашдондогом — известным монгольским детским поэтом — уселись сзади. И вот уже стремительно убегают под колеса глянцевый асфальт шоссе, остаются позади желтые, белые, светло-зеленые каменные дома Улан-Батора, юртовые поселки, обнесенные серыми деревянными заборами, новые город-



В НЕПОВТОРИМОМ ОБЛИКЕ МОНГОЛИИ УДИВИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ СОЕДИНИЛИСЬ ВЕЛИЧАВЫЕ ПРОСТОРЫ С ДЕЛОВИТЫМ ШУМОМ СОВРЕМЕННЫХ СТРОЕК, ПРИЧУДЛИВАЯ АРХИТЕКТУРА ДРЕВНИХ МОНАСТЫРЕЙ И СОЛНЕЧНАЯ ГЕОМЕТРИЯ ВОЗНИКШИХ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ, ТОРЖЕСТВЕННОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ МЕМОРИАЛОВ И ВДУМЧИВОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ, ПОСТИГАЮЩИХ СЛОЖНОСТИ НАУК. И КРУГЛЫЙ КУПОЛ ОБСЕРВАТОРИИ, УВИДЕННЫЙ НА ГОРИЗОНТЕ, НАПОМИНИТ, ЧТО СОВСЕМ НЕДАВНО ЛЕТЕЛ ГДЕ-ТО ВЫСОКО НАД ПЛАНЕТОЙ СЫН ЗДЕШНИХ СТЕПЕЙ...



ки, состоящие из десятка — другого пятиэтажных домов с типовыми зданиями школ и детских садов. Тянется справа железная дорога с идущими по ней тяжело груженными составами. Угадывается за нею широкая, заросшая ивняком и тополями пойма реки Тоол. А еще дальше почти недвижно высятся горы Богдо-ула с черными пятнами лесов на крутых склонах.

— Шоссе сейчас кончится. — заметил Тудэв. — Для Монголии пока еще характерны другие дороги.

И верно, шоссе ушло в сторону, а наш «газик», сбросив скорость, запырил по желтоватой от травяного сухостоя, припорошенной непрочным осенним снежком степи.

Впрочем, здесь были свои дороги. В углубления, выбитые колесами, ветер надувал снег. И в зависимости от того, сильно ли она была наезжена, дорога обозначалась широкой белой лентой либо двумя узкими колеями, напоминающими белые рельсы. В иных местах колеи шли параллельно в три и даже в четыре ряда, пересекались, и тогда степная равнина чем-то походила на крупный железнодорожный узел.

Временами водителю надоедало ехать проторенным путем, а может, колея вводила от цели. Он рулил напрямик, озадаченно тормозил перед обрывистым руслом ручья или высохшей речки, двигался вдоль берега, пока не находил удобный переезд на другую сторону.

— Каким образом шофер узнает, куда ехать? — спрашиваю Тудэва.

Он смеется:

— На наших дорогах пока нет указателей. Но монгол родился и вырос в степи. Он в ней, как в юрте...

Чем дальше углубляемся в степь, тем ниже сопровождающие нас слева и справа горы, тем меньше



леса на их склонах. Преодолев невысокий перевал, «газик» спускается в совершенно безлесную долину. Она похожа на дно огромного плоского блюда, окаймленного застывшей зыбью холмов.

Изредка навстречу попадает всадник, а то и группа всадников, нередко женщин, на крепких мохнатых лошадах. Чаще же в поле зрения — недвижно пасущиеся либо перегоняемые на новое место табун, отара овец, стадо коров. Иногда вдали виднеется крохотный аил: одна-две белые юрты с красными или синими прямоугольниками дверей, загон или навес для скота. На этой продуктой всеми ветрами равнине он кажется еще более одиноким, чем самолет в ночном небе.

— Вот там, — показывает Тудэв на какие-то строения у горизонта. — сомон Баяндэлгер, родина нашего Нацагдоржа.

Я стараюсь мысленно перенестись в эти места на семьдесят четыре года назад, когда где-то здесь, может, у подножия вон того плоского холма, в такое же неуютное предзимье в юрте бедного тайджика Дашдоржа родился сын, которому суждено было стать одним из выдающихся строителей культуры новой Монголии.

Тайджика — что-то вроде мелкого сельского дворянина. Благодаря своему сословному титулу Дашдоржу удалось научиться грамоте. Он и сына учил грамоте, сколько мог. Но со смертью жены хозяйство его пришлось в упадок. Когда умерла мать, мальчику было семь лет. Мне кажется, в своем знаменитом эссе «Сын старого мира» Нацагдорж писал о себе:

«Он рано осиротел, с детства вынужден был батрачить то в одном, то в другом аиле своего кочевья, и жизнь уже ничего хорошего ему не сулила. В трескучие морозы он сторожил табуны лошадей, а в летнюю жару пас овец. Дни его текли во веселее, чем дни тарбагана, который с осени погружается в спячку и выплзает только весной. Он думал, что нет правды, кроме той, что в словах дедов и отцов, и нет земли, кроме той, где пасется его скот».

...В центр аратского объединения имени Нацагдоржа мы добрались под вечер. Несколько каменных, не выше двух этажей зданий: клуб, школа, магазин, детский сад, больница, столовая. С десятков сборно-щитовых деревянных домиков. В одном из них правление.

Сидим в кабинете председателя правления товарища Намжиги. Он рассказывает о хозяйстве: в объединении 2600 жителей, 260 тысяч гектаров земли, из них 5 тысяч обрабатываемой, более 30 тысяч голов скота. Семья вправе держать в личном пользовании до 50 голов скота.

В среднем на семью выписывается от 5 до 8 названий газет и журналов. В клубе библиотека на 10 тысяч томов, кино 3—4 раза в неделю. В школе спортзал. С 1982 года можно будет принимать телепередачи из Улан-Батора...

Я слушаю, записываю, с любопытством оглядываю кабинет. Стены, обшитые древесностружечными плитами. Лампы дневного света. Радиоприемник и проигрыватель. На полках папки с бумагами, Собрание сочинений Ленина. Над председателем столом портреты Сухэ-Батора и Нацагдоржа.

Нацагдоржу на портрете не более двадцати пяти—двадцати шести лет. Худощавое, удлиненное кизу лицо. Тонкий, слегка вздернутый нос. Из-под шляпы, щеголеватого, наискосок надвинутой на лоб,—мудрый, с хитринкой, и одновременно задумчивый взгляд. Сквозь широкий ворот одноцветного дзла проглядывает белая европейская рубашка с галстуком. В левой руке зажата трубка. Таким он остался навсегда в народной памяти. Ему был 31 год, когда на ночной улице Улан-Батора перестало биться его сердце. Быть может, окажись в ту минуту поблизости люди, трагедии и не случилось бы. Кто знает...

Когда возникла в Монголии пионерская организация, Нацагдорж стал ее первым руководителем. Затем вместе с будущим академиком и писателем Ринченем и другими молодыми монголами (всего их было восемнадцать человек) учился в Ленинграде. Он вернулся на родину широко образованным человеком, с блестящим знанием восточной и европейской культуры, свободно владеющим несколькими языками. 30-е годы — время стремительного творческого взлета поэта. Трудно даже представить себе, какие открытия ждали его впереди, если и сегодня, уйдя из жизни тридцатилетним, он продолжает оказывать мощное влияние на литературу Монголии.

Товарищ Намжиг напоминает, что нас ждут в школе-воспитательнице. Она также носит имя Нацагдоржа. На улице мороз и ветер, а ребята встречают возле школы без шапок, в пионерской форме. Пытливые глаза, приветливые улыбки. Сначала нас ведут в мемориальную комнату Нацагдоржа. Здесь с десятком увеличенных фотографий самого поэта, его родных и близких, книги, отчеты о пионерском соревновании, знаки побед, одержанных учениками в спорте и труде. Осматриваем кабинеты русского языка, биологии. Беседуем с учителями. Завершает встречу небольшой концерт самодеятельности, в котором русские стихи и песни соседствуют с песнями и стихотворениями Нацагдоржа.

И я думаю о том, что Нацагдорж мог бы сейчас сидеть рядом с нами, слушать этот импровизированный концерт, смотреть на внучат своих — здоровых, крепких, не ведающих от рождения, что такое голод и бедность, окруженных неусыпной заботой не только своих близких, но и государства, счастливых ничем не ограниченными возможностями развивать и применять в труде свои способности и таланты, уверенностью в будущем.

Как сказал Намжиг, объединение переживает второе рождение. В июне 1980 года было принято правительственное решение о превращении его в специализированное подсобное хозяйство для снабжения строящегося poblости города и угольного разреза Баганур мясом, молоком и овощами. На цели переустройства государство выделило 5 миллионов тугриков. Хозяйство укрепляется кадрами. Сам Намжиг приехал сюда недавно. До этого 20 лет проработал в других аймаках, был удостоен высокого звания Героя Труда.

Баганур возник в ночной степи вначале свечением неба над горизонтом, затем многоэтажным залитых электричеством кварталов, где и теперь в свете прожекторов двигались башенные краны и ни на минуту не нарушался рабочий ритм стройки, улицами в шпалерах мощных оранжевых светильников, прямым, как взлетная полоса, шоссе.

Ночевали в рабочей гостинице на пятом этаже недавно законченного дома, а утром началось знакомство с городом.

— Угольное месторождение Баганур,— рассказывал генеральный директор строительства Дондов, энергичный молодой инженер, несколько лет возглавлявший ревсомольскую организацию монгольских студентов, обучающихся в СССР,— было открыто в 1974 году. А в феврале 1978 года сюда пришли строители. Баганур будет четвертым по величине и значению городом в республике. Запасы угля в разрезе оцениваются в 600 миллионов тонн. Если брать только самый «легкий» уголь из верхнего пласта (а это 300 миллионов тонн), то при проектной мощности разработок — 6 миллионов тонн в год — запасов хватит на 50 лет. На этой основе планируется построить ГРЭС с переброской части энергии в Сибирь, завод по переработке металлолома, кожевенно-меховую и швейную фабрики.

Баганур задуман как первый в Монголии безыуртовый город. Уже сейчас в черте города и на десять километров вокруг нет ни одной юрты. Строительство жилья идет опережающими темпами. В проекте второй очереди дома в 9 и 16 этажей. Участки под них уже отведены.

Мы ездил по строящемуся городу, и я вспоминал виденный перед этим в Улан-Баторе фильм о ревсомоле, где были документальные кинокадры, снятые в начале 30-х годов на строительстве первого монгольского промкомбината. Какой гигантский шаг сделан за послевоенные десятилетия! Чем могли мы тогда помочь Монголии? Не столько, пожалуй, техникой, сколько руками. А на строительстве Баганура главенствуют инженерная мысль и техническая мощь. Из огромных железобетонных конструкций машины-богатыри буквально на глазах возводят циклопические сооружения промплощадки, базы промгидроэнергетики, коммунально-бытовой зоны, которые отстоят от жилых кварталов на расстоянии, учитывающие Розу Ветров,— чтобы воздух в городе был чистым, чтобы жить в нем было удобно и хорошо.

Один плакат у дороги запомнился: «Соседство нам дано, дружбу кум мы сами». На строительстве занято четыре тысячи советских специалистов. К пуску разреза им надлежит подготовить 600 монгольских рабочих и техников. До училища многие жили в отдаленных сельских аймаках. Для них переселение из юрт в современный многоэтажный дом — революция. Но есть уже и такие, кто приехали в Баганур из Дархана и Эрдэнэца. Родители их — рабочие. И это, пожалуй, факт исторического значения. В Монголии, не знавшей до революции промышленных рабочих, рождается второе, потомственное поколение рабочего класса, наследующее от матерей и отцов привычку к новому жизненному укладу, новые трудовые навыки, новый строй мышления.

С Лодонгийном Тудэвом мы впервые познакомились в Москве на Первой международной встрече детских и юношеских писателей. Тогда он был заместителем председателя Союза писателей МНР. Запомнилось его страстное выступление в защиту детства от грязных рук империалистических дельцов, приносящих в жертву бесчеловечному бизнесу не только души, но и сами жизни маленьких граждан планеты.

Сотрудничать с Тудэвом радостно: он человек дела. И дело его служит миру, дружбе, взаимопониманию людей и народов. Приглядываясь не один год к работе Советской ассоциации деятелей литературы и искусства для детей, Тудэв загорелся мечтой создать что-то подобное этой ассоциации у себя на родине. Я думаю, у него это непременно получится. Во всяком случае, мы договорились в содружестве ревсомола и Советской ассоциации провести в 1982 году в Москве первую монголо-советскую встречу детских писателей, критиков, художников детской книги, издателей, преподавателей рисования и музыки на тему «Интернационализм в эстетическом воспитании».

Книгу Тудэва «Открывая мир» я читал с волнующим чувством того же радостного открытия, какое сопутствует на ее страницах маленькому герою. Уже слова авторского предисловия — простые и неожиданные для детской книги — настраивали на лад праздничный и серьезный одновременно.

«Мы очутились с ним один на один,— говорит автор, возвращаясь к моменту своего появления на свет,— я — жалкое, беспомощное существо, и мир — могущественный и многообразный; я — совсем маленький и нагой, а мне даже рубашки не было, и он, мир, великий и сказочно богатый. Мир — это тайна, мир — это сила. Я наивен, я слаб. Тем не менее обоим нам предстояло сойтись накоротке».

В русской литературе жанр автобиографической повести о детстве пользуется особым вниманием со времен Льва Толстого. Эпиграфом из толстовской повести «Детство» начинается и книга Тудэва. Своеобразие его книги проистекает не от тщеславного желания быть непохожим на других, а от честного стремления сохранить верность жизни и самому себе. «В детстве любимым его занятием было рисование.

К сожалению, рисунки в архивах не сохранились по той простой причине, что художник создавал свои произведения исключительно на песке».

В этой солнечно просвечивающей сквозь каждую строку улыбке и закладывается детская проза Тудэва. В отношении рассказчика к проказам и шалостям своего героя нет ни сентиментального умиления, ни высокомерной насмешки взрослого над ребенком, но есть действительная любовь к детству, возвышенная пониманием неповторимости, самоценности и не сравнимой ни с чем значимости детства в человеческой жизни.

Еще в 1925 году Горький писал из Сорренто первому министру просвещения Монголии Эрдэни Батухану: «Наиболее полезна была бы Вашему народу проповедь принципа активности». Маленький герой Тудэва, если толковать название книги буквально, казалось бы, только открывает мир. Но в том-то и суть, что это не пассивное созерцание мира, а деятельное его освоение, сначала еще неумелые и рискованные, однако все более результативные попытки вмешательства в произвольный ход событий с целью его изменения и подчинения человеку.

Маленький человек и большой мир — такова тема Тудэва — детского писателя. Мир, в котором все взаимосвязано. Немецкие фашисты нападают на Советский Союз, а в школах Монголии нет карандашей и тетрадей, свечей, дров, чернил. Известен рассказ о том, как Ленин в тюрьме писал свои работы и указания товарищам на волю молоком между строками книг — и съедая «чернильницы» из хлеба, когда появлялись надзиратели. Через этот вроде бы забавный пример дети ощущают остроумие, смекалку, негибкость Владимира Ильича в противоборстве с царской охранкой. Но изобретение, описанное в рассказе, неожиданным образом помогло монгольским школьникам сороковых годов выйти из трудного, вызванного войной положения и заменить исчезнувшие чернила обыкновенным молоком, в котором скотоводы и в те годы нужды не испытывали...

Мир поворачивается к растущему человеку то светлыми, то враждебными сторонами. И вмешательство человека в дела мира оказывается то добрым, то злым. Тудэв учит смело и непримиримо глядеть в глаза злу и верить в добро.

...Мы поднимались на причудливо выточенные природой скалы, похожие то на гигантских доисторических животных, то на руины древних крепостей. Вбиравшие щедрое лучи солнца, они источали приятное в эту морозную пору тепло. И Тудэв развивал занимавшую его мысль:

— Веками ламы учили, что землю трогать нельзя. Источники, горы, степь, какими они достались от предков, такими должны и уйти к потомкам. Познание ограничивалось созерцанием. Думай, рассуждай, но не пробуй ничего менять. А человек не может быть игровой стихией. Однако и власть над водой, огнем и землей должна стать разумной, созидательной, иначе она приведет людей к самоуничтожению... Вот ты был в сельской школе. Вспомни, что видел в биологическом кабинете?

— Чучела птиц, тарбагана, лисы, волка...

— Вот именно, — подхватывает Тудэв. — С охотой, животноводством, с тем, что для монгола традиционно, — с этим у нас все в порядке. Но как трудно приживаются пришкольные сады, огороды, пасеки! Почти все нынешние учителя-биологи выросли в семьях скотоводов, где и в мыслях не было ковыряться в земле. Сколько б они ни читали о красоте посаженного дерева, степняку-кочевнику эта красота непонятна. Он ее не чувствует сердцем. Получается вроде бы заколдованный круг: такие учителя и детям не могут передать тяги украшать землю садами, цветами, деревьями... И еще заметить, — добавляет он, помолчав. — Детей монголы традиционно любят. Никогда не обидят зря. Но при этом сохраняются и патриархальные пережитки. В старые времена молодежь обязана была слепо покоряться мнению старших. Во всем. Революция поломала этот тысячелетний обычай, губивший таланты в зародыше. Сухэ-Батору, возглавившему партию и государство, было двадцать восемь лет; Нацагдоржу, когда его назначили руководить пионерским движением, — девятнадцать. Дети, молодежь, новое в жизни — синонимы. Только опираясь на взрывчатую энергию молодости, на природное неприятие юными косности и рутины, пробуждая и высвобождая их инициативу, мы можем идти вперед поистине семимильными шагами. Этому процессу я и стараюсь помогать своими книгами, — говорит Тудэв.

Мы спускаемся к дороге, где нас ждет «газик». Я перебираю в памяти книги Тудэва, его широко известные, удостоенные премий у себя на родине и переведенные на многие языки романы «Горный поток», «Кочевье и оседлость», «Второй старт героя», повесть о Сухэ-Баторе «За Полярной звездой», его рассказы и стихи для детей, многочисленные выступления в печати как литературоведа и критика, как

партийного публициста, и думаю о том, что идущий рядом улыбающийся человек, крепкий, по-юношески энергичный, с едва приметными серебринками в густых смоляно-черных волосах, своей судьбой сына гобийского арата, ставшего крупным писателем, руководителем ревсомола страны, выражает суть новой Монголии, ее стремительное движение в завтрашний день.

В Государственной публичной библиотеке МНР десятки стеллажей заняты тяжелыми, завернутыми в желтую материю брусками. Директор библиотеки Загдын Цэндрагчаа снимает один такой брусок, кладет передо мной, осторожно распленивает, словно ребенка. Между двумя резными деревянными дощечками — стопа прочных сероватых бумажных листов. Каждый с лицевой стороны испещрен затейливой вязью старомонгольских букв, идущих сверху вниз. Это ксилографированные оттиски стовосьмидесяти-томного Ганжуура — переведенного и изданного в начале XVII века собрания древнеиндийских и тибетских сочинений по философии, медицине, истории, естествознанию, политике.

В той же библиотеке есть специальный зал. За стеклом на столах-витринах редкие издания Ганжуура; цветные иллюстрированные рукописные книги светского содержания; книги, страницы которых сделаны из атласа, а буквы вышиты шелковыми нитками; книги в переплетах из красного и черного дерева, из слоновой кости и серебра.

Но вот старик библиотечарь открывает большой банковский сейф и достает книгу, о существовании которой я не подозревал. Каждый лист — чеканное серебро, тяжелое, потемневшее от времени. И на нем текст, напаянный из литых, толстых, отсвечивающих тусклой желтизной литер.

— Золото? — спрашиваю я, касаясь пальцами непонятного, похожего на засохшую личинку знака.

— Червонное, — говорит библиотечарь. И поясняет, сколько сотен килограммов серебра и сколько десятков килограммов золота пошло на это издание, занимающее чуть ли не весь сейф.

Удивительны «титовые листы» золотой книги: поразительной тонкости многоплановый серебряный рельеф с изображением сидящего Будды в центре и десятков маленьких Будд и других богов и богинь, расположенных вокруг него по периметру, искуснейший символ литья и чеканки с вкраплением золота и драгоценных камней. Ювелирное произведение тончайшей, кропотливой, вероятно, не один год длившейся работы неведомых мастеров.

На мой взгляд, эти уникальные создания — дети двух родителей: пустого тщеславия богачей, владевших несметными сокровищами, и глубокого преклонения человека перед книгой как средоточием мудрости, знания, опыта.

В старину на Руси говорили: не все золото, что блестит. Возвращая старику хранителю бесценную серебряно-золотую страницу, которую он бережно кладет на стопку таких же страниц в сейфе, я мысленно перефразирую старую поговорку: не всякое золото — золото.

В самом деле, кому и какая польза от этой золотом на серебре запечатленной мудрости? В действующем монастыре Гандан ламы, слепо вода немывтым пальцем по страницам ксилографированных книг Ганжуура, наизусть бормочут священный текст. Я спросил у своего спутника, понимают ли они то, что читают. Оказывается, нет. Во-первых, древний, мертвый язык. Но главное, каждая фраза зашифрована.

Другие книги вызывают у меня гораздо больше сердечного трепета, восторга и волнения — те, что хранят на своих страницах и переплетах следы прикосновений сотен и тысяч детских рук. Книги эти я увидел на стеллажах Центральной детской библиотеки Улан-Батора.

Здание библиотеки — одно из красивейших в городе. Его хорошо видно из окон моего гостиничного номера через площадь и небольшой сквер с памятником Владимиру Ильичу Ленину. Белое, двухэтажное, с двумя увенчанными шпилями башенками, построенное в стиле «модерн» в начале века, до революции бывшее частным владением, затем служившее резиденцией посольства и недавно отданное под детские книги, оно живописно смотрится на фоне крутых вершин Богд-хана. Кажется символическим, что бронзовая скульптура Ленина обращена к библиотеке лицом.

Директор библиотеки Осорын Цэндсүрэн по образованию художник, скульптор. Но подлинным его призванием стала литература. В 60-е годы он учился в Москве, в Литературном институте имени Горького, в семинаре Льва Кассила. Разговор о Кассиле нас сразу сблизил: вспоминая старшего друга, учителя, мы почувствовали себя как бы членами одной семьи. Памятной стала для меня беседа с юными читателями библиотеки. Обрадовало хорошее знание ребятами советской литературы. В числе любимых писателей назывались Гайдар, Островский, Фадеев. Серьезный разговор состоялся у нас. Об отношениях поколе-

ний. О детской самостоятельности и о преемственности. Об уважении к опыту старших и о критическом восприятии этого опыта.

Есть в монгольском языке одно слово, особое. Его встретишь в Монголии всюду: на страницах газет и журналов, на уличных лозунгах и транспарантах, в театральных залах и на стенах сельских клубов, в школах и на бортах грузовиков, в строительных конторах и в библиотеках, в детских садах и в кабине машиниста шагающего экскаватора. Это слово громко звучит по радио и с экрана телевидения. Им называют пионерские лагеря и парки, производственные бригады и аратские объединения.

Слово это «найрамдал». В Монголии оно все чаще пишется рядом с его русским двойником, словом «дружба».

Еще на заре народовластия в Монголии Сухэ-Батор советовал: «Ежедневно выучите одно русское слово. Тогда за год получится 360 слов. Если уже знаете 360 слов, то дальнейшее изучение русского языка становится значительно легче. Старайтесь!» Сегодня этот наказ вождя помнит каждый монгольский школьник, руководствуясь им в повседневной жизни и в учебе.

...Торжественное собрание ревсомола республики, посвященное 60-летию речи В. И. Ленина «О задачах союзов молодежи». В зале драматического театра Улан-Батора собралось около 600 посланцев ревсомола — студенты и школьники-старшеклассники, солдаты народно-революционной армии, молодые рабочие и араты, учащиеся профтехучилищ, бойцы студенческих стройотрядов. Во всю ширину зала протянут написанный по-русски лозунг: «Товарищ Ленин, мы Вам докладываем!». Когда на трибуну вышел Тудэв и стал по-русски произносить доклад, я забеспокоился: а все ли сидящие в зале поймут, о чем он говорит?

Мои опасения оказались напрасны. Из президиума мне хорошо были видны лица сотен ребят и девушек. Их глаза светились вниманием и интересом.

Однако самое поразительное случилось потом. Вслед за Тудэвом на трибуну поочередно поднимались юные пионеры-сухэбаторцы, девушки и юноши из отдаленных аймачных центров и аратских хозяйств, со строев, из армейских гарнизонов, из вузов и школ Улан-Батора, докладывали об успехах своих товарищей в труде и учебе, в общественных, коллективных делах, в охране мирного труда родины, и все говорили на чистейшем русском языке. Как я ни прислушивался, я не мог отыскать в речах выступавших ни единой ошибки в произношении слова, в конструкции фразы или в ударениях, не отметил даже иностранного акцента. Так говорить могли только люди, владеющие языком в совершенстве. Кстати, в одном выступлении была названа и такая цифра: каждый седьмой монгольский пионер переписывается с другом из Советского Союза или иной социалистической страны.

А в заключение зал, поднявшись с места, дружно пел «Гимн демократической молодежи», и никто не сбился с текста; и особым смыслом наполнялись хорошо знакомые, но тут как бы заново прозвучавшие слова: «Кровью праведной алой наша дружба навек скреплена...» Ведь это говорилось и о крови наших отцов и дедов, пролитой в сражениях с бандитским сбродом Унгерна, с японскими самураями на Халхин-Голе, на крутых хребтах Хингана...

...Среди самых ярких впечатлений от Улан-Батора — недавно открытый в новом, только что отстроенном здании Музей Ленина. Имя Ленина для каждого монгола дважды свято. К чувствам, которые испытывает всякий труженик земли к вождю мирового пролетариата, создателю первой в истории рабоче-крестьянской державы, прибавляются и чувства сугубо личные: ведь Ленин стоит вместе с Сухэ-Батором у истоков монгольской революции и социалистического государства. Не случайно монгольские художники изображают на своих полотнах и мозаиках Владимира Ильича и Сухэ-Батора не только во время их реальной встречи в Московском Кремле в 1922 году, но и на фоне монгольской степи. Когда видишь эти романтические по форме, но верно отражающие суть вещей картины, невольно думаешь о шушенской ссылке молодого Ильича, о том, что от притулившегося к подножию Саян Шушенского не так уж далеко и до северных монгольских аймаков.

Я видел, как в торжественном мемориальном зале принимали в пионеры группу монгольских детей. Эти минуты запомнятся им на всю жизнь. Да и любой посетитель, будь он ребенок или взрослый, покидает залы музея, испытав светлое, очищающее душу потрясение. Ленин учил бережно относиться к прошлому, быть рачительными наследниками всего, что сумели создать, узнать, сберечь прошлые поколения. В историю наших народов, наших стран вписаны в годы социализма замечательные страницы — страницы мужества и благородства, страницы братства. На них учится правде, учится жизни нынешнее поколение.

Счастливым и гордой судьбы, дорогие монгольские друзья!

Ольга КОНДРАТЬЕВА



*Волшебным кажется туманное окно.
За ним впопыхах — невнятное движение,
Узоры листьев, дрожь их и сплетенье
Толкуют что-то древнее давно...
Как часто мы не те листы листваем,
Ни на минуту в них не усомнясь,
И многое живет и вырастает
Таинственно, неведомо, для нас.
Зеленый лист порой мудрее книжных,
И в сочетанье тайн его подвижных
Рассказано о том, как нам близка
Жизнь дерева, травинки и цветка...*



*Судьба плетет невидимую нить...
Тихонечко, легонечко, неслышно
Шуршат снега, выбеливая крыши.
Судьба плетет невидимую нить...
Остановись, прислушайся, замри,
Чтоб каждый звук отчетлив был в округе —
Что зреет в недрах сумасшедшей выюги,
В широком алом пламени зари?
Мы глухи, слепы в суете — как быть?
И в круговерти дней кромешной
Как нам почувствовать: упрямо, нежно
Судьба плетет невидимую нить...*

По Волге

*То дыбится бор в небеса,
То дремлет заливчик пустынный...
Тумана лежит полоса,
У самого берега стынет.
А в ней, будто стайка утят,
Суденышки рыбаков
Цепочкою редкой стоят
И празднуют утренний клев.
Чудесна недвижность вод
И влажная тишина.
Как айсберг, большой теплоход
Почти не колышет волна...
Вдруг розово все рассветает,
И гаснет далекий маяк,
И вот она, Волга, седая, святая,
Всей крови родная моя.
Старинная это загадка,
Ее разрешить не берусь:
На Волге и больно и сладко
Вникаешь в короткое — «Русь».*



*Не называй словами чуда,
Но молча, тайно береги.
Не говори о нем, покидая
Оно всю душу беретит.*

*По именам назвать предметы,
Одушевить и приручить
И власть над ними получить
Умеют дети и поэты.*

*И выразить живое чувство,
Пожалуй, может лишь искусство.
Обрушь на сердце словапад —
Лишишь благоуханья сад.*



*Сидела у метро собака,
Смотрела пристально на дверь,
Ждала какой-то вести, знака,
Не веря худшей из потерь.
За часом час. И дождь закапал.
Народ с работы повалил.
Прошел. Смеркалось. Пес заплакал,
На лапы морду уронил.
Как много ног чужих на свете!
Огромен мир. А пес так мал.
А он хозяина не встретил.
Домой дорогу потерял.*

ПЕВУЧАЯ ДУША РОССИИ

Юрий НАГИБИН

I

Преданно и беззаветно полюбив Лемешева с двенадцатилетнего возраста и став с тех пор завсегдаем оперы, не пропустив ни одного его концерта в течение десятилетий, исписав о нем много страниц, шесть лет живя с ним в одном доме, в соседних подъездах, что ни день сталкиваясь во дворе и обмениваясь смущенными полупоклонами, я умудрился так и не познакомиться с самым нужным мне человеком.

Изысканнейший Жан Жироду считал цитирование самого себя дурным тоном. Мне же не представляется излагать свое «собственными словами» пустым жеманством. И я процитирую тот кусок из рассказа «Меломаны», который открыл Сергею Яковлевичу, что «в мире есть душа одна, она до гроба помнить будет». Конечно, моя душа — одна из сонма людских душ, которые до гроба будут помнить Лемешева.

«...Мы с отцом вовсе не собирались в театр, просто бродили по воскресным весенним полуденным улицам, и какой-то помятый человечек предложил нам лишние билеты на «Севильского цирюльника». Отец совершил несколько будничных движений — достал бумажник, порылся в нем, извлек две старые трешницы, получил билеты, и мы прошли сперва в прохладный вестибюль, затем в зрительный зал, и неловко пробрались к своим местам при медленно гаснущем свете.

Я оставался глух к музыке Россини, но каждое появление на сцене невысокого, изящного, юношески стройного, дерзкого, насмешливого и отважного человека с очаровательно звучащим именем граф Альмавива наполняло меня неизъяснимым блаженством. Он был напоен щедрой и радостной жизнью, он любил девушку и, чтобы добиться ее, вырвать из цепких лап ревнивого старика, надевал личину то странствующего певца, то монашка, то пьяного армейского офицера и, наконец, появился в своем истинном великолепии. Его удивительный, теплый голос проникал в душу и, вытесняя ее, сам становился нежной, легкой, радостной душой. Когда в зале зажегся свет, я прочел в программе: «Граф Альмавива — С. Я. Лемешев».

Я знаю, любить теноров позволительно чувствительным девицам, а не будущему воину. Но что подлаешь, если будущий воин, даже став седоголовым бывшим воином, все так же любит Лемешева. Неизменная преданность ему сродни моему отношению к Есенину. Есть поэты большие, изысканные, сложнее, современнее, но таких, как Есенин, нет и не будет. И ту мою жажду, что утоляет он, не дано утолить никому другому...»

С того незабвенного воскресного дня началась опасная, упоительная жизнь: ходить «на протырку» в Большой театр и, главное, в его филиал, где контроль не отличался такой строгостью. Вначале мы — я и мои друзья, тоже поголовно влюбившиеся в Лемешева — ходили лишь на утренники, но уже лет с четырнадцати — хотя отнюдь не акселераты, дети голодных лет России, мы выглядели старше своих лет — стали «посещать» и вечерние спектакли. Если нас все же вышвыривали, то не по возрастному признаку, а из-за отсутствия билетов. Ребята побойчее, понахальнее прошмыгивали мимо контролерши к началу спектакля, я же, как правило, дожидался второго действия, когда контроль приметно слабел. Быть схваченным за руку, обруганным, пристыженным и выставленным вон, к тому же на глазах многочисленных свидетелей, было невыносимо для моего самолюбия. «Протырка» начиналась весной, когда не нужно раздеваться в гардеробе, где у мальчишек тоже спрашивали билеты. В антракте многие зрители выходили на улицу покурить или просто подышать свежим воздухом, и я просил дать мне билет с уже оторванным контролем, клятвенно обязуясь вернуть его в



Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

вестибюле. Слово догадываясь, что у меня все в порядке, контролерши не спрашивали билета. Но стоило раз не подстраховаться, как меня тут же остановили. Я выкрутился, сказав, что билеты остались в сумочке у моей «дамы». Свободные места в зрительном зале почти всегда находились. Редко-редко приходилось взбираться на галерку, где разрешалось смотреть спектакли стоя — иначе просто ничего не было видно, кроме потолка, люстры и верхнего края занавеса. Но обычно мы выше первого яруса не забирались.

В отличие от моих более решительных и бесстыжих друзей я раз за разом слушал «Травиату» без «Застольной», «Риголетто» без «Баллады Герцога», «Онегина» без объяснения Ленского с Ольгой; в других операх потери не были столь велики, ибо и Берендей, и Владимир Игоревич, и Синодал «разворачивались» не ранее второго действия. Конечно, пришло время, и я услышал «Налейте, налейте бокалы полнее», «Та иль эта, я не разбираю», «Я люблю вас, я люблю вас, Ольга», но тогда я уже был студентом, получавшим стипендию и всю ее оставлявшим в кассах Большого театра. Ну, а на концерты, которые Лемешев давал в Москве не столь часто, хотя чаще любого другого оперного певца в довоенное время, расщедрились мои небогатые родители, уже понявшие обреченность своего единственного сына. Так, мне посчастливилось услышать в Колонном зале Дома союзов цикл из пяти концертов Лемешева, включавший сто романсов

П. И. Чайковского — если не ошибаюсь, все романсовое наследие композитора. И вот тогда вспомнились высокомерные слова Римского-Корсакова, брошенные в ответ на неосторожное сообщение одного из приверженцев «кучкистов», что он слышал в Москве с десяток хороших романсов Чайковского. «Неужто столько? — пожал худыми плечами Римский. — Я думал, их куда меньше». Художественный подвиг Лемешева показал, что их неизмеримо больше — и не просто хороших, а лучших — после глинковских — в русской романсовой музыке. Время все ставит на свои места...

Но к романсам мы еще вернемся. У меня все-таки иная цель: показать, что значил в моей жизни С. Я. Лемешев, явившийся лишенному слуха двенадцатилетнему мальчишке, словно Звезда Вифлеемская, предвестником чего-то неведомого, громадного, что, осуществившись, пересоздало ему душу. Я испытал в жизни ряд художественных потрясений — много ли, мало ли, не берусь судить, но все они нарезаны на моем сердце, как образ любимой на сердце Пастернака.

Существует такая весьма распространенная точка зрения (об этом уже говорилось), что любить оперных певцов, особенно теноров, несколько стыдно; ну, басов куда ни шло — мужская, мол, работа, — а так надо соблюдать известную долю иронии, признаваясь в своей стыдной слабости, сохранять, что ли, дистанцию, чтобы не замешаться в толпу истерических девиц с несложившейся личной судь-

бой, переносящих тщетные любовные грезы на душу-тенора. Но коли ты не ощущаешь в себе истерической девицы, тайно пробирающейся в твою мужскую суть, то не робей и смело признавайся в любви к тенору, как ты признаешься в любви к Тинторетто, Ван-Гогу, Цветаевой, офортам Остроумовой-Лебедевой или романам Достоевского. Не боюсь сказать, что в моей шестидесятилетней жизни Лемешев сыграл едва ли не меньшую роль, нежели величайший и самый трагический прозаик мировой литературы, хотя, естественно, совсем иную. Думаю, что я удержал в себе жизнеутверждающее начало главным образом благодаря ему.

В первую же встречу на «Севильском цирюльнике» Лемешев открыл мне музыку. Лев Толстой в глубокой старости, думая о смерти и пытаясь примирить себя с неизбежным, порой веря, что ему это удастся, сказал однажды с душераздирающей болью и слезами в старых глазах: «Но ведь там не будет музыки!»

Я лишен слуха, хотя со временем у меня обнаружилась редкой цепкости музыкальная память, — неверно, фальшиво в каждой ноте, но так, что любой человек догадается и без слов, что я имею в виду, могу спеть от начала до конца «Риголетто», «Травиату», «Трубадура», «Евгения Онегина». Старею, прежде мог бы еще исполнить и «Богему» и «Паяцев». Музыка не царил в нашем доме, хотя какой-то тайной, сомнительной памятью вижу черное блестящее крыло роля в одной из отобранных у нас позже комнат. Тонким слухом обладал отец, но он постоянно находился в отлучке, строя по всей стране и появляясь в Москве лишь эпизодически, что не помешало ему сделать мне величайший за всю мою жизнь подарок — Лемешева! У матери был плохой слух, музыка ее мало трогала, но, убирая по утрам комнаты, она напевала «Шумом полны бульвары», «Пара гнедых», ранние романсы Вертинского, с которым дружила еще гимназисткой. Потом мать, видимо, решив окончательно разделиться с музыкой, продала роля, разошлась с отцом и вышла замуж за писателя Рыкачева, которому не то что медведь — мамонт на ухо наступил.

Я уже был страстным читателем и удивительно рано — и на всю жизнь — поддавался волшебству красок и линий, безжалостно прогуливая школу ради Музея западной живописи (быв. Шукшинский), Музея изящных искусств и Третьяковки. Я уже начинал прислушиваться к стихам, хотя этот рай открылся мне много позже, замирал у красивых зданий — словом, обнаруживал все то, что очень скоро подсказало моим глубоко огорчившимся родителям: инженера из их сына не получится. Вместо настоящего человека технического века в доме растет безнадежный гуманитарий. Мой печальный удел представлялся им еще печальней, ибо они видели, что я начисто обделен в главном, без чего невозможно не только творить в любом искусстве, но даже воспринимать его по-настоящему. Все знают, что Гете называл архитектуру «застывшей музыкой». Но чего стоят без музыки не только стихи, но и «презренная» проза? И в живописи присутствует музыкальное начало. Ритмом поражает «Тайная вечеря» Леонардо. Хорошо, что я сам, подобно Иоланте, не догадывался о своей обделенности. Боже, до чего же я был ниц, пока человек в бархатном плаще — граф Альмавива не открыл мне Вселенную музыки! Значит, что-то древнее, родовое, бог весть из какой глубины, скрывалось во мне под толстым пологом глухоты.

Мой случай любопытен не в плане моей личной биографии, что важно лишь для меня самого, а в плане общем: значит, может человек без слуха, ну, с предельно дурным слухом не только полюбить музыку, но сделать ее одним из главных сокровищ своего духа.

Я не знаю, что такое «понимание музыки». Во всяком случае, это не то, что пишут на пластиночных конвертах: «разработка основана не на внешнем формальном изменении составляющих ее элементов, а на свободном истолковании заложенной в ней поэтической идеи». Узнаете вы в этом «Крейцерову сонату»? Что дает страждущей душе подобное шаманство? Но в силах человека, явно не рожденного «для звуков сладких и молитв», сделать так, чтоб музыка стала счастьем его дней. Мне же музыка помогает и в моей писательской работе. Ею я проверяю звучание фразы, насыщенность, ритм...

Почему же именно на Лемешева произошел этот психологический сдвиг, почему им разбужена была глухая душа? Ведь меня и до этого таскали в оперу, но ничего, кроме скуки, я не ощущал. Я уже говорил, что раньше всего открылся изобразительному искусству. Ни о чем не мечтал я так страстно, как об истории живописи Александра Бенуа. И когда родители смогли наконец сделать мне этот

подарок, не было на свете более счастливого человека. И сейчас мне думается: я услышал голос Лемешева, очарованный его обликом, откликнулся на его красоту, ценить которую научила меня живопись. Только на полотнах старых мастеров видел я лица такой красоты и благородства. А прибавьте к этому изящество движений, аристократизм в каждом жесте. Откуда у крестьянского сына, выходя из деревенской тверской глубинки, такая изысканность, тонкость повадки, сочетавшей свободу со сдержанностью? Истинно народный человек, Лемешев, когда требовалось, без малейшего насилия над собой становился настоящим аристократом, это коренилось в редкой восприимчивости богато одаренной натуры, а закреплено хорошей школой — все-таки он был прямым учеником Станиславского.

Прекрасная наружность, которой не мешал скромный рост певца: так безукоризненно был он сложен, строен, широкогруд, — стала для него в зрелости, когда развеялась юношеская беспечность, источником чуть ли не мук. При всей своей редкой доброте, скромности, врожденном расположении и доверии к людям Сергей Яковлевич приходил в ярость от необузданности поклонниц. Он хотел, чтобы в нем видели певца, а не писаного красавца. Даже похожие на мясников представители бельканто, случалось, приходили в отчаяние от напора почитателей, каково же было тенору с внешностью Адониса?

Рискуя разгневать милую тень, ибо знаю, сколь тягостно было ее владельцу языческое поклонение необузданных поклонников, я все же вынужден подтвердить, что с закупоренными ушами и отверстыми глазами действительно сперва увидел внешний образ — картинку, и, как ни странно, зрелище отверзло мне слух. И этот слух уловил прежде всего необыкновенную окраску голоса певца — тот единственный в мире, теплый, нежный, волнующий, не поддающийся определению в бедных словах, лемешевский тембр, позволяющий мгновенно узнать его по едва слышной, замирающей вдали ноте. Вот на какой волне внесло меня в музыку. Уже к концу того незабвенного оперного спектакля, который я потом слушал без числа, Лемешев стал восприниматься мной неделимо.

Лемешев не только открыл для меня музыку, научил ее слушать и слышать, что уже бесконечно много, он повел меня дальше, открыв нечто более сложное и важное, чем опера, романс, песня, ибо всегда давал что-то сверх прямого музыкального содержания, намекая на какую-то тайну, скрытую сторону бытия. Это отличало его от всех остальных певцов (кроме Обуховой, владевшей тем же колдовством), даже с большими голосами, с безграничными верхами и умением доводить каждую ноту до абсолютной исчерпанности. И тут дело не только в редком таланте, артистизме, отличной школе, сделавшей небольшому голосу доступным все (даже когда певец в результате тяжелой болезни остался при одном легком), не только в любви к своему искусству, непосредственности, образцовом вкусе, а в том, что он сам был частью природы, таким же естественным творением земли, солнца, воздуха, как трава, цветок, дерево, и такой же принадлежностью России, ее истории, ее боли, ее терпения, ее радости и нежности наперекор всему, как и породивший его народ. Поэтому в его пении, чрезвычайно умелом, мастерском, а вовсе не нутряном, сыром, как бог на душу положит, не было никакой «химии» — я только недавно узнал это выражение, обозначающее то, что не позволило мне полюбить с равной силой других выдающихся теноров. Лемешев — над счетами, к нему приложимы слова Бориса Пастернака, адресованные высшей поэзии:

*И тут кончается искусство,
И дышит почва и судьба!..*

Я хочу вернуться к тому, что создает неповторимое очарование голоса С. Я. Лемешева и дарит ему такую власть над душами, — к его тембру. На память приходит замечательное высказывание тогда еще совсем юной Мариэтты Шагинян о Рахманинове, чьей страстной и наиболее умной поклонницей она была. Мариэтта Сергеевна первой сказала и написала о единственном в своем роде «смуглом звуке Рахманинова». Логически объяснить ее слова невозможно, что не помешало многим писавшим о Рахманинове сразу принять их на вооружение. Ирония судьбы: Рахманинов так сердился на своего друга Скрябина за звукоцвет, а лучшее определение для его собственного пианизма нашлось в цветовом ряду. Сколько я ни читал о Рахманинове, сколько ни слушал его, работая над двумя большими посвященными ему рассказами и телевизионной переда-

чей, нет и не было точнее и художественней слов, осенивших Мариэтту Сергеевну. Видимо, Артур Рубинштейн не знал их, когда во время его московских гастролей Лев Оборин спросил, кого тот считает величайшим пианистом в мире.

— Владимира Горовица, — не задумываясь, ответил Рубинштейн, явив своим ответом не только высокую художественную честность, но и скромность: великий виртуоз имел право хоть на легкое колебание. Виктор Гюго в сходных обстоятельствах долго откашливался, что-то бурчал и наконец гаркнул: «Альфред де Мюссе второй величайший поэт Франции!»

— Как, а не Рахманинов? — удивился Оборин.
— Ну, так это же Рахманинов!... — чуть растерянно произнес Рубинштейн. — Это совсем другое дело... Горовиц — да!.. Но, знаете ли... — и, не найдя слов, покрутил коротковатыми для пианиста такой феноменальной техники пальцами.

Казалось, еще немного, и он скажет: знаете ли, у Горовица есть все, кроме смуглого звука Рахманинова, — но повторного открытия не случилось.

У голоса Лемешева — смуглый звук, которым не обладает никто другой...

II

Сергей Яковлевич Лемешев научил меня прежде всего любить оперу — искусство, которое некогда считалось вершиной музыкального творчества. Мוצарт постоянно мучился, что ему не заказывают опер (их заказывали Сальери — кто кому завидовал?), он справедливо считал, что непоставленная опера — мертворожденное дитя, как бы прекрасна ни была музыка. Ибо опера — синтетическое искусство: сочетание музыки и зрелища. Верди и Вагнер целиком выразили себя в опере, исходя из взаимоисключающих представлений о ее сущности: драматический мелодизм Верди и музыкальная драма Вагнера. Опера была источником муки и счастья Чайковского, еще большее место занимала она в творчестве Римского-Корсакова. Но в нашем веке опера стала считаться чем-то второстепенным, пошловатым, почти смешным. Видимо, сыграла роль и нападки Л. Толстого, хотя они казались скорее исполнением, нежели сущностью того высокого и сложного искусства, каким является опера. Уже больно уязвима опера именно в силу того, что слишком многого требует от артиста: большого голоса, музыкальной культуры, внешности, драматического таланта. Природа редко бывает столь щедра к своим детям: за каждый дар она тут же взимает дорогую плату.

Я читал в мемуарной книжке Джильи, что теноровый голос как-то связан с надпочечниками и еще какими-то важными, весьма почтенными, но не очень поэтичными внутренними органами человека и что единственный в своем роде голос Карузо явился результатом парадоксального строения его организма, подтвержденного посмертным вскрытием рано покинувшего мир певца. Толщина тоже нередко сопутствует тенорам. Сам Джильи был безобразно толст и очень некрасив; тучен и внешне мало привлекателен был и великий Карузо, болезненно толст Марио Ланци; быстрое, ради кинесмока похудение на два пуда привело его к мгновенной, преждевременной смерти. Таких стройных и высоких теноров, как наш Иван Семенович Козловский, не часто встретишь. Строен и прекрасен был в молодые годы великий Сибилов. Но это все исключения: чаще всего тенор — это маленький, круглый человек, нередко с бычьей шеей, и мы должны верить в пузатенького герцога Мантуанского, в не помещающегося в собственные штаны трубадура Магрико, в немолодого и крайне непозитичного Ленского, в Альфреда, похожего на банкира выше средней упитанности, в смешного коротышку Рудольфа. Еще хуже обстоит дело с оперными героинями: семипудовая Виолетта, пытающаяся уверить зрителей легким покашливанием, что она умирает от чахотки, а не от ожирения, старенькая Джильда с бульдожьей мордочкой и такая же Лакме, и почему колоратурные прелестницы непременно лет на десять — пятнадцать старше партнеров, — все это столько раз обыгрывалось юмористами, что не стоит повторяться. Плохая игра, чаще же полное отсутствие таковой (неизвестно, что хуже!), скверный текст и глумливое, устарелое либретто окончательно принизили высокое искусство оперы в глазах людей образованных, как выражались в прежнее время. Сохранявшие верность опере относились к ней как к искусству, неотделимому от условности. Ведь условность самого разного рода отлично приживается на сцене: условность шекспировского театра, где слово «лес», намалеванное на доске, заменяло усилии декорато-

ров; условность кукольного театра, ничуть не озадачивающая маленьких зрителей; условность театров Мейерхольда или Таирова, условность балета, где чувства выражаются танцами,—надо только принять правила игры, и вам ничего не будет мешать. Преданные опере люди соглашались на все условности: пусть почтенная матрона (Джилда, Лакме, Мими) в нарушение житейской морали чарует незрелого, но уже с «пивным брюхом» юнца (Герцог, Джеральд, Рудольф), пусть обновленный Фауст старше себя же седобородого, а мечтательный поэт Ленский — подагрик преклонных лет.

Мне же крепко повезло в 1932 году. Понимая и любя условный театр, я не выношу условностей, так сказать, вынужденных — тех, о которых речь шла выше. Но когда я начал посещать Большой театр (назовем так звучно «протырку»), на сцене появлялся настоящий оборванческий герцог Мантуанский, настоящий Альмавива, настоящий Альфред, настоящий Рудольф, настоящий Ленский — начинался триумфальный путь Лемешева.

Здесь по справедливости следует сделать одно отступление. В очерке-рассказе, опубликованном «Нашим современником», Владимир Солюхин пишет: «После Собинова, о котором мы уже не стесняемся говорить — великий, у нас два тенора выходят из ряда так решительно и далеко, что другие, тоже замечательные тенора остаются все же внизу и сзади. Если время в течение ближайших лет не произведет какого-нибудь уника, который затмит все и вся, то эти певцы — Лемешев и Козловский так и будут представляться нам среброгловыми великанами вершинами в ряду пестрых высоких, но не достигающих все же оледенелой, незыблемой славы гор».

Когда С. Я. Лемешев пришел в Большой театр, там царил И. С. Козловский. В своей прекрасной автобиографической книге Лемешев пишет о том глубоком уважении и восхищении, которые всегда испытывал к старшему товарищу по сцене — разницы в годах была невелика, но Козловский много раньше пришел в Большой театр и уже завоевал широчайшее признание. С приходом С. Я. Лемешева началось «двоевластие». Они очень разные во всем, эти два замечательных певца. Козловский, обладатель большого голоса, который он умел тщательно беречь, великолепно поставленного дыхания, гарантирующего непомерные верха, похоже, не стремился (за одним-единственным исключением, о котором чуть ниже) к созданию сценического образа. Он всегда оставался Иваном Семеновичем Козловским — голос был прекрасен сам по себе, и артист не слишком заботился о музыкальной характеристике персонажа: лилось расплавленное серебро, а из чьей груди — Альфреда, Рудольфа, Синодала, — какая разница? Порой казалось, что он и вообще всех их презирает. Но было одно исключение: до слез пронзительный образ Юродивого («Борис Годунов») с закатывшимися, полубезумными глазами, с доброй, расслабленной и страшной, как рок, улыбкой; Никола в железной шапке, у которого отняли копейку, бросает царю Борису в глаза ужасную правду, а затем его потрясанный стон влетает в голос народной боли. Этот образ был органически близок Козловскому, человеку божьему — его хлебом не корми, дай попеть в храме, полюбоваться иконой древнего письма, с другой стороны — заковыряться в искусство: он обожает двусмысленность капустников, розыгрыши, маскарады, всякую затейливу, и, наконец, чрезвычайно приверженному русской истории, культуре, искусству. И, наверно, изящные герои Верди, Пуччини, Гуно не слишком вдохновляли его в плане драматическом, достаточно того, что он уделял им свой чарующий голос... Очень сильная индивидуальность, он не считал нужным подчинять себя тому, что не вызывало у него такого мощного ответного движения, как уникальный образ Юродивого. Ему он откликнулся всей своей глубинной сутью, а лирическим красавцам — нет. Он был великолепным Лозингином, чему способствовала статуарность неземного образа посланца св. Грааля. Талант И. С. Козловского не столько лирического, сколько эпического плана.

Мягкая, податливая, несклонная к постоянному самоутверждению натура Лемешева да и большой драматический дар позволяли ему легко и радостно перевоплощаться в самых разных героев: от романтического Дубровского до смешного поповича Афанасия Ивановича в «Сорочинской ярмарке». Он любил и умел играть, недаром уже в старости с огромным успехом выступил в роли царя Берендея, но не в опере, как прежде, а как драматический актер в пьесе-сказке Островского.

Остановилось на таком запетом, выхолощенном всеми тенорами образе, как легкомысленный и

жестокий герцог Мантуанский (кстати, побывав недавно в Мантуе, я узнал, что там правил знаменитый в итальянской истории род Гонзага). Я не принадлежу к тем, кто считает, что опера Верди опознала «гениальную» пьесу В. Гюго «Король забавляется». У Гюго Франциск I (галантный, но в государственных делах весьма серьезный и деятельный монарх) и умный шут Трибуле так же неисторичны, как вымышленный герцог Мантуанский и горбач Риголетто. Но у Верди вместо трескучей высокопарности звучит мелодичнейшая музыка, а само мелодраматическое действие — я понял это через Лемешева — нашло более точное воплощение, нежели у необузданного французского романтика.

Герцог Лемешева в полном соответствии с музыкой и замыслом Верди, всегда знавшего, чего хочет, — это человек позднего Возрождения. Не просто сластолюбец, жестокий и беспощадный раб плоти, готовый принести в угоду мгновенному и неодолимому вождению любую жертву, нет. Он прежде всего Великий любовник, он не в силах противостоят чувству, но в каждую данную минуту всегда искренен. Кто видел замечательный английский фильм «Генрих VIII» с Чарльзом Лаутоном в главной роли, помнит поразительный, заново прочтенный образ традиционного злодея, губителя молодых безвинных женщин, представшего в фильме тоже человеком Ренессанса, когда во весь голос заговорила о себе подавленная, поправная средневековым плотью, человеком необузданным, чрезмерным во всем, но по-своему притягательным и вовсе не столь виновным. Лаутон почти оправдал своего героя, показав его изнутри, это не Синяя борода старых сказок, а громадная личность, переполненная соками жизни.

Герцог Мантуанский Лемешева тоже порождение своей эпохи, жадной до наслаждений и мало щепетильной в достижении их. Позже репертуар Лемешева украсит юноша Возрождения более раннего времени, и сыгран он будет совсем иначе. Ромео и Джульетта отказались поставить любовь над предубеждениями, герцог Мантуанский зажег свой огонь, когда плоть была не только реабилитирована, но вознесена, почти обожествлена великими художниками и скульпторами, когда девственно чистого Петрарку заслонили сочный, порвавший со всеми запретами Бокаччо и откровенно похотливый Поджо Браччолини. И все же Герцог по-настоящему страдает, когда думает, что Джильду похитили подлые негодии. В «Голубке», так часто пропускаемой другими тенорами, звучит истинный голос молодой страсти и боли. Но Джильду, оказывается, похитили придворные для своего повелителя, и он мгновенно забывает о всех горестях и упивается любовью, а испив эту чашу до дна, мгновенно забывает о бедной девушке, захваченный цыганской прелестью Мадалены, — в любовном демократизме Герцогу не откажешь. Но не откажешь и в другом — в обезоруживающей неподдельности страсти, он каждой отдаст себя до конца, и женщины счастливы с ним. Беда Джильды в том, что, отгороженная пугливым калекой-отцом от всего мира, она не знала, что постоянство и верность стерты со скрижалей уже загнившего времени. А вот Герцог это знает, как знает цену самому себе и своим дамам сердца, которых все равно любит, пока с ними. И увлекает та отвага, с которой он кидается навстречу новому приключению, чреватому порой гибелью.

Нет, Лемешев не оправдывает Герцога, но, показывая его изнутри (как Ч. Лаутон Генриха VIII), делает из оперного манекена живого, пылкого, грешного, очаровательного человека, способного к воспламенению, даже к состраданию, но слишком завертешегося в сверкающей карусели жизни; по-своему даже безвинного, ибо он уверен, что играет с окружающими на равных. Будь Риголетто не шутком, а просто человеком двора Гонзага, Джильда выросла бы в понятиях своего времени, и тогда не исключено, что она стала бы герцогиней Мантуанской или, отряхнувшись, пошла дальше тем же путем, каким спокойно шествовали другие дамы того нетребовательного в нравственном смысле времени. В ее гибели повинен не столько влюбчивый герцог, сколько несчастный отец, скрывший от дочери скверну жестокого и развращенного мира.

Затасканная опера, освещенная талантом Лемешева, оказалась куда осмысленней и глубже, чем нас приучили думать представители бельканто, орущие во всю мощь воловых связок о моральной ответственности своего героя, или отечественные соловьи, обласкивающие старые мелодии дивными трелями, но ни разу не затруднившие мозг заботой о смысле этих трелей.

И совсем другими красками рисовал Лемешев Альфреда в «Травиате», запетой не меньше, чем

«Риголетто». Засалившийся от векового тенорового равнодушия и никогда не сыгранный всерьез, Альфред смирился с участью бледного спутника Виолетты. Талант и поразительная интуиция недавнего крестьянина и кавалериста вдруг наделили образ объемностью и глубиной самостоятельной жизни. Альфред обрел и отчетливую социальную окраску: он типичный отпрыск богатой буржуазной французской семьи, тянущейся к аристократии. Но все же не дотягивающейся, что Лемешев великолепно показывал в сцене мести Альфреда бросившей его любовнице и столкновения с бароном. Здесь в изысканном Альфреде проявилось что-то нуворишское, что-то такое, что по светскому счету ставило барона выше его. И он сам это чувствует, но ничего не может поделать с собой.

Альфред Лемешева спасается отчаянием и любовью — и спето и сыграно это выше всяких похвал. Я не знаю, читал ли Лемешев Марселя Пруста, вряд ли, он слишком предан был русской классике, но его Альфред напоминает мне изысканного прустовских героев, прежде всего самого Рассказчика, принадлежавшего к той же социальной среде, что и Альфред Жермон, и вообще близкого ему по духу, обнаруженному Лемешевым в этой оперной марионетке. Но великая литература как бы наполняет собой атмосферу и проникает в людей произвольно — с дыханием; можно не открывать Пруста и все же обладать неким подсознательным представлением о его художественном мире.

Альфред первого действия — это юный парижский денди, старающийся казаться более искусным, чем это есть на самом деле, даже несколько пресыщенным своим далеко не столь уж значительным опытом в «науке страсти нежной». В нравственном отношении это не герцог Мантуанский, но ему очень бы хотелось так выглядеть в глазах окружающих. Нежданно вместо очередной интрижки его охватывает настоящая глубокое чувство, и не к чистой девушке, а к профессиональной любви. И та отвечает ему взаимностью. Любовь перерождает многоопытную душу Виолетты, смывает с Альфреда налет парижского лоска, возвращает к себе, подлинному, доверчивому, милому провансальскому юноше, но уже осознавшему ответственность за чужую судьбу. Задумчивая ария второго действия, исполненная нежности, благодарности любимой женщине и пробуждающейся молодой силы, способной отстоять любимую в жестоком и жадном мире, была так интонационно богата у Лемешева, что я никогда не замечал ее нищих слов. Остальные тенора в меру отпущенного им таланта лишь информировали слушателей о якобы свершившейся в них перемене, озачоченные одним: довести до нужной «кондиции» каждую ноту.

Я слушал «Травиату» не счесть сколько раз и всякий раз поражался слиянности Лемешева с образом. Ему не надо едал его герой. В третьем действии, когда он появляется на балу, чтобы совершить свою жестокою и жалкую мечь, он был как натянута струна. Это все тот же юноша, наивный, любящий, добрый, но оскорбленный до глубины души и собравший все силы, чтобы сыграть беспощадную мужскую роль. С необыкновенным артистизмом, изяществом и тонкостью давал Лемешев проглянуть за всеми взрослыми поступками Альфреда милую мальчишескую нелепость этой жертвы точно и беспощадно знающего свои цели общества.

И, наконец, последний Альфред — истрадавший, все понявший, безмерно любящий, ставший настоящим человеком, да слышном поздно...

Я мог бы немало сказать и о Лемешева — Рудольфе, ставшем действительно нищим поэтом, счастливым своим внутренним богатством, даром слагать песни. И как зазвучали банальные, безнадежно стершиеся слова о бывшего деревенского мальчика, поэтичного и звонкоголосого, которому легко было ощутить себя певучим бедняком другой страны, обитателем мансарды, по-нашему — чердака, полубившим милую девушку, швею с замерзшими руками. И о юном английском офицере Джеральде, пришедшем с оружием в чужую страну без малейшего сознания своей вины, потому что так был он воспитан в аристократическом английском доме и в аристократическом военном училище. При своей социальной слепоте Джеральд добр и доверчив, а встреча с туземной девушкой Лакме производит переворот в его душе, чему не препятствует, а помогает страшная рана, нанесенная ему отцом Лакме — мстителем Нилакантой. Через Лакме Джеральд сроднился с природой чужой страны, начал постигать достоинство и правду населяющего ее народа, но окончательного прозрения все же не произошло — слишком тяжел был груз прошлого, воспитания, старых привязанностей. Так напол-

нился у Лемешева человеческим содержанием считавшийся весьма бедным образ.

Я нарочно брал или запетье, или малозначительные, по общему мнению, партии, чтобы подчеркнуть удивительную способность Лемешева наделять трепетной жизнью восковые оперные фигуры. Но сейчас мне хочется обратиться к образу, который стал выдающимся событием в жизни русской оперы, да и мировой, как утверждает знаменитый шведский тенор Николай Гедда. Речь идет, разумеется, о Владимире Ленском, которого Лемешев спел впервые на сцене театра-студии имени Станиславского под руководством великого режиссера и которым завершил блистательную карьеру на сцене Большого театра.

В своей талантливой и очень искренней мемуарной книге Наталия Сац посвящает интересную главу Лемешеву. Она пишет о том предвзятом отношении, какое у нее было к оперному кумиру, залюбленному до неприличия неистовствующей публикой. Слащавый шум восхищения действовал на Наталию Ильичичну раздражающе, и ее не тянуло знакомиться с Лемешевым, даже с Лемешевым-певцом.

Но когда сын Андриан захотел послушать «Евгения Онегина» — а Ленского в тот вечер пел Лемешев, — она рискнула. Дело в том, что Наталия Сац посчастливилось видеть на сцене Большого театра Ленского — Собинова, и ей казалось, что она никогда не примет никакого другого исполнителя, настолько благороден, поэтичен, аристократичен, безукоризнен во всех смыслах был образ, созданный великим русским певцом.

Но с первого появления Лемешева — Ленского Н. Сац ухватила своим наметанным театральным глазом, что ей будет предложено совсем иное прочтение знакомого образа, делающее излишним сравнения и сопоставления. Она увидела не молодого аристократа, перенесшего в сельскую глушь геттингенскую утонченность и поэтическую меланхолию, — нет, это был открытый русский юноша, с хорошими свободно-сдержанными манерами; в родном усадебном березовом привычье рослыми хрустальными зорями с него смыло иноземную, чуть натужную изысканность, осталась истинная суть — наивная, простодушная, поэтическая, не потому, что он кропал стихи «темно и вяло» в модном романтическом духе, а потому, что сам был поэзией: безоглядно влюбленный в пустынную Ольгу, восторженно гордящийся дружбой с петербургским львом Онегиным, доверчивый, нежный, ранимый и... обреченный. Н. Сац увидела все это, услышала чарующий молодой голос, исполненный не только красоты, но и правды, и отдала свое неподкупное в искусстве сердце. У меня создалось впечатление, что этот юноша-поэт из глубины русского пейзажа оказался ей ближе канонизированного, с байроническим ореолом героя. Но, может быть, я заблуждаюсь и в просторной душе Н. Сац нашлось место и для того и для другого Ленского.

А оставшийся с давних пор ледок быстро, почти мгновенно растаял, когда значительно позже в санатории «Подмосковье» она познакомилась с Лемешевым и увидела «антитенора» — скромного до застенчивости, простого, радостно открытого людям. «Нет такого венка, нет таких слов, даже и музыки такой, которая могла бы передать его очарование», — писала Н. Сац уже после смерти Сергея Яковлевича.

По-моему, Ленский Лемешева ближе к литературной первооснове, нежели Ленский-аристократ; Пушкину ни к чему был сельский дубликат Онегина, и он относится к своему поэту с чуть приметной иронией. Вспомните, ведь Пушкину не нравятся стихи, которыми Ленский прощается с любимой и жизнью. У Чайковского этот момент снят, я имею в виду музыкальное решение арии «Куда, куда...» — композитор начисто отмел пушкинское «темно и вяло». Но некая легчайшая провинциальность, жалкость, что ли, Ленского рядом с матерым Онегиным сохранена Чайковским в конструкции образа, это особенно заметно в сцене бала у Лариных, где Ленский так юношески трогателен в своем «грозном» мужском поведении. Ленский не из романтического тумана европейского дендизма, он из старых русских садов, темных липовых аллей, кипящей по весне черемухи...

Лемешев начал работу над этим образом в ранней молодости, у Станиславского. Он, несомненно, очень много приобрел у светоча русского театра, больше, чем признается в своей превосходной, сохранившей его «смульный» тембр книге. К. С. Станиславский, с одной стороны, приблизил его к жизненной правде, с другой — утвердил вопреки собственному желанию и намерениям в твердых представлениях о том, как не надо играть в опере и

как не надо ставить оперные спектакли. Последнее особенно пригодилось С. Лемешеву, когда он сам выступил постановщиком опер (блестящий «Вертер» в Большом театре, «Травиата» на сцене Ленинградского Малого оперного), когда работал с молодыми певцами в Оперной студии при Московской консерватории.

Я ходил на «Севильского цирюльника» в театр-студию Станиславского в середине тридцатых годов. К тому времени я уже был завзятым меломаном и не один раз наслаждался легкой, лаконичной по оформлению, изящной и какой-то просторной постановкой этой оперы на сцене филиала Большого театра. Потом этот спектакль неизвестно зачем решили обновить, он стал пышнее, затейливее, историчнее по костюмам и декорациям и при этом — громоздкий и душный — утратил многое из своего очарования. Появилась лишняя бутафория, накладные носы у Альмавивы-офицера и Альмавивы — учителя пения, раздражали натужные попытки рассмешить публику. Но этот утяжеленный ненужным историзмом и правдоподобием спектакль оставался бесконечно далек от удручающего реализма театра-студии.

Там на сцене был оборудован настоящий врачебный кабинет доктора Бартоло со всевозможными медицинскими принадлежностями: инструментами, колбами, ретортами, банками с мазмами и бутылочками с лекарствами, клистирными кружками, плевательницами, зубо-врачебным креслом, лежаком для больных, человеческим скелетом и полками со справочной литературой. Я хорошо помню, как трудно приходилось артистам в этом перенасыщенном реалиями помещении, каким неестественным казалось их пение среди медицинских причиндалов и до чего несчастное лицо было у неплохого тенора Смирнова, исполнившего графа Альмавиву.

Опера и натурализм несовместимы. Условность лежит в самом существе оперного искусства: раз люди там не разговаривают, а поют, житейское правдоподобие не только исключается, оно губительно. Все на сцене должно быть подчинено пению, и, лишь когда это достигнуто, режиссерская фантазия может изощряться в поисках каких-то новых, интересных форм подачи действия. Но мешать певцам режиссер не должен.

Мне вспоминается спектакль «Фра-Дьяволо», спасенный успехом Лемешева в главной роли и сдерживающим его влиянием во время работы от попыток молодого режиссера Г. Ансимова засуетить оперу в духе того житейского правдоподобия, которое давно себя скомпрометировало. На этой истории я остановлюсь подробнее, поскольку о ней серьезно, доказательно, хотя и с обычной деликатностью говорит Лемешев в своих мемуарах и куда менее доказательно, зато многословно, развязно и неделикатно в отношении покойного большого артиста разглаживает Г. Ансимов в книге «Режиссер в музыкальном театре».

На заре туманной юности мы встретились с Г. Ансимовым в одном гостеприимном московском доме. Тогда мне очень хотелось узнать, почему у него словно бы обрубленная фамилия: естественно было бы — Ансимов. Нечто подобное случилось с дальней родней моей матери. Ее тетка была замужем за популярным в свое время театральным издателем Соедовым. К сожалению, он был не только видным театралом, но и довольно рискованным дельцом. Некоторые дела он обдывал с наезжавшим в Москву Распутиным, да, тем самым старцем, одним из пресловутых героев нашей литературы и кино. Когда их накрыли, старец, конечно, вышел сухим из воды и защитил компаньона. Издатель-коммерсант отделался своеобразным наказанием. Он принадлежал к старинному, уважаемому роду Мясоедовых. Если помните, из Мясоедовых был тот тупейший лицензист, которому Дельвиг предлагал справлять именины в День усекновения главы. Из Мясоедовых был и знаменитый художник, создатель грандиозного полотна об исходе протопопа Аввакума. Так вот, велевшим государя у издателя Мясоедова отняли первый слог фамилии, и он стал Соедовым: «Ансимов» не дворянская фамилия, и меня крайне занимало, за какие провинности мирской сход или торговые ряды лишили предка режиссера — сам он еще не успел прощтрафиться — буквы «и» в фамилии, но не решился спросить.

И вот я держу в руках книжку Г. Ансимова — образец саморекламы и по тексту, и по оформлению, и по иллюстративному материалу — с неприличной главой о С. Я. Лемешеве и понимаю, как все не случайно в мире. Для начала Г. Ансимов уточняет, чтобы не было у читателя сомнений, о каком Лемешеве пойдет речь: «баловень зрителей и особенно зрительниц» (курсив мой. — Ю. Н.). Оставим в стороне бестактность дешевой подковырки, — ведь

это говорится об умершем великом артисте, который не может себя защитить, на чем и строится расчет «благородного» Ансимова. Вернемся в последний раз к волнующему вопросу «о зрительницах».

Уже упоминалось, как занимали Лемешева не знающие меры поклонницы, сколько причиняли ему огорчений. Они и сами это знали, но ничего не могли поделать с собой, старались лишь реже попадаться на глаза. Но однажды, когда Лемешев раньше обычного вышел из артистического подъезда, буквально во все стороны брызнули осаждавшие двери заевавшие почитательницы. И, как всегда у Лемешева, врожденная доброта взяла верх над досадой. «Ну что вы, в самом деле, раскатились, как сыры!» — сказал он мягко, жалеючи. С тех пор повелось называть «сырами» лемешисток и лемешистов. Но вот какие неожиданные повороты делает жизнь: с годами из несмети, осаждавшей Лемешева, выкристаллизовалась группа людей, чья безмерная преданность артисту и человеку, самоотверженная любовь и понимание скрасили ему сумеречные дни ожидания ухода (он тяжело болел, ведал о скором конце, не боялся этого, хотя грусть порой наплывала на его светлую душу). С. Я. Лемешев прожил не простую, бурную, с трагическими перепадами, но в общем-то прекрасную жизнь, и на закате у него оказались замечательные друзья, готовые за него в огонь и в воду, помогавшие ему в работе (он до последних дней не переставал трудиться для радио и телевидения), способствовавшие его связям с миром, — и это великое счастье, не столь уж часто выпадающее смертным. Господь бог за одного праведника помиловал грешный народ, здесь праведников куда больше, и ради них простим всех бедных крикуний, которые на последние денжки покупали веточки мимоз или букетики фиалок тому, кто олицетворял для них всю красоту и радость жизни. Право же, есть грехи куда худшие. Вот мы сейчас о них и поговорим. Но сперва мне хотелось отдать должное благородным и бескорыстным людям, не позволяющим злу перетянуть на весах вечности.

Установив, о каком Лемешеве пойдет речь, Ансимов тратит много недобросовестных слов, чтобы скомпрометировать отношение к драматическому искусству одного из очень немногих оперных певцов, умевших играть и создавать полнокровные образы.

Лемешев умел и любил это настолько, что отказался от предназначенного ему по праву образа Гривы — надели красивые герои, — чтобы сыграть сатирическую роль Афанасия Ивановича. Но Лемешев, не только близко наблюдавший, но и принимавший прямое участие в мучительном эксперименте К. С. Станиславского, раз и навсегда усвоил главное: то, что способно украсить драматический спектакль, губительно для оперы, которая должна прежде всего дать простор певцу. Этого не понимал молодой режиссер Г. Ансимов: на репетициях он замучивал комическую оперу Обера суматошными мизансценами обычного комедийного театрального спектакля, где чем больше неразберихи, тем смешнее, заставляя вокалистов играть, как актеров драмы. Так играть Лемешев не хотел, уплатив долг подобным заблуждениям еще в молодости. Ансимов с гордостью несколько садистского оттенка подробно повествует, как он замешал Лемешева, в устроенную на сцене кутерму. Вот он напустил на Лемешева «разгневанного» Милорда — Воловова с фонарем. С опаской глянув на Милорда, Лемешев, не прекращая пения, отошел влево, но там столкнулся с Церлиной — Гусельниковой. Тогда он решил уйти вправо, но на том конце угрожающе размахивал шпагой Лоренцо — Орфенов. Оглянувшись вокруг, Лемешев убедился, что самым безопасным будет для него то место, которое было определено для Фра-Дьяволо раньше. Нехотя, пожимая плечами, всячески показывая тем самым, что у него просто нет другого выхода, он перешел туда. Но не успел он остановиться, как Воловова — Милорд сунул ему фонарь... Цитировать дальше неприятно — великого артиста травят на сцене, как крысу. И почему изобретательный режиссер остановился на этом? Можно было пригнать на сцену лошадь, ту самую, на которой выезжает Грозный в «Псковитянке», и заставить ее лягнуть певца или вывалить ему на ботфорты пахучие яблоки — вот был бы урок строптивцу! Еще неплохо, если б по наущению режиссера пожарный вдарил бы в дерзкого разбойника тупой струей из брендспойта — уж тот бы покрутился! Ах, как бы заиграл обложенный со всех сторон фонарями, шпагомахателями, неуклюжими Церлинами, лошадьми и пожарными «рутинерами», полагавший, что оперная сцена существует прежде всего для пения!



Виктор БОРОЗДИН

РАССКАЗ

ПАРУС НАД ЗЕМЛЕЙ

Опершись на капот «Жигулей», Алексей Бутенко с горечью смотрел вверх. Там, в притягивающей дали, залитой лучами солнца, багряно сияла вершина Эльбруса.

Опоздал! В горах уже выпал снег, задувает порывистый ветер — конец сентября, — на Эльбрусе начались сходы снежных лавин, подъем на его вершину запрещен. Разрешают лишь подняться к «Приюту одиннадцати», полюбоваться грядой Кавказских гор с высоты четырех тысяч метров. Это, конечно, прекрасно, но за тем ли он ехал сюда?! Нет, ему туда нужно только с дельтапланом. А с дельтапланом и туда — запрет. Он пытался прорваться на «канатку» и уговорами и хитростью обойти контролеров — не получилось. Хоть волком вой!

Мимо, весело болтая, с рюкзаками за спиной и без рюкзаков пачками шли к «канатке» туристы. Алексей досадливо провел рукой по дюралевым трубам дельтаплана, укрепленным на крыше машины.

Никто не знает, сколько сил, энергии и времени отдал он изнурительным тренировкам на этом аппарате у себя, под Архангельском. Он летал со всех мало-мальски пригодных для этого пригорков, обрывов — лето ли, зима — во все времена года. Летал в карьере, где порывистый ветер менял вдруг направление под девяносто градусов, пикируя, разгонял дельтаплан до максимально возможной скорости — 70 километров в час и давал ему крен, тоже максимальный — 45 градусов. Все для того, чтобы быть готовым к встрече с трудностями в большом полете.

По дороге сюда задержался еще в Крыму, проделал серию полетов с горы Клементьева в Планерском — колыбели советского планеризма, а теперь и дельтапланеризма, — чтобы еще раз проверить аппарат и себя. И время ушло. Осень в этом году пришла неожиданно ранняя...

«Ну и что — «ушло»? Не пускают — тоже мне преграда! А ты обойди этих контролеров стороной. Что тебе снежные бури, обвалы в горах!»

Какой-то сидящий внутри чертенок свербил, подбивал на отчаянное. У Алексея загорелись глаза. Понятное дело, разве можно выдержать такое:

примчаться за тысячи километров к подножию Эльбруса, видеть как на ладони его вершину — и не полететь, не взмыть с нее.

— Слушай, Гена, — крикнул он своему другу, кинооператору-любителю Геннадию Ковальчуку, — а что, если нам подняться без «канатки», сил, что ли, не хватит?!

И стал торопливо отвязывать дельтаплан.

Но вдруг остановился. Посерьезнел. Даже погрузнел.

— Эх, и до чего же рискнуть охота! Но обстановку все же оценивать надо.

Он снова взглянул вверх. И с горечью сказал:

— Эльбрус придется отложить.

А потом словно схватился за соломинку:

— Но ведь и через год Эльбрус будет стоять на том же месте, верно, Гена? А у меня за это время прибавится опыта.

И вдруг совсем повеселел:

— А вот с Чегета... С Чегета я полечу сейчас, — твердо сказал он. — И это будет репетицией.

— Точно! — обрадовался Геннадий. — Не все еще потеряно. Чегет — отличная гора, три тысячи пятьдесят метров. И вот она, рядом! Пока не поздно, действуй!

Прежде всего Алексей с Геннадием стали подыскивать места для посадки у подножия Чегета. В горах найти подходящее для этого место не так просто. Но они нашли, и не одно. Поляну метров тридцать на сто — в лесу, на дне ущелья и площадку у самой гостиницы «Чегет», да еще запасной вариант: русло горной речки, кое-где там можно сесть, если ветер встречный или если его совсем нет.

Утром забрали дельтаплан, киноаппаратуру и отправились к канатной дороге — у Чегета она тоже есть.

Все бы хорошо, да опять загвоздка! Оказывается, дельтаплан должен прежде пройти техническую проверку у главного инженера и главного спасателя. (Вот ведь какая здесь еще должность есть: главный спасатель!) И что-то они оба еще скажут?!

— Ты только не спорь,— посоветовал Геннадий.— Начальство страх как не любит, когда с ним спорят. Им дела нет до того, что твой дельтаплан уже прошел техническую проверку на горе Клементьева. Здесь они за тебя в ответе, они и командуют.

Алексей уже и сам прикинул, как развернет перед спасателями дельтаплан, какой он надежный, как здорово рассчитана его конструкция: дюралевые трубы, стальные тросы, легкий и крепкий парус.

— И, главное, не тушуйся,— подсказывал Геннадий,— упирай на свою техническую грамотность, знание аэродинамики, на опыт в полетах, ведь это все так и есть, все правда! И пропуск на «канатку» будет у тебя в кармане.

Пока технические инспектора придирчиво осматривали каждый узел дельтаплана,— а придраться тут было не к чему!— Алексей все рассказывал и рассказывал о будущем полете, и его уверенность в успехе передалась инспекторам. Они перестали хмуриться...

Едва поднявшись на вершину, Алексей стал готовить дельтаплан. Тщательно, как там, внизу, инспектора, проверил узлы крепления, натяжение тросов.

А погода, как назло, начала портиться, порывами налетал ветер, трепал парус. — Поторапливайся,— снова засвербило внутри у Алексея,— чего возишься, все у тебя в порядке!

Алексей попытался заглушить в себе этот ненужный голос: — Молчи, черт! Но тот не унимался:

— Глянь, как смотрит на тебя вон та, зеленоглазая в модной куртке. Она ждет от тебя подвига. Срази ее своим полетом!

Да, много нетерпеливых глаз смотрело с ожиданием на Алексея. И трудно было не поддаться им, трезво оценить обстановку.

Он подготовил дельтаплан, поднялся, послушал ветер, шуршание снежной поземки, которая взялась откуда-то, не могла подождать немного!.. И... отошел, отложил полет на завтра, к разочарованию всех, кто собрался на горе.

Все отравились вниз, к гостинице «Чегет», а Алексей вдвоем с дельтапланеристом из Минска Валерием Юрчуком, который тоже собирается лететь, остались здесь, на вершине коротать ночь. Внизу— все зелено, тепло... А здесь— под ногами крепко смерзшийся снег и ветер колючим холодком лезет за ворот. Алексей с Валерием поживаются. Даже в будке спасателей, куда они зашли, не больно согреться.

Ночь длинная, Алексею, видно, трудно ждать утра. Прикорнул в углу. Не спит. Нахлынули воспоминания.

Гора Чегет для него знаменательная, хотя попал он на нее впервые. Но именно с нее все началось. Это она, гора Чегет, сделала так, что «заболел» Алексей на всю жизнь дельтапланеризмом.

Раньше сидел он в своем поселке Коноша под Архангельском и даже не ведал, что существует такой удивительный, такой необыкновенный вид спорта— дельтапланеризм. Но однажды увидел в газете снимок: с горы Чегет, именно с этой горы, где он сейчас находится, над снегами, свободно раскинувшись под большим крылом, летел человек. Доктор физико-математических наук, мастер спорта— так там было написано.

Алексей был ошеломлен видом дельтаплана, простотой его конструкции. «Такое самому можно сделать!»— возликовал он. Ну, конечно, придется поломать голову над расчетами. Зато это может стать его вторым рождением. Да, вторым!

Ведь он уже летал, был летчиком. Но «подвели» врачи, они нашли в одном его глазу недостаточную, по их мнению, остроту зрения. И тут уж хоть бейся головой о двери их кабинетов, хоть подводи к ним таран, каким в древности пробивали крепостные стены, «протаранить» решение врачей было невозможно. Его перевели в наземные штурманы— сиди и разрабатывай маршруты для других, тех, кто летает...

Снимок в газете окрылил Алексея. Теперь он обойдет всех врачей. Он будет летать!

Раздобыл дюралевые трубы, стальные тросы, старый парашют, необходимый инструмент, загроздил комнату до потолка. Забыл все другие дела, работал без усталости ночи напролет. Фотография в газете была его единственным руководством. По ней он конструировал, пилыл, сверлил, свинчивал. Друзья помогали. Всем было интересно, что у него получится.

И получилось! Теперь надо было дельтаплан испытать. Как это сделать? Если бы можно было прицепить его к взлетающему самолету, как планер,— самолеты, вот они, рядом, на взлетной полосе! Но кто же разрешит такое с его никому еще не ведомой конструкцией?! И он приспособил для испытания свою машину.

Геннадий садился за руль, давал газ, а он, зацепившись за машину тросом, скользил на лыжах следом, держа над собой дельтаплан. Геннадий прибавлял газ, стремясь затянуть дельтаплан в воздух. Алексей падал, бился сам, ломал дельтаплан, чинил, снова ломал... Боролся со страхом, который долго не оставлял после каждого серьезного падения.

Никто не верил, что когда-нибудь он будет вот так, запросто парить в воздухе. А он после пятого падения вдруг взлетел!

Это было под вечер. На дороге было почти пусто. Геннадий разогнал машину до скорости под сорок километров в час. У Алексея ноги, как лыжи на накатанном снегу, мелко дрожали, все в нем напряглось, казалось, выше предела. И вдруг— только свист ветра в ушах, тихий, и легкость... Он в воздухе! Все напряжение моментально исчезло, осталось лишь необъяснимо прекрасное чувство полета.

С этого дня все пошло на лад. Он взлетал вверх на тридцать— сорок метров, отклонялся в сторону от бегущей по дороге машины. Дельтаплан был послушен, хотя и не все еще в нем было сконструировано удачно. И это подстегивало Алексея. Он собирал новые конструкции, улучшенные. Он был на верном пути. И не жалел ни сил, ни времени, забывал себя.

Себя-то можно, а вот ее не надо бы... Алексей без сомнения верил в будущее свои крылатые полеты так же, как мальчишкой, прочитав впервые Грина, без сомнения поверил в чудо— «Бегущую по волнам». И потом всю жизнь верил. Как жаль, что верил только он один! Если бы взглянула она на полет, который совершится утром! Подняла бы глаза к вершине Чегета!

Своему первенцу-дельтаплану он дал имя «Змей». Почему «Змей»? Вспомнилось детство. Как и все мальчишки, семилетним пацаном он упоенно запускал в небо бумажных змеев с мочальными хвостами. Жили они тогда на окраине Ставрополя. Прямо за домом начиналась взлетная полоса аэродрома. Самолеты

пролетали над ними на высоте двадцати метров. Они мешали его змею, и он, чтобы отвадить, пулял в них из рогатки.

Однажды мать сказала ему:

— Чтобы не болтался зря без дела, пойдем-ка со мной, кстати, можешь.

Она работала в порту, убирала самолеты.

Алешка страшно обрадовался. Он и сам не раз хотел попросить ее об этом. Но тут он заматал головой:

— Не пойду. Самолеты ругаться будут.

— Натворил чего-нибудь?— сразу догадалась мать.

— Я в них с рогатки...

Мать ждала худшего, поэтому чуть потрепала его по голове.

— Ничего, сынок, мы это исправим. Возьмешь чистую тряпочку, погладишь

окошки у самолета, и он не станет на тебя сердиться.

Когда попал впервые в самолет, замер на пороге в нерешительности. А потом осмелел, взобрался на пилотское кресло, осторожно притронулся к штурвалу, к приборам, что были на доске перед ним.

Потом он приставал к пилотам с расспросами: как управлять самолетом? Почему стрелки приборов то стоят на месте, а то вздрагивают и передвигаются?..

Пилоты, видя его интерес, стали брать с собой в рейсы, и он днями летал с ними на «ИЛ-14». Глядел с высоты на свою улочку, на их домики, такой маленький, словно игрушечный, а собака Полкан казалась совсем букашкой.

Он рос. И мастерил уже не хвостатых змеев, а модели самолетов, планеров. Это и привело его в летное училище.

Дельтаплан, что сейчас с ним здесь, на Чегете, он назвал «ГК-76» в память одного из самых дерзких и отважных дельтапланеристов мира— австрийского дельтапланериста Герберта Куэра, погибшего в 1976 году при полете с вершины высочайшей горы Африки— Килиманджаро (шесть тысяч метров). С такой ошеломляющей высоты тогда на дельтаплане еще никто не летал. Катастрофа произошла в самом конце полета— у деревни Маше, где Куэр намечал сделать посадку, произошло что-то непредвиденное... Алексей видел Куэра однажды, в австрийском документальном фильме— Куэр стартовал с вершины Альп, он пролетел из одного угла экрана в другой и исчез за рамкой... Потом его уже показали внизу, он отстегивал дельтаплан и улыбался...

С этого дня Алексей страстно захотел покорить одну из легендарных вершин Кавказа— Эльбрус.

Поскольку у них, в Коноше, не было не только Эльбруса или Чегета, но и десятой доли этих гор, ему приходилось для тренировок ездить за шестьдесят километров к речке Вель. Берега ее крутые, холмистые. Уже без помощи машины, без троса и лыж он шагал с крутизны и, расплазвившись под дельтапланом, летел двести, триста метров... Не так много, всего секунд двадцать в полете, и такой захватывающий восторг! Неспроста в людях всегда теплилась мечта летать по-птичьи...

Когда летал в самолете, он управлял могучей техникой, там были свои ощущения, даже планер— тот же самолет, только без мотора. Но здесь, под крылом дельтаплана, в вольном полете, он действительно как птица— куда повел плечом, туда и полетел...

Опустился на лед Вели, и бегом назад, карабкался на кручу. Зимой дни короткие, а летать хотелось ненасытно много. Мороз под тридцать, а с него пот градом. Пить охота, прильнет к проруби и пьет студеной водой.

Посмотреть на его полеты прибегали из соседнего села Хмельники не только ребята, но и пожилые люди. Дивились, качали головой, а увидев, что он, разгорячась, пьет прямо из проруби, всплескивали руками:

— В такой-то мороз, пошто можно?!

И затаскивали к себе, согреться горячим, из самовара, чаем, будто он замерз. В такие минуты в избу набивалось полно народа. Интересовались:

— Пошто летаешь-то, Алексей Григорьевич, кто тя носит? Леший-то?

— Дельтаплан носит,— смеясь, отвечал Алексей,— сами видели.

Понимал: завидуют, по-хорошему завидуют, и сами не прочь бы полетать, будь у них умение. А раз так, он решил организовать в Хмельниках кружок дельтапланеризма. Пока в этом кружке энтузиастов двое— он сам и Сергей Хохлов, бывший лесник, а сейчас председатель сельсовета. Для начала— немало.

Смастерить дельтаплан в деревне сложно, где найдешь нужный материал? Но Хохлов нашел выход. Пустил в дело трубы от раскладушек, а на парус— простыни, пропитав их олифой, чтобы не пропускали воздух.

Так и стали летать вдвоем.

...Утро на Чегете наступило ясное, морозное. Внизу, в ущелье, было еще сумрачно и сонно, а Эльбрус уже сиял, будто сказочный снежный замок. С восходом солнца полуночные краски в горах быстро менялись, они как бы стекали вниз, становились светлее и чище.

Дельтаплан готов. Алексей поглядывает на часы. Внизу, у подножия, ровно в семь друзей должны зажечь солярку. По черному дыму— его отсюда будет хорошо видно— можно будет определить направление и силу ветра. А пока Алексей и Валерий ходят по вершине, прислушиваются к ветру. Не поймешь, откуда он— в одном месте дует слева, в другом— справа, выхрился в складках гор. А им надо знать точное направление, им нужен восходящий поток, он поддержит в полете.

— Дымит!— обрадованно показывает Валерий.

Верно, дымит. Они всматриваются: куда потянет? Черный дым тянет в гору. Значит, ветер подходящий. Но неровный, три—шесть метров в секунду, порывами до восьми—десяти. А это уже на грани дозволенного для полета на дельтаплане.

Снизу по ущелью полз туман. И хотя при видимости двести метров лететь на дельтаплане можно, а при полетах с горы Клементьева Алексею приходилось садиться на пашню в сумерках при видимости всего десять метров, здесь, в горах, триста метров казалось мало. Посадка сложная— на дне ущелья лес, глыбы камней.

Они снова— в какой уже раз!— уточняли погоду. Ветер по-прежнему непонятный. Видимо, здесь перемешивались потоки, шедшие снизу вверх по ущелью, с потоками, прорвавшимися сверху, через горы. Теплые потоки от Черного моря непрерывно поднимались к перевалу Дунгузурун, там, охлаждаясь на высоте, собирались в облака и, перевалив через него, мощным потоком падали в ущелье. Нисходящий поток— самый злой враг дельтаплана, и Алексей прикидывал маршрут своего полета с таким расчетом, чтобы миновать его.

Валерий выжидающе смотрел на Алексея: может, пора?

В общем-то ему нравилась предусмотрительность Алексея, его выдержка. Вероятно, так и надо поступать. Но все же...

Внизу их друзья уже перестали дымить соляркой, нацеливать в небо кино- и фотоаппараты. Там, видимо, решили, что полет отменяется.

Только рано решили.

— Ну что, летим? — говорит Алексей.

Валерий кивает.

Алексей смотрит вниз, на горные уступы. С такой высоты он еще никогда не летал. Ветер гонит вверх снежные вихри. Придется ему бороться с ними или идти в содружестве?

Невольно что-то внутри сжимается. На мгновение уходит вера... Но в многочисленных полетах он уже научился взрывом воли и энергии справляться с этим неприятным, сковывающим чувством. Он стряхивает его с себя. Быстро подходит к дельтаплану, надевает фартук подвесной системы, пристегивает замок к кольцу дельтаплана. Берется за боковины ручки управления и широким движением поднимает дельтаплан над собой. Десятиметровое крыло ветер рвет из его рук, кренит, но Алексей уже един с крылом, это его поддержка, могучая часть его тела, как у птицы, слитая с ним. Он грудью встречает ветер.

— Ни пуха ни пера! — кричит ему Валерий.

Энергичный разбег, восходящий поток вырвал Алексея в воздух — аж дух захватило! — и разом вынес выше того места, с которого он стартовал. Земля ушла. Он один в вышине, лишь крыло за спиной. Вот он, тот волшебный момент, к которому он так долго и трудно шел! Не конец полета, успокоение влекли его, а именно этот момент — взлет на орлиную высоту.

«Держи скорость по свисту ветра в шлемофоне!» — отметил себе Алексей. Он всегда именно так определяет скорость полета. Легкий свист говорил о том, что он идет со скоростью сорока — пятидесяти километров в час. Нормально!

А ветру словно надоело возиться с Алексеем, надувать снизу парус его дельтаплана, он поддержал его еще немножко и отпустил — лети дальше! И дельтаплан плавно заскользил, чуть снижаясь.

Чуть подав ручку управления, Алексей направил дельтаплан к Дунгузуруну. Лететь было удивительно легко, дельтаплан был послушен малейшему посылу.

По бокам — ослепительная белизна и синие тени языков ледника, нагромождения каменных осыпей, словно вспоротые гигантским ножом глубокие каньоны, vzdыбленные в небо скалы, а дальше, в невероятной дали, казалось, вот-вот станет видно Черное море.

С вершины Чегета тоже открывалась безграничная даль, но она была неподвижная, застывшая, а тут — все в движении, все непрестанно менялось, каждое мгновение открывало новое...

Алексей было хорошо.

Но ведь полет еще не кончен. И неизвестно, что еще будет впереди... Облака, те самые, что перевалили через Дунгузурун, были совсем недалеко от Алексея. Он не заметил, как оказался с ними рядом, только вдруг почувствовал холодное их дыхание.

«Берегись!» — мелькнуло у него в голове. И он тут же поддал ручку влево, давая нужный поворот дельтаплану. Но поздно!

Нисходящий поток тяжело ударил по носу дельтаплана. Дельтаплан сразу «клюнул» и, пикируя, понесся вниз.

Алексей, раньше чем понял, что произошло, уже отдал максимально ручку от себя — сработал навык. Но дельтаплан, совсем недавно такой послушный, упрямо не выходил из пике.

Словно воздушный акробат в цирке, Алексей стоял на вытянутых руках, перенес центр тяжести к хвосту дельтаплана. Облегченный нос должен пойти вверх. А он почему-то не шел.

Внизу медленно поворачивался склон горы. Алексей понял: удар потока пришелся в тот момент, когда он делал разворот, когда был крен, и теперь дельтаплан может войти в штопор. До склона горы всего каких-нибудь метров сто...

Огромным напряжением Алексей взял ручку управления чуть на себя и резко толкнул ее влево, а тело бросил вправо, держать ручку он мог уже только одной рукой.

Дельтаплан преодолевал силу падения с большой перегрузкой, так, что скрипели от напряжения дюралевые трубы в местах крепления, стал поворачивать вправо, поднимать нос.

Но это было еще не все. Чтобы дальнейший полет продолжать в горизонтальном положении, Алексею надо было тотчас взять снова ручку управления на себя и в плавном подъеме погасить лишнюю скорость. А он, захваченный азартом борьбы, все еще держал руки вытянутыми, как это делал, когда надо было остановить пике. И дельтаплан, стремительно разогнавшийся при падении, теперь так же стремительно, словно выпущенный из пращи, шел вверх. Из огня да в полымя!

Алексей с силой потянул ручку управления на себя. Не тут-то было! Ручка не поддавалась.

Вам приходилось подтягиваться на турнике? Какой у вас предел? Пять, десять раз? У Алексея — пятнадцать. Сейчас ему надо было подтянуться всего один раз, но этот один был равен шестнадцатому... На земле у него наверняка не хватило бы сил. А здесь они откуда-то пришли. И он подтянулся этот единственный раз. Это была победа.

Дельтаплан, уменьшая скорость, переходил в планирование. Еще немножко — и он лег на нужный курс, и Алексей мог больше не вмешиваться в управление.

Дельтаплан летел вдоль ущелья, слева и справа уходили вверх крутые каменистые склоны. На дне топорщились верхушками ели и сосны. После знобного дыхания ледников на вершине Чегета воздух здесь казался горячим.

Земля была уже близко, а поляны, что Алексей заранее присмотрел для посадки, все не было. Скоро он начнет цеплять за верхушки деревьев. Он напряженно искал, наконец увидел — вон она! Боясь, что не дотянет, поддал ручку немножко от себя. Дельтаплан послушно пошел вверх.

Дыма нигде не было видно, и нельзя было узнать направление ветра. Все же он точно зашел на поляну. Когда ноги почти коснулись земли, он резко кинул ручку вверх. Дельтаплан встал на ребро и всей плоскостью мгновенно погасил скорость.

Вокруг ничего не было.

Алексей отцепил дельтаплан.

Он взглянул на вершину Чегета. Снежная, она белела на фоне неба. Вон откуда он летел!

Потом поглядел еще выше. И хотя вершина Эльбруса была скрыта облаками, он мысленно угадал ее. Неужто и на будущий год она не пустит его к себе?! Нет, он видел себя там! Ведь Эльбрус на будущий год будет стоять на том же месте. И ждать Алексея.

А сейчас к нему, восторженно вопя, со всех ног бежали друзья.



ПУБЛИЦИСТИКА



Вечно живое
напутствие

У сборника «Ленин. Наука. Молодежь» («Наука», 1980 г.), подготовленного ЦК ВЛКСМ и Академией наук СССР к 60-летию выступления В. И. Ленина на III съезде комсомола, интересная биография. Эта книга по своему замыслу уходит истоками к сборнику «Поколение победителей», изданному ЦК ВЛКСМ в 1936 году и приуроченному к X съезду комсомола. Именно для того сборника написал свое знаменитое «Письмо к молодежи» академик И. П. Павлов. В 1958 году к 40-летию комсомола был выпущен близкий по замыслу сборник «Наука и молодежь». И вот новое, прекрасное издание книги. Сборник «Ленин. Наука. Молодежь» обобщающий. Он открывается речью В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи», речами Л. И. Брежнева на Всесоюзном слете студентов и на XVIII съезде ВЛКСМ. В нем опубликованы напутствия молодых виднейших советских ученых старшего поколения: С. И. Вавилова, Н. Д. Зелинского, А. Ф. Иоффе, Г. М. Кржижановского, К. Э. Циолковского и других. С обращением к молодым выступают и крупнейшие современные ученые — академики А. П. Александров, В. А. Амбарцумян, Е. П. Велихов, П. Л. Капица, Б. Е. Патон, Н. Н. Семенов и другие, они рассказывают о горизонтах развития советской науки и отдельных ее отраслей.

Специальный раздел сборника составляют очерки-эпюды о выдающихся ученых и созданных ими научных школах. Читатели познакомятся с жизнью и деятельностью И. И. Артоблевского, Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, И. М. Губкина, М. В. Келдыша, С. П. Королева и многих других.

В своей статье «Советская молодежь и научно-технический прогресс», вошедшей в сборник, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов напоминает, что на историческом VI съезде, на котором комсомол принял имя В. И. Ленина, не было ни одного делегата с высшим образованием. По призыву партии Ленинский комсомол объявил «поход молодежи в науку». И уже в 20-х и 30-х годах около 2 миллионов юношей и девушек получили высшее и среднее специальное образование. Именно в эти годы поднялась в небо первая отечественная жидкостная ракета, созданная коллективом молодых ученых во главе с 27-летним Сергеем Королевым. У истоков важнейших направлений исследований стояли тогда молодые ученые Игорь Курчатов, Анато-

лий Александров, Николай Семенов.

Крупнейшие советские ученые рассказывают в этом сборнике о том, как выполнялся завет Ленина — учиться, учиться и учиться, какой грандиозный путь прошла наша страна, и в частности советская наука, за эти годы. Это наука помогла нашей стране «пересечь со скрипучих телег, медленно тянувшихся по проселочным дорогам царской России, с боевых танков гражданской войны на реактивные самолеты и космические корабли».

Анатолий БАРАНОВ

ПРОЗА



Все — вокруг
футбола

Кто мальчишкой не играл в футбол, не гонял мяч по первым весенним лужам, кто не мечтал быть капитаном непобедимой дворовой команды, кому не случилось хотя бы раз — совершенно не нарочно — поразить вместо ворот противника чье-нибудь звонкое стекло, — тот, я убежден, что-то упустил в своем детстве.

В новой, адресованной юному читателю повести Льва Давыдычева «Дядя Коля» — поп Попов — жить не может без футбола» (Пермское книжное изд-во, 1980 г.) все как бы вертится вокруг этой удивительной игры, все необычайные события и все герои так или иначе связаны с футболом.

...Жил-был поп Попов, обыкновенный, не старый, скорее молодой даже, кое-как, без особого прилежания свершал свои церковные дела, и вдруг однажды покинул лоно церкви, увлекся футболом, да так, что возжелал стать настоящим вратарем настоящей футбольной команды, благо и физические данные и способности у него к тому имелись. Из-за этого внезапного желания, ради исполнения которого он трогается с места, едет неизвестно куда навстречу многим веселым приключениям, мы сразу проникаемся к дяде Коле Попову доброй симпатией. Такому же симпатию вызывает у нас (и у автора повести) хоть немножко еще умеющий в жизни «полукруглый отличник» Шурик Мышкин, из которого родители делают «потомственного абсолютно круглого отличника», а он хочет просто жить, как все мальчишки, и в каникулы, как все, играть в футбол — иначе что же это за каникулы? Симпатичен нам и демобилизованный младший сержант, а ныне центрфорвард Егор Веселых. Хотя и есть в нем один единственный недостаток, зазнайство, с которым он, однако ж, усиленно борется.

Есть в книге и герои, в характерах которых злое и корыстное преобладает над добрым, стремление жить полегче и покорнее — над желанием и умением работать. Они автору явно не по душе. Не по душе и нам, читателям.

Над некоторыми авторскими антипатиями не грех поразмыс-

литы и читателям постарше тех, кому обращена повесть, окажется она вдруг у них в руках. Например, над «самообольваниванием»: «...начинается с того, что еще в малом возрасте человек вдруг делает для себя предельно опытное открытие: оказывается, иногда очень выгодно прикидываться этаким ничем не понимающим дурачком. Дескать, пусть те, которые себя умными полагают, всякие дела делают, разные работы работают, силы тратят, но он, самообольванец-то, будто бы и не понимает, для чего все это, и живет себе потихонечку-полегонечку». Точно подмечено! Ведь встречаются среди нас такие вроде «дурачки», а если приглядеться, хитрые, по своему умные и находчивые типы. И до чего ловко устроились: все-то их «дурачками» считают и делают за них то, что им самим делать положено! Или вот, к примеру, еще одно не менее точное наблюдение: «... умение врать и обманывать — тоже весьма своеобразный и распространённый талант. Воздействие его на честных людей воистину необъяснимо. Бывает, человек почти наверняка знает, что ему нагло врут, и все-таки... верит или почти верит! На этом, собственно, и основан расчет лжецов, вралей, лгунов, врунов и обманщиков всех мастей». Ну скажите, разве не так?!

Разумеется, не только серьезные вопросы и ненадлежащие уроки хорошего тона содержатся в этой повести. В ней, как тому и положено быть, много приключений, необычайных происшествий, которых в реальной жизни, конечно же, случиться не может, много веселой фантазии — всего того, чего всегда хватало и в других книгах Льва Давыдычева и что составляет их особое обаяние.

Валерий ФАДЕЕВ

ПУБЛИЦИСТИКА



За теми,
кто не вернулся

Их было много, этих отчаянных смельчаков — безвестных и знаменитых, презревших благополучную жизнь и отправившихся навстречу лишениям и опасности. Они шли через льды, через пустыни, через нехоженые моря, через лесные дебри не ради приключений, а ради того, чтобы стереть с лица Земли «белые пятна», чтобы проложить дорогу к открытиям.

По-разному сложилась жизнь этих людей. Одни отправлялись в путь никем не замеченные, других провожали шумные толпы. Об одних никто ничего не знал, другие были знамениты. И только финал их жизни был одинаков: никто из них не вернулся.

В книге молодого писателя Владимира Малова «Затерянные экспедиции» (издательство «Просвещение», 1980 г.) проходит эта шеренга отважных открывателей, сделавших поиск главным содержанием и смыс-

лом своей жизни. В книге нет случайных людей. Все ее герои — люди в полном смысле этого слова замечательные, с отважными, горячими сердцами. Имена их знакомы нам с детства. Еще на страницах школьных учебников мы читали о них, мысленно провожали их в путь и делили с ними опасности. Но и как же мало мы о них знали! Взгляните за очень трудную задачу, Владимир Малов как бы воскресил этих людей, открыл перед нами возможность познать их ближе и глубже.

Во все стороны, по всем материкам пролегли тропы, проложенные героями этой книги.

Тщательные исследования (именно так и можно и нужно назвать эту работу) позволили автору хоть немного приоткрыть завесу над историей загадочной экспедиции Владимира Русанова, решившего в 1912 году пройти на небольшом суденышке Северным морским путем.

Перси Фоссет, уходя в дебри бразильских лесов и ясно представляя смертельную опасность, которая почти неминуемо должна была его встретить в пути, думал не о себе — о тех людях, которые отправятся на помощь ему. И он умышленно замедляет свой путь, наказывает не отправляться на поиски — чтобы других не постигла такая же участь. Лоуренс Отс, один из тех, кто вместе с Робертом Скоттом покорил Южный полюс, оставил товарищей и ушел один в пургу, когда понял, что стал обузой для экспедиции. Это ли не проявления высокого духа и героизма... Нет, герои не погибают бессмысленно. Их трепетный подвиг воззвал к великим свершениям многих других, кто пошел следом за ними и дальше.

Книга, написанная Владимиром Маловым, не просто интересна и увлекательна. Можно сказать, что и она в известном смысле окрашивает одно из тех «белых пятен», которые еще остаются в литературе о славленном прошлом в эпохе великих географических открытий.

Леонид РЕПИН,
действительный член
Географического общества
СССР

НАУКА



Тайны морских
глубин

Поразительно, до чего велико у людей стремление сблизиться со своими «братьями меньшими», приручить их, почувствовать их привязанность за доброе обращение с ними, обнаружить в них зачатки разумного. Будь это собака, голубь, дельфин...

Это же стремление пронизывает книгу Юрия Астафьева «С глазу на глаз с осьминогом», («Мысль», 1981 г.). С первых же страниц книги вместе с автором испытываешь радостное чувство приобщения к многообразному и прекрасному миру моря, трепетно соприкасаешься с неизведанным и таинственным. Образность повествования и цветовое разнообразие худож-

нического видения помогают представить этот подводный мир осязаемо и красочно.

При чтении возникает чувство, будто вместе с надежным проводником спускаешься в глубины Японского моря и все, о чем рассказывает автор, видишь сам. Вот пышные двухметровые водоросли, свисающие веерами с подводных скал; моллюски, похожие на цветущие гвоздики, пышные хризантемы, ярко-красные древнегреческие амфоры; морские звезды, украшенные сеткой голубых и бордовых узоров. И тут же — колочие ежи, крабы, воинственно поднимающие клешни; по откосам скал распластались настоящие камбалы. Стремительно проносятся мимо васильковые ерши, мохноголовые собачки, рогатые бычки...

А вот и главный предмет авторского исследования — осьминог. Яйцевидное туловище, восемь щупалец с присосками, пристальные огромные глаза, удивительно похожие на человеческие — даже мурашки бегут по телу. Хищный клюв, наполненный ядом, реактивное сопло, меняющаяся окраска от бурого до багрового и золотистого цветов. Это интереснейшее из морских животных имеет три сердца, запас воды за пазухой для путешествия по суше, может выпускать чернильную дымовую завесу — своего рода наркотик для хищных рыб, а при необходимости даже умеет воспарить над морем.

Юрий Астафьев — пожалуй, первый у нас в стране, кто в реальной обстановке стал фотографировать осьминогов. Раньше их отлавливали и заставляли «позировать» в аквариумах или на мелководье. Главное для автора было не покуситься правдой жизни в подводных съемках и исследованиях. А это так непросто. Порой, чтобы увидеть осьминога, приходилось подолгу находиться в холодном весеннем море, что требовало закалки, было сопряжено с определенным риском.

Автора вела мечта изучить высоко развитую нервную систему осьминога. Ученые утверждают, что большой головной мозг этого животного и мозг человека имеют много общего в образовании условных рефлексов и процессов торможения. Конечно, предполагать о наличии хоть какого-то разума у осьминога нельзя, как бы нам этого ни хотелось. Но, может быть, осьминога можно приручить? Вот на что надеялся Юрий Астафьев. О пути к этой цели и повествует он в своей книге.

Какова практическая польза от осьминога? Он достигает больших размеров, его мясо вкусно и питательно. Промысел осьминога широко развит в Японии, Испании и других странах. В наших морях — около десяти видов осьминогов. Испытывая недостаток в белковой пище, человек во многом надеется на животный мир океана. И хотя автора этой книги больше интересовала красота и удивительное своеобразие осьминогов под водой, полученные результаты его исследований могут внести свой вклад в развитие отечественного промысла осьминогов.

Увлеченный важным делом человек всегда заражает своим подвигничеством окружающих его людей. Биологи, рыбаки, студенты помогали Юрию Астафьеву в его работе, прониклись его любовью к морским животным, хозяйским отношением к богатствам родных глубин. О них автор рассказывает с большой теплотой и признательностью за помощь.

Книга написана в жанре дневников, хотя в ней и нет конкретных дат. Здесь — планы и мечты, отчеты об экспериментах и лирические отступления. Короче, это дневник исследователя и

художника в одном лице. Автор весьма скромно оценивает результаты своих наблюдений, пережитые им трудности и опасности. А ведь его именем названа бухта в Японском море, где он изучал жизнь осьминогов. Пусть эта бухта крошечная, но сам по себе факт говорит о значительности дела, вершимого Юрием Астафьевым.

Книга прекрасно иллюстрирована динамичными, высокохудожественными, цветными фотографиями автора. И они по убедительности не уступают тексту.

Борис РЯБУХИН

ИСТОРИЯ



«Связующая
все со всем...»

О новом романе-эссе Владимира Чивилихина спорят и будут спорить. Спорят и по частностям и о самом главном. Спорят и специалисты и широкие круги любителей истории, литературы, лингвистики. Спорят, как бывает, когда задето за живое. Наверное, иначе и немудрено. Книга — то необыкновеннейшая, как по охвату событий во времени (от наших дней чуть не до двух тысячелетий назад!), так и по материалу (от живых свидетельств современников до строго научных данных, к примеру, археологии с применением метода радиоуглеродного анализа древесного угля для точной датировки). Книга, которая заставляет думать и думать, открывает ко все новым и новым источникам, открывает все новые и новые имена, прославленные в истории Отечества или малоизвестные пока, но достойные нашей благодарной и вечной памяти.

Память... Очень точно названа эта книга, главный герой которой — народ. Прежде всего народ русский, от безвестного автора «Слова о полку Игореве», впервые в литературе сказавшего русичи, и Евпатия Коловрата, первого русского партизана в одной из первых наших отечественных войн, от безымянных участников героической семинедельной обороны Козельска, названного татарами «злым городом», и тех, кто на поле Куликовом полтора столетия спустя уже в открытом бою перемолол многоязычную, невообразимо пеструю по этническому составу грабительскую орду, до декабристов, которые своим нравственным примером не только озарили путь революции онемам России, но и оказали очень конкретное благотворное влияние на судьбы сотен и тысяч жителей Сибири, став образцом налаживания истинно человеческих отношений в этом былом краю каторги и ссылки, краю несметных богатств. Как прочна, неразрывна при всей своей причудливости связь времен! Один из красных командиров, сражавшийся за Советскую власть и погибший в паровозной топке с Сергеем Лазо, Алексей Луцкий, был внуком декабриста

Александра Луцкого. Один из первых изыскателей трассы БАМа, Николай Мозгалевский, — тоже внук декабриста, взявший у деда не только фамилию, но и имя. Старший брат писателя Иван Чивилихин и двоюродный его брат танкист Сергей Морозов воевали в годы Великой Отечественной войны в тех местах, у озера Селигер, где за семью с лишком лет до этого пролегал кровавый путь Батыя. Путь, досконально и убедительно прослеженный ныне писателем.

«Память» — это страстный призыв писателя-гуманиста не только не забывать кровавые уроки истории, но и не позволять истолковывать их превратно, не давать в обиду и небрежные многовековую культуру великого народа, который сумел выстоять в тяжчайших испытаниях, сберечь и развить могучее духовное наследие, а ныне — и навеки — сплотить «союз нерушимый республик свободных». А-то ведь и ныне, как двести лет назад, не перевелись «теоретики», доказывающие неспособность славян вообще, и русичей в частности, навести порядок в собственном доме. Теперь сторонники пресловутой норманистской теории призвания варягов на Русь получили неожиданных «оппонентов»: Русь, оказывается, не смогла бы вести свои дела без... так называемых татаро-монголов. Порядок на эти древние земли был принесен якобы уже не с Запада, а с Востока. А чтобы укоренились в сознании народа такие взгляды, надо же вытравить историческую память о тех тысячах и тысячах русских людей, которые уготованы были смертью или полон в результате бесконечных походов, набегов, нашествия кочевников. Так как же не понять гневный протест писателя-патриота против любых подданных извращений истории русского народа!

Впрочем, герой «Памяти» — народ не только русский. С волнением и болью рассказывает о народе джурчженей, сумевшем в средневековые развить и богатую культуру и технику, но все-таки истаявшем в битвах с полчищами Чингиза. Наконец, прослеживается и то, как трагически политика этого хитрого, безжалостного, беспринципного властителя сказалась на судьбах самого монгольского народа. Завоевательные войны, расточившие его силы, надолго вычеркнули монголов из мировой истории. И только социалистический строй помог Монголии занять достойное место в братстве народов.

Прекрасная и горькая, как народная память, книга эта нелегка для чтения: все время тянет взглянуть то в справочники, то в сборники древних летописей, то в часто упоминаемое, безгранично любимое автором «Слово о Полку Игореве». Прямо-таки физически ощущаешь, какой громадный труд стоит за этими страницами, так причудливо, волно вводящими нас то большими, то малоприметными боковыми тропинками русской и мировой истории. И все ячеек постигаешь величие гражданского подвига писателя. Это же глубочайшее на огромном историческом материале обвинение любой грабительской войне, любому угнетению, какими бы мотивами они ни прикрывались! Новая книга Владимира Чивилихина, посвященная народу-созидателю, народу, противопоставившему любому завоевателю величие духа, возвращенного могучей культурой, сражается и будет сражаться, пока живы всяческие современные чингисханы и наполеоны, на Востоке ли, на Западе ли.

Владимир ЧИВИЛИХИН.
Память. Журнал «Нащ современник» № 2, 1978, №№ 8—12, 1980.

Валентин СВИНИННИКОВ

А ЧТО У ВАС?

УЧЕННЫЕ ВЕДУТ ПОИСК

«Лечение» пляжей

Волны уносят прибрежный грунт. За год в Грузии размывается около четырех гектаров пляжей. На Азовском побережье исчезает 70 гектаров плодородной земли. Волноломы слабо противостоят натиску волн, пляжи продолжают уменьшаться, и поэтому приходится ежегодно досыпать гальку и щебень — 10 кубометров горной массы на один квадратный метр пляжа.

Новый способ «лечения» пляжей придуман далеко от моря — на кафедре гидродинамики Университета имени Патриса Лумумбы. Доцент Я. Э. Гугняев, студенты, руководитель патентно-лицензионной группы М. Д. Пузиковы изучили поведение волн в лотке уникальной конструкции, который точно воспроизводит движение водных масс.

На основе научных расчетов родилась предельно простая идея: авторы обнаружили, что любая волна максимально теряет свою энергию, если подводящая часть моря, прилегающая к берегу, имеет строго определенный угол откоса. Причем этот угол обладает способностью самовосстанавливаться.

Этим летом на Азовском море построен опытный полигон, где авторы проверяют свою идею.

Наталья ВИНОГРАДОВА

ТРАНСПОРТ БУДУЩЕГО

Со страниц Жюль Верна

Все меньше невероятного оставляет наш век на долю писателей-фантастов. Уже давно «наутилусы» бороздят океаны, звездолеты покоряют космос, гиперлоиды служат технике и медицине. А недавно в Тульской области построили подземную воздушную дорогу, о которой писал в одной из своих повестей Жюль Верн.

Состоит она из погрузочной и разгрузочной станций, связанных между собой обычным трубопроводом. Состав из контейнеров и пневмовозов движется по трубам благодаря перепаду давления между станциями. Тысячи тонн щебня в год перевозит такой необычный поезд, а управляет им всего один человек — оператор. Подсчитано, что производительность труда этой системы в десять раз больше, чем на обычном транспорте, и дает она почти два миллиона рублей экономии.

У этой дороги большие преимущества перед любым видом транспорта: она долговечна и совершенно безвредна для окружающей среды — ведь она не дает никаких отходов. Наоборот, воздушная дорога помогает их убирать.

В будущем, возможно, дорогой смогут пользоваться и обычные пассажиры.

Елена АНТОНОВА

В МУЗЕЯХ

Севастопольский комсомольский...

Есть в Севастополе комсомольский музей. Ему и передала Евгения Семеновна Войтенко свои уникальные дневники. Первые записи сделала она еще двенадцатилетней девочкой в 1924 году. Одна из них о том, как ее пионерский отряд принимал участие в Неделе беспризорного ребенка и собирал взносы для общества «Друг детей» — ОДД. Сегодня эти ко-

пеечные марки, на которых значится «1 копейка в помощь детям», выпускаемые в те годы в Крыму, редкость даже в музейных архивах. Стопка обычных школьных тетрадей, испорченных от корки до корки, разрисованных незатейливыми рисунками, стала своеобразной летописью молодежного движения города.

Комсомольский музей считается отделом «Музея героической обороны и освобождения города Севастополя». Возглавляет его заведующая отделом горкома комсомола Екатерина Игумнова. За четыре года своего существования комсомольский музей стал средоточием военно-патриотического воспитания подрастающего поколения.

Людмила КОХАНОВА

ИСКУССТВО И ИСТОРИЯ

Театр остается в строю

У этого театра судьба удивительная, в чем-то драматическая. И рожден он был зимой 1930 года в Кронштадте при обстоятельствах необычных. Закончились маневры Краснознаменного Балтфлота. Руководство учений во главе с К. Е. Ворошиловым приехало на концерт художественной самодеятельности, который давался силами моряков-балтийцев. После концерта, получившего высокую оценку Ворошилова, он посоветовал создать на флоте свой профессиональный театр. Так он и начался — ныне Драматический имени Всеволода Вишневского театр дважды Краснознаменного Балтийского флота.

С первых же месяцев своей жизни театр приобретает в лице выдающегося драматурга Всеволода Вишневского учителя, автора и почитателя одновременно. На сцене театра ставятся «Первая конная», «Оптимистическая трагедия», «Мы из Кронштадта», «Ваня-коммунист».

Грянула Великая Отечественная. Самая трагическая страница в судьбе театра связана с первым военным годом. В августе 1941-го театр, прописавшийся к тому времени в Таллине, совершает переход на кораблях из столицы Эстонии в Ленинград. Враг непрерывно бомбит и обстреливает наш караван. Во время этого героического перехода гибнут многие артисты театра.

Оказавшись в Ленинграде, театр флота продолжает работать. Артистам выдают винтовки и гранаты. И все 900 блокадных дней и ночей театр сражается с врагом. Но главным его оружием остается драматическое искусство.

Во время концертов на островах Эзель и Даго гитлеровцы внезапно атаковали позиции части, которая принимала театр. Артисты заняли места в боевых порядках рот. И с оружием в руках отбивали атаку за атакой.

Шесть тысяч концертов дал коллектив театра за годы войны. Сорок три артиста погибли на фронте. Такова военная судьба театра Балтфлота.

А потом настал мир. Театр переехал в Лиенау. Но актеры его не сняли военной формы. Многие работы театра и сегодня посвящены героизму и мужеству советских моряков в годы войны. Многие пьесы рассказывают о современном флоте, боевой учебе моряков.

Ирина КАРАТЕЕВА

На снимке: артисты театра выезжают на фронт.



МИР ЖИВОТНЫХ

ЗАЧЕМ ВЕРБЛЮДУ МОЗОЛИ?

Раз природа его так украсила, то, наверное, не зря. Дело в том, что верблюд живет преимущественно в пустынях, где сухой и жаркий климат. И он приспособивается к тяжелому зною. Например, в Сахаре верблюд меняет температуру тела в течение суток с 33 до 40 градусов. Ночью, когда становится прохладнее, тело животного остывает, днем же верблюд почти не чувствует жары, пока его тело не нагреется до 40,5 градуса. Тогда животное начинает потеть, но не сильно. Его выручает горб. Если бы жир, содержащийся в нем, был бы равномерно распределен по всему телу, как у других теплокровных животных, то верблюд истекал бы потом. Пришлось

бы затрачивать много воды для охлаждения и часто пить. А воды в пустыне нет.

Зоологи называют верблюдов мозоливыми животными. И не без основания. На ногах у них толстые мозоли, словно башмаки, защищающие от жары и холода. Потому верблюд невмучимо шагает с тяжелой ношей по раскаленному песку и глубокому снегу. Есть у него еще мозоли на коленях и на груди (когда верблюд отдыхает, он становится на колени).

Горб у верблюда не только своеобразный терморегулятор. Это кладовая, в которой животное откладывает жир на черный день — на случай вынужденного голодания. Это и запасный резервуар влаги. Ученые доказали, что при сгорании жира в организме образуется некоторое количество воды (так называемая метаболическая вода). Так при сгорании килограмма жира выделяется свыше литра воды. Выносливость верблюдов исключи-

МОЛОДОЙ СЕМЬЕ

Клуб помолвленных

«Дом, где укрепляются сердца» — так с улыбкой охарактеризовал клуб помолвленных, недавно открывшийся в ленинградском Дворце культуры имени Ленсовета, слесарь-сборщик объединения «Кировский завод» Николай Осмищенко, в числе первых записавшийся в него по «путевке» Дворца бракосочетаний. Одновременно в клуб вступила и будущая жена Николая, монтажница объединения «Позитрон» Светлана Морозова.

— Девизом нового коллектива, — говорит директор Дворца К. Н. Измайлов, — стали слова Шуберта, обращенные к сильному полу: «Счастлив тот, кто находит истинного друга. Еще счастливей, кто найдет его в своей жене».

Новый клуб — это коллектив единомышленников, которых сблизила романтическая и светлая пора в их жизни. К тому же ответственная пора, ведь через три месяца — таков известный испытательный срок — им предстоит окончательно решить, быть или не быть семье. Хотя большинство молодых отвечает на этот вопрос положительно, но, увы, еще нередко «обстоятельства», «несхожесть характеров» оказываются непреодолимыми рифмами на пути семейной ладьи в первый год ее «плаванья». Коротенькое словцо — «развод», а за ним — душевная боль, опустошенность... Чтобы молодые единственные раз в своей жизни переступили порог загса, мы и предложим им руку дружбы.

Раз в неделю собеседниками юношей и девушек станут юристы, врачи, социологи и педагоги, воспитатели детских садов и повара. Оценить многоликий и красочный мир семейного счастья, научиться терпению, положить первые «кирпичики» в здание житейской мудрости влюбленным помогут писатели, художники, артисты, а также модельеры и косметологи. Помолвленные узнают о юридических основах брака, правах и обязанностях супругов, получат практические навыки ухода за младенцами, ведения домашнего хозяйства.

Дворец предоставил влюбленным все возможности для интересного отдыха: билеты на диско-вечера, спектакли, концерты, кинопремьеры. А когда подойдет день свадебного торжества, здесь же позаботятся об организации праздничного застолья, закажут билеты на поезд и самолеты, места в гостиницах тех городов, куда молодые захотят совершить путешествие.

Ну, а пока первое в их жизни «путешествие» — к семейному очагу. Пусть будет оно счастливым!

Вадим ЦИМБАЛОВ

тельна. Они могут пройти сорок километров без еды и питья, без воды же обходятся несколько дней. Но, когда после тяжелого похода верблюд добывается до колодца, он бросается к воде и единым духом выпивает более ста литров.

Борис РОЗЕН,
доцент



ПАРОВОЗ-«КИНОАКТЕР»

Эту, как и любую творческую биографию, следует, наверное, начать с анкетных данных.

Итак, паровоз серии «ОВ-324» родился в 1905 году на Невском заводе в Петербурге. Такова первая запись в паспорте старейшего локомотива страны. Обширен послужной список заслуженной машины. «324-й» водил составы с углем из Донбасса, рудой с Урала, лесом из Карелии, зерном с Украины, участвовал в первой мировой войне, а во время Великой Отечественной доставлял на фронт оружие и боеприпасы.

В подвижной состав страны пришли мощные и скоростные тепловозы, электровагоны. Но «овечка» еще долго бойко покрикивала на маневровых путях станций.

Не сразу стал киноактером старейший паровоз страны. В локомотивном депо Ленинград-Финляндского отделения Октябрьской железной дороги одиннадцать лет назад какой-то режиссер заметил его и использовал при съемках исторического фильма.

С той поры и стала расти популярность «324-го». Он снялся в десятках фильмов многих киностудий. Его приглашало творческое объединение «Экран» на картину «Лениниана», «Мосфильм» использовал его в ленте «26 дней из жизни Достоевского», рижане в фильме «Ждите Джона Графтона», минчане — в «Государственной границе».

Однажды «овечке» пришлось даже выступать в роли бронепоезда, когда котел и тендер обшили фанерой, раскрашенной под броню, в прорези которой выглядывали настоящие «максимы».

Сейчас паровоз после очередных съемок отдыхает на запасном пути вблизи Финляндского вокзала. Но вот в локомотивное депо поступает заявка: «Просим предоставить для съемок...» — и лучшие слесари предприятия А. А. Крючков и М. В. Михайлов загромируют «ОВ-324», заправят углем и водой, раскокалят паровоз, бессменный его машинист В. И. Селозец займет место в кабине, даст гудок, и «овечка», торжественно дымя, своим ходом отправится на натуру.



Валерий НИКИФОРОВ.
Фото Игоря КРУЖАНОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Живые электростанции

Уже свыше полутора веков пользуются в качестве источников электрического тока гальваническими элементами. В них обычно электродами служат цинк, медь и другие металлы.

В последнюю четверть века все чаще предлагаются в качестве топливных элементов приборы, в которых электричество вырабатывают бактерии.

Такой элемент состоит из двух отделений, имеющих электроды, соединенные проводником. В одном отделении находится сульфат железа и серная кислота. В другом отделении, куда налит раствор кислоты, в воде живут бактерии. Сульфат и кислота, взаимодействуя друг с другом, высвобождают электроны, которые по проводнику направляются к электроду в отделение с бактериями, где и поглощаются ими.

Чтобы бактерии могли дышать, предусмотрено устройство для продувки элемента воздухом.

Другая весьма остроумная конструкция топливной батареи, где работают невидимые электрики, состоит из 12 миниатюрных пластмассовых контейнеров размером с небольшой аптекарский пузырек. Заполнены они маленькими шариками... из риса.

Бактерии из семейства дрожжей или хлебная плесень в воде смешиваются с рисовыми шариками. В смеси происходит разложение и рождается электрический ток. Анодом и катодом в батареях служат медные и алюминиевые ленты.

Одна из новинок — биохимический элемент, который позволяет получать ток из морской воды. Он состоит из двух пробирок, электрического мостика с хлористым калием и агар-агаром, платиновых электродов, серы и морской воды и, разумеется, бактериальных культур. Напряжение на выходе — 0,5 вольта, сила тока — 0,5 миллиампера. Возможно, что со временем в прибрежных районах с помощью подобных элементов будут получать электричество из вод морей и океанов.

Борис ЯКОВЛЕВ

ДАРЫ МОРЯ

ПОДВОДНАЯ ФЕРМА

У мыса Картеш на Белом море расположена экспериментальная подводная ферма по искусственному разведению мидий.

— Казалось бы, странная это затея — разводиться мидий, — говорит создатель фермы Борис Кунин. — Ведь во всем мире не знают, как от них избавиться. Мидии облепляют подводные части мостов, сваи причалов, корпуса кораблей. И постепенно приводят эти сооружения в негодность. Но мидии — это не только моллюски-разрушители, это еще и прекрасный пищевой продукт. Мясо мидий вкусное, нежное, питательное. Оно пользуется большим спросом у покупателей.

В маленькой скалистой бухте покачиваются на воде небольшие плоты, соединенные тросами. От каждого плота уходят в воду толстые веревки, облепленные раковинами. Каждая такая трехметровая веревка — уже ферма в миниатюре, а их здесь многие тысячи. Поэтому и неудивительно, что любой из плотов дает урожай не меньше, чем хорошая подводная отмель, где мидии растут в естественных условиях. «Веревочный» урожай мидий не только выше обычного, он еще и качественнее. А все дело в том, что мидии добывают пищу, профильтровывая сквозь себя морскую воду — до семидесяти литров в сутки. Вместе с микроскопическими водорослями и рачками они задерживают иногда и песчинки, которых на отмелях, как вы понимаете, предостаточно.

И собирать урожай на такой ферме легко. Не нужно нырять за моллюсками в воду, а поднять веревки с мидиями на плот проще простого.

Анатолий ПЕТРОВ

УВЛЕЧЕНИЕ

МИНИ-ЗАПОВЕДНИК

Когда он был мальчишкой, отец подарил ему аквариум с декоративными рыбками. С этого, пожалуй, и началось увлечение Адольфа Бочарова. Уже работая шлифовщиком в инструментальном цехе Тульского машзавода имени Рябикова, он завел у себя в квартире лебедей. Разместил их в ванне. Как говорится, в тесноте, да не в обиде... Белоснежные красавцы росли, их тянуло на простор. Домашняя ванна их теперь не устраивала. И вот у Адольфа Аркадьевича возникла мысль: а почему бы не устроить маленький заповедник на одном из прудов Центрального парка культуры и отдыха Тулы?

Удивительный по красоте уголок живой природы появился почти в центре города оружейников благодаря стараниям и энтузиазму рабочего-подвижника. На маленьком пруду сейчас свободно плавают черные австралий-

ские лебеди и японские утки — «манда-ринки». В специальных вольерах живут павлины и фазаны, попугаи и журавли.

Нынче в городском мини-заповеднике насчитывается более двухсот уток 14 видов, 4 белых и 11 черных лебедей, 6 журавлей, по десятку павлинов и фазанов, 30 попугаев, 8 декоративных кур... Птицы остаются на зимовку, приносят потомство.

Случались и ЧП. Прошлой весной пропали два белых лебеда. Отыскали их недалеко от Тулы — возле поселка Косая Гора. Беглецов вернули на прежнее место жительства. Черные лебеди вывели двух детенышей, что бывает весьма не часто.

Одному Адольфу Аркадьевичу управлять со всеми делами в свободное от работы время было бы непросто. К счастью, у него немало добровольных помощников. Это тульские рабочие-инструментальщики Н. Голяев, А. Попов, Н. Минаев, В. Попков, инженер Ю. Алешин и другие. Оказывают помощь Бочарову и администрация ЦПКиО.

Забот у Бочарова много и зимой и летом. Но все они приносят глубокое удовлетворение, ибо увлечение его нужно людям.

Валерий ПЛЕШАКОВ

НАШЕ ЗДОРОВЬЕ

УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ХОДИТЬ?

На этот вопрос очень быстро может ответить электроихнограф ЭКИГ-3, разработанный инженерами специализированного конструкторского бюро научного приборостроения АН Латвийской ССР по заказу рижских медиков. Дело в том, что очень многие люди ходят неправильно: чересчур широко или уже шагают, сильно разворачивают ступни наружу или косолапят. В обыденной жизни такие нарушения походки, быть может, и не очень заметны, но вот для спортсменов, артистов (особенно для балерин и танцовщиков) красивая осанка, правильная постановка ног — немаловажное слагаемое творческого успеха. Очень полезен ЭКИГ-3 и для людей, которые заново учатся ходить после перенесенной болезни или травмы.

Основная часть установки... ковровая дорожка. Только не совсем обычная. В ее основу влечены металлические контактные струны, соединенные с резисторами. Испытуемый надевает обувь на специальной подошве и идет по дорожке. По мере того, как подошва соприкасается со струнами, замыкаются те или иные контакты, меняется сопротивление определенных электрических цепей. В итоге на телеэкране фиксируется траектория ходьбы испытуемого. Рядом на том же экране высвечивается эталонное изображение с заранее заданной шириной шага, углами разворота ступней, расстоянием между стопами... Пожалуйста, сравнивайте и учитесь ходить правильно.

Олег СЛАВИН

НАУКА — СЛУЖБЕ БЫТА

Часы «кукушка» и... микросварка

«Ку-ку! Ку-ку!» Сколько таинственной прелести в этих ходиках! Кажется, они связывают нас с детством.

Выпускает такие часы вот уже более тридцати лет Сердобский часовой завод. Они надежны, неприхотливы... а нынешняя мода повысила на них спрос.

Изготовление этих часов требует больших затрат ручного труда, и долгое время считалось, что механизировать процессы изготовления некоторых узлов и деталей просто невозможно.

На помощь пришли ученые Института электросварки имени Е. О. Патона. Они разработали технологию микросварки и создали специальные сварочные машины для изготовления мельчайших часовых деталей.

Труд мастеров-часовщиков значительно облегчен, а значит, и наших добрых «кукушек» в магазинах появится гораздо больше.

Николай ЗОТОВ.
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА



А ЧТО У ВАС?

КВАНТЫ И М

Ирина РАДУНСКАЯ

Мне позвонил приятель: «Видела фильм «Мама вышла замуж»?» «Нет. Надо смотреть?» «Там Ефремов читает твою книгу «Безумные идеи»».

Смотрю фильм и действительно вижу, как Олег Ефремов, перебирая книги на полке, останавливается на моей.

Эпизод застрял в памяти, заставляя задуматься: почему, собственно, там, на полке, стояла именно эта книга? Механизатор, герой фильма, которого играл Ефремов, не мог вытащить ее случайно. Автор сценария, режиссер, артист — все те, кто программирует действия персонажей, не дадут случаю распоряжаться в их фильме. Они сознательно поставили книгу о наиболее парадоксальных открытиях науки на книжную полку пасынка героя. Почему? Чтобы показать, что читают юноши второй половины XX века? Логичное предположение (книга написана для молодежи), но уязвимое — тут много других возможностей. Поманило название? Вряд ли... Столь искусственных людей не увлечет свирель броского названия, блеск елочного украшения.

А что, если... если и люди современного искусства мучимы поиском «безумной» идеи? Не идут ли параллельно пути познания истины в науке и искусстве? Не общие ли законы царят в этих областях человеческого творчества?

Какие основания для такого предположения? Вот какие: объект познания науки — окружающий нас мир, Вселенная. Центр притяжения искусства — человек, его внутренний мир, мир чувств, эмоций, поступков.

Ученые стараются придумать такой метод, найти такой инструмент, будь то теория или эксперимент, который способен выявить устройство природы, заставить ее заговорить, раскрыться. Они пытаются задавать природе свои вопросы так, чтобы она не смогла не ответить на них.

Не та ли проблема у искусства? Писатели, драматурги пытаются создать в своих произведениях ситуации, которые заставят их героев обнажить мотивы поступков, раскрыть душу, показать свое истинное лицо. Писатели тоже ищут скальпель, а не топор. Им нужны тонкие методы, помогающие отличить правду от лжи, докопаться до сути, как глубоко она ни запрятана.

Так было всегда, по крайней мере с тех пор, как человек сошел для познания и анализа.

Совсем не очевидно другое: характер поисков, их активность и принципиальное звучание меняются со временем. Так и случилось с научными поисками во второй половине нашего века: их ход радикально изменился. Если много веков развитие научных исследований шло медленно, спокойно, без особых катаклизмов и потрясений, то наши дни внесли в это торжественное шествие сумятицу и беспокойство — случилось так, как в партитуре Листа, где после указания играть «быстро, как только возможно», возникает требование «играть еще быстрее»!

Уровень экспериментального искусства представляет ученым столь обширный, разнообразный, противоречивый материал из жизни Вселенной, что они не успевают в том же темпе разобраться в нем, расшифровать и объяснить. Открыты факты, опрокидывающие прежние представления о космосе и мире атомов. Зачеркнуты привычные выводы, но не утвердились новые. Парадоксы смеются над исследователями: ученые могут с потрясающей точностью определить расстояние до Венеры, Марса, достать лунный камень, запрограммировать каждый поступок автоматических планетоходов. Но... когда они пытаются, например, разобраться в сотне типов мельчайших частиц материи, обнаруженных современным экспериментом, и выбрать среди них ту, что является основой бытия, то в недоумении разводят руками.

Научившись дробить материю на строительные «кирпичи», физики не могут сказать, завершены ли список микрочастиц или нас ждут новые сенсации. Научившись повелевать электричеством, человек до сих пор по-настоящему не знает, что такое электрон, электрический ток. Умея использовать радиоволны для связи, мы так и не знаем, что они собой представляют; мы научились выражать формулами меру их действия, но представить их образ столь же наглядно, как цветок или звезду, не

можем. Обнаружив новые факты, связанные с деятельностью Солнца, ученые вынуждены подвергнуть сомнению прежние гипотезы об источнике его энергии. Не умея объяснить загадки пульсаров, квазаров, черных дыр и других новых космических объектов, многие говорят сегодня об ограниченности недавно всецельной теории относительности Эйнштейна и стараются создать новый аппарат познания.

В физике наших дней сгущается атмосфера гроз, предчувствия качественного скачка в познании.

Боги науки — Эйнштейн, Бор, Планк — мечтали об озарении, надеялись на чудо, так была велика их потребность проникнуть в тайны бытия. Бор назвал такую радикальную идею «безумной» — она виделась ему неожиданной, необычной, лежащей так далеко от тривиальных решений, что на первый взгляд могла показаться бредом сумасшедшего.

И корифеи естествознания явили миру примеры таких идей.

Эйнштейн своей теорией относительности сказал: если мы будем продолжать верить, что течение времени во Вселенной везде одинаково (как учил Ньютон), мы не познаем мир во всем его многообразии. Он мысленно расставил в разных уголках космоса часы и услышал разную в их ходе! Так люди узнали, что в разных областях Вселенной время течет по-разному. Так родилось удивительное прозрение: пожалуй, можно оттянуть старость! Достаточно отправиться в космическое путешествие. Правда, нужны ракеты, летящие со скоростью света. Зато при таком способе омоложения можно, вернувшись на Землю, найти своих детей старше себя...

В канун XX века консервативный и педантичный гений Макс Планк отважился на «безумие»: пошел наперекор свято чтимой им классической физике. Он не смог смириться с ее выводом о тепловой смерти Вселенной. Выводом неизбежным, если поверить голосу старой физики: энергия в природе течет равномерно и непрерывно, как воды спокойной реки, унося из мира тепло, обрекая его на смерть. В построенной Планком модели нового мира энергия пульсировала, как кровь в организме человека! Это был бессмертный мир! Планк не поверил себе. Ему поверил Эйнштейн, и не только поверил, но поддержал его еще одним дерзким предложением: не только энергия, но и свет распространяются порциями, квантами! Именно это мягкое допущение и оказалось реалией, но столь неожиданной и непривычной, что, представляя Эйнштейна в Прусскую Академию наук, Планк и другие крупные ученые просили не упрекать его за крамольные мысли.

Не о таких ли радикальных, далеких от банальностей идеях мечтали гиганты искусства, причем гораздо раньше, чем отважились мечтать о них ученые? И не нашел ли одну из таких идей в далеком от нас время Еврипид в «Медее»? Его драматургией создана психологическая модель личности, обладающей на первый взгляд невероятными параметрами: жажда мщения оказалась сильнее материнской любви — Медea убивает своих детей, чтобы наказать их отца за измену...

А открытия Шекспира? Великий драматург умел расставить свои «часы», свои приборы для улавливания движений человеческого сердца далеко от хожених троп.

Недаром Шекспира называли «потрясателем» сцены. Чтобы показать Лире цвет сердца его детей, он толкает Лира на простой, но точный по доказательности поступок: Лир отдает детям все, чем владеет. Результат нам известен. Шекспир поступил как хирург: он рассек последнюю оболочку, под которой мы находим ту правду, которая могла бы считаться бредом без убедительного исследования Шекспира.

Как и в науке, где гипотезу переводят в ранг теории только в случае ее подтверждения экспериментом, так и в искусстве — предложенная психологическая модель должна иметь корни в реальной жизни. Иначе она останется домыслом, выдумкой. Доказательства — вот решающий судья и в научном исследовании и в художественном.

Какие же необычные, на первый взгляд бредовые (на самом деле мудрые) эксперименты принесло нам искусство?

Лермонтов... Этот пылкий гигант в поисках испытания силы любви бросил к ее ногам демона. Попробуй он послать Тамару искушение в-облице простого смертного, пусть даже юноши более прекрасного, чем ее возлюбленный, Лермонтов-иссле-

дователь мог не получить однозначного ответа на свой вопрос. Но он в своем эксперименте оперирует максимальной величиной: властелином всего подлунного мира — неужто Тамара устоит перед ним?!

И Лермонтов доказывает, что любое могущество бессильно перед настоящей любовью...

Конечно, можно протестовать против опытов с такими моделями человеческих отношений; в конце концов демон не существует... Но подобные крайности суть экстремальные условия, которыми пользуются ученые, чтобы установить пределы того или иного явления. Психологические модели так же необходимы искусству, как математические модели науке: они рафинированные, обнаженные отображения действительности.

Еще примеры. Пушкин не согласился с обидной трактовкой в коллизии «Сальери — Моцарт». Слишком просто и неубедительно звучит в этой драме мотив убийства из-за ревности и зависти. Истина глубже. И Пушкин строит психологическую модель личности, которая видит благо человечества под странным углом зрения: не дарить людям гения, надо уберечь их от гения — вот философия Сальери. И он, любя друга, понимая, что он гений, убивает его — на «пользу» человечеству!

Своим дерзким экспериментом Пушкин добавил к нашим знаниям о человеческой душе очень существенную деталь.

Всем известна гениальная режиссерская находка Эйзенштейна в сцене расстрела царскими солдатами мирных людей на одесской лестнице в фильме «Броненосец «Потемкин». Эта находка не получила бы эпитета гениальной, если бы он ограничился лишь показом расстрела, как ни чудовищен этот акт сам по себе, но Эйзенштейн на вопросы: как показать жестокость мира, с которым борется революция, как показать ту тьму, которая окутает Россию, если победят штыки царских солдат? — находит ответ оглушительный по своей доказательности. Вырвавшаяся из рук раненой женщины, по ступеням катится коляска с младенцем. Она набирает и набирает скорость... И зритель пронзительно осознает, что некому остановить коляску! Некому! Она катится навстречу смерти. В мире, из которого исчезла доброта и жалость, обречен на гибель даже невинный, еще ничем не провинившийся кусочек жизни. Мысль об исчезновении доброты можно иллюстрировать по-разному. Эйзенштейн избрал шекспировский прием, прием крайней убедительности, прием почти невероятный. Одна сцена — и законченная модель человеческого общества, в котором нет справедливости, в котором торжествует злоба. Один фрагмент — и великий вклад в исследование жизни.

Мнимое «безумие» замысла «Фауста» Гете, «Потерянного рая» Мильтона, творческого метода Достоевского, режиссерских находок Мейерхольтца, Эйзенштейна, драматургических опытов Маяковского — не говорят ли эти великие операции на человеческом сердце о необычайной силе, плодотворности, насущной необходимости таких экспериментов? Пусть дерзких, но предельно убедительных; пусть не всем сразу понятных, но остающихся в веках; пусть спорных, но вызывающих работу мысли, совести, желание бороться с тем, что обнажается в ходе таких исследований. Если же произведение искусства не зовет к борьбе, зачем оно? «Нужна та культура», — говорил В. И. Ленин, — которая учит бороться».

Есть ли в сегодняшнем искусстве открытия, к которым можно применить критерий Бора? Конечно, тут и речи не может быть ни о театре абсурда, ни о поп-музыке, ни о псевдонаучных перелицовках классики. Речь — об интеллектуальном, духовном подвиге, о произведении, написанном под девизом «Вод, в которые я вступаю, не пересекал еще никто!» (Данте). Многие ли исследователи человеческих душ отваживаются выбрать район своих раскопок подалеже от уже разрытых другими «курганов»?

Современной наукой правит, можно смело сказать, принцип Бора. Особых успехов физики сегодня добиваются совсем не тогда, когда придерживаются твердо установленных теории и взглядов, а, напротив, отказываясь от них. Великие открытия рождаются, когда ученые находят в себе смелость совершенно по-новому взглянуть на явление, взглянуть иначе, чем его предшественники. Первооткрывателям сопутствует дух мятежности и дерзости. Это, конечно, не безрасудство, это принципиально новый подход к познанию мира.

Новаторство, парадоксальность характеризуют

Новый Уренгой: книги собраны — библиотека работает

дух современной науки, ее атмосферу. В ее недрах, в головах исследователей зреют грозды гнева на несовершенство, на ограниченность науки. После уроков непредвиденных открытий, которые дала теория относительности и квантовая теория, стало ясно, что «безумные» идеи форсируют прогресс. Именно от них ученые ждут сегодня решения самых сложных проблем современной науки. И в то же время поиски таких идей составляют проблему современной физики.

Некоторые научные журналы даже отказываются печатать работы, в которых все ясно. Они отклоняют статьи не потому, что их нельзя понять, а именно из-за того, что они содержат мало нового, принципиально нового, в них нет многообещающей «безумности».

Не происходит ли подобный процесс в сфере художественного творчества? И мастера искусства тоже обдумывают свои «боровские» идеи?

Советское общество — особенно благодатный объект для эпохальных исследований. В современном мире рядом сосуществуют две культуры, производные от двух социальных формаций — капиталистической и коммунистической. В развитии социалистической культуры важная роль принадлежит молодому поколению. Чтобы принять на свои плечи будущее, оно должно осознать свои силы, возможности, задачи. Помочь его становлению может искусство.

В радиотехнике существует понятие «захватывание». Это явление возникает, когда рядом работают два генератора радиоволн. Когда их настройки достаточно близки, один меняет свою частоту под влиянием другого. Такому «захватыванию», несомненно, подвергаются старые принципы нравственности, доставшиеся нам в наследство от прошлого. Нормы жизни социалистического общества торжествуют. Это неизбежно. Но процесс этот принципиально новый, почти еще не исследованный — ведь в истории человечества не найдешь другого периода, подобного тому, в котором мы живем. И тема обновления, обновления не единичного человека, а целого общества должна лечь в основу важных открытий в области человеческого духа и сердца. Правда о новых взаимоотношениях между людьми должна породить и вдохновить современных Шекспиров и Эйнштейнов.

Ведь ни Эйнштейн, ни Шекспир ничего не выдумали. Их находки подсказаны действительностью. Они просто сумели сформулировать свои вопросы. А цель у них сходная: у Шекспира — обнажение порока и зла во имя установления гармонии в человеческом обществе, у Эйнштейна — интуитивное ощущение гармонии мира и поиски доказательства этого. У обоих — вера в существование и торжество правды, в то, что познание преобразует человека, меняет его отношение к миру.

Поиск правды пронизывает всю жизнь человечества. Этот поиск рождает великих людей и великие идеи. Может быть, настал момент, когда не только современная наука, но и современное искусство готово к прыжку в бессмертие?

...Не кажется ли поразительным уже тот факт, что мы получили возможность глубже понять метод познания чувств, найденный Шекспиром, только после того, как человечеству была подарена теория относительности, расширившая наши представления о мире неживой природы!

Густав Флобер высказал пророческую мысль: «Чем дальше, тем Искусство становится более научным, а наука более художественной; расставшись у основания, они встретятся когда-нибудь на вершине». Только теперь — где-то ближе к вершине, где должны слиться методы науки и искусства, — мы в состоянии почувствовать общность миропонимания двух гигантов: Эйнштейна и Шекспира!

Но зрелость приносит не только умение понимать и сравнивать — умение предвидеть. И, сравнивая атмосферу современного научного творчества с веяниями в области современного искусства, мы начинаем постигать не только единство, общность поисков истины как в науке, так и в искусстве, но, опираясь на анализ достижений в одной области творчества, мы можем пытаться предсказать ход эволюции в другой.

Музы и кванты сближаются все теснее, и нет сомнений, что уже в ближайшие годы нас ждут новые открытия. Во всех областях творчества. И открытия эти должны принадлежать нынешним молодым, покоряющим вершины знаний и мастерства.

Уренгойская почта, поступающая в редакцию, — почта особая. Каждое письмо наполнено добротой и радостью и словно озарено их соиздательной силой и светом. Незнакомые люди в общем деле становятся друзьями. И не знаясь порой, что дороже — книги, присланные ребятам в Новый Уренгой, или те золотые слова сопроводительных писем, с которыми обращаются дарители к далеким и отважным людям Приполярья.

Вот письмо из Болгарии:
«Мы прочитали о сборе книг для детей Нового Уренгоя. Что может быть прекраснее и благороднее этого! Всей душой разделяем и приветствуем этот начин. Здесь, в Варне, есть большой магазин советской книги. У нас дома большая библиотека. Мой муж владеет русским языком, он работает в испытательно-отделочном цеху на кораблестроительном заводе и часто встречается по работе с советскими моряками. Наш сын Влада учится в 1-м классе школы с преподаванием на русском языке. Он тоже знает о Новом Уренгое, так как я ему всегда читаю материалы об этой грандиозной стройке и телевидение несколько раз вело передачи на эту тему. Я член родительского комитета в классе, на одном из заседаний предложила, чтобы наши дети завели переписку с детьми Нового Уренгоя. Всем родителям, классному руководителю и детям эта идея понравилась. Особенно дети с нетерпением ждут весточки от советских ребят. Поэтому по поручению комитета я обращаюсь к вам с просьбой помочь в этом деле. Пусть какой-либо 1-й класс в Новом Уренгое напишет нашим ребятам. Адрес такой: НРБ, г. Варна, ул. Державина, д. № 12, школа с преподаванием на русском языке, 1-в класс (классный руководитель Гельбова). Ребята постепенно подружатся, будут расти и узнавать больше друг о друге. А самых лучших учеников, когда станут чуть постарше, мы пригласим к себе на Золотые Пески, в солнечную Варну. Ведь в Новом Уренгое очень холодно, а у нас почти всегда тепло. Наши ребята не видят снега, а если чуть выпадет, то тут же и тает. С сердечным приветом и уважением к вам и к уренгойцам Анна, Димитр и Владимир Стефановы».

Сообщаем имена читателей и названия организаций, приславших книги в детскую библиотеку.

Из Актюбинска: учащиеся школ № 32 и № 19, работники института «Казоритхестрой» из Алма-Аты, учащиеся школы № 5 из Амурска, учащиеся школы № 16 из Армавира, Афанасьева из Арзамаса, учащиеся школы № 1 из Ахтубинска, учащиеся школы № 17 из Александрии, комсомольцы из Астрахани, Леонтьева из Белебея, учащиеся школы № 15 из Борисова, учащиеся технического училища № 47 из Березники, учащиеся техникума из Беднодемьяновска, Л. Заславская из Барнаула, Т. Семенова из Борисоглебска, учащиеся школы № 34 из Братска, С. Мамлюк из Бреста, учащиеся школы № 9 из Бирска; из Вильнюса: учащиеся школ № 34, № 37 и № 3; учащиеся школы № 17 из Воткинска, учащиеся школы № 37 из Воркуты, учащиеся школ № 1 и № 7 из Ворошиловграда, учащиеся школы № 1 из Володарска-Вольского, учащиеся школы № 2 из Волошино, учащиеся школы № 2 из Винницы, учащиеся школы № 84 из Волгограда, Т. Мещерина из Воронежа, учащиеся школы № 65 из Горловки, учащиеся школ № 7 и № 21 из Гродно, Михальченко из Грозного, Балакиров из Ессентуков, учащиеся школы № 5 из Евлаха, учащиеся школы № 21 из Житомира, учащиеся Промышленного техникума из г. Желтые Воды, учащиеся школы рабочей молодежи № 2 из Златоуста, работники Дома пионеров из Загорска, учащиеся школы из Зеленоградска, учащиеся школы № 6 из Запорожья, учащиеся школы № 2 из Йошкар-Олы, комсомольцы из Измаила, клуб «Ровесник» из Ирбита, В. Жданов и учащиеся школы № 49 из Ижевска, учащиеся школы № 12 из Кузнецка, члены комитета ВЛКСМ из Колыванска, В. Верещанин из Кобрина, студенты Государственного университета имени Ленина из Казани, учащиеся школ № 1 и № 32 из Коканда, учащиеся школы № 11 из Котла-Ярве, учащиеся школы № 3 из Кедаян, учащиеся школы № 2 из Красноармейска, учащиеся школы № 15 из Кимовска, работники Центральной детской библиотеки и учащиеся школы № 10 из Кентау, учащиеся школ № 37, № 10 и № 31 из Каунаса, учащиеся школы № 7 из Кусы, Михайлов из Костромы, учащиеся школы № 1 из Краснодона, учащиеся школ № 52 и № 54 из Караганды, учащиеся школы № 12 из Кузнецка; из Киева: Макович, работники библиотеки, учащиеся школ № 164, № 160, Александрова из Кировска, учащиеся школы № 12 из Кишинева, учащиеся школы № 80 из Кемерово, учащиеся школы № 17 из Каменск-Уральского, учащиеся школы № 24 из Копейска, учащиеся школы № 2 из г. Кирова, Можеева и работники детского сада № 8 из Кирова-Чепецка, учащиеся школ № 16 и № 12 из Красноярска, студенты политехнического института из Краснодара, Соркин из г. Куйбышева, Л. Тоникова и рабочие завода колесных тягачей из Кургана, учащиеся школы № 20 из Кременчуга, учащиеся школы из Котова; из Ленинграда: учащиеся школ № 112 и № 89, работники Центральной детской библиотеки, Г. Степанова, Дементьевы, Д. Журавлев, А. Рудова, учащиеся школы № 526, Л. Тарнова; учащиеся школы № 17 из Липецка, учащиеся школы № 178 из Ленинска, учащиеся школы-интерната № 5 из Ленинска-Кузнецкого, учащиеся из Лучегорска, учащиеся школы № 1 из Лохвицы, учащиеся СПТУ из Майкопа, учащиеся школы № 3 из Мончегорска, Е. Гриво, О. и И. Жагалковичи из Минска, из Мурманска: учащиеся школ № 18, № 6, № 7, бригада ателе № 14; Е. Хазова из Миасса, студенты института физики из Махачкалы; из Москвы: учащиеся школ № 540, № 599, № 649, № 509, № 441, № 97, № 820, № 883, № 680, № 83, № 283, работники Государственной научной педагогической библиотеки имени Ушинского, Т. Воробьева, работники лаборатории, М. Иванова, работники СП РСФСР; учащиеся школы № 8 из Новонико-

лаевска, И. Карпова из Новокузнецка, учащиеся школы № 70 из Новосибирска, учащиеся школы № 9 из Нижнего Тагила, учащиеся школы № 14 из Набережных Челнов, учащиеся школы № 15 из Асбеста, учащиеся школы № 4 из г. Николаева, работники магазина «Силуэт» из Нарвы, учащиеся средней школы из дер. Новая Биа, учащиеся школы № 18 из Октябрьского, учащиеся школы № 5 из г. Орджоникидзе, учащиеся школы № 10 из Орловки, студенты технического училища № 21 из Омска, Яндовский из Острова, учащиеся школы № 52 из Орска, члены пионерской дружины имени Коробкова и учащиеся школы № 23 из Полтавы, школьники из Подольска, учащиеся школы № 1 из Петропавловска, работники НИИ из Петрозаводска, учащиеся школы № 3 из г. Пушкина, учащиеся школы № 2 из Пскова, студенты ГПТУ-161 и учащиеся школы № 5 из Павлодара, Р. Дорогина из Петропавловска-Камчатского; из Перми: учащиеся школ № 12, № 69, № 114, Аристова; учащиеся школ № 5 и № 44 из Ростова-на-Дону, учащиеся школы № 61 из Риги, Костенко из Сайска, учащиеся школы № 1 из Сарапула, члены комитета комсомола из Северодвинска, работники санатория «Приморье» из Сочи, Г. Борисов из Стерлитамака, Н. Домоскова из Сыктывкара, Семеновы и школьники из Сухуми, А. Тереха из Сумы, учащиеся школы № 18 из Сызрани, Шапошников из Симферополя, учащиеся школы № 23 из Севастополя; из Свердловска: учащиеся школ № 18, № 132, № 117, члены штаба «Экспресс», Л. Попова, Н. Сухарева, П. Соколин, С. Ковалькова, Е. Лукина из Томска, учащиеся школы № 3 из Троицка, работники обкома ВЛКСМ из Тюмени, учащиеся школы № 14 из Тернополя, студенты пединститута и учащиеся школы № 9 из Нижнего Тагила, учащиеся школы № 9 из Тарту, С. Бушуева из Туапсе, учащиеся школы № 1 из Ужгорода, рабочие завода ЛВРЗ и работники театра оперы и балета из Улан-Удэ, учащиеся школы № 61 из г. Ульяновска, А. Ковальчук из г. Украинка, учащиеся школы № 48 и работники аптеки № 1 в Хабаровска; учащиеся школ № 42, № 28, № 5 из Химок, В. Андрианова из Целинограда, учащиеся школы-интерната и школы № 45 из Челябинска, учащиеся школ № 4 и № 18, О. Постушенко из Чебоксар, учащиеся школы № 7 из Черновцов, учащиеся школы № 25 из Череповца, учащиеся школы № 5 из Чкаловска, учащиеся школы № 31 из Чебоксарска, Г. Коваренко из г. Шевченко, школьники из Шаргорода, работники библиотеки из Элисты, Н. Новикова из Южно-Сахалинска, студенты СГПТУ-8 и учащиеся школы № 23 из Ярославля. Из сел и поселков: школьники из села Антиган, школьники из села Бабаюрт, школьники из села Боярская, школьники из пос. Буторинское, школьники из пос. В.-Марково, В. Тихонов из пос. Зироки, Т. Корнилова из пос. Зеленый, учащиеся школы № 1 из пос. Зауральский, учащиеся школы № 1 из Киленки, школьники из села Коммунизм, работники зональной библиотеки и школьники из села Мостки, Сагиров из пос. Мокина, школьники из пос. Мышкино, школьники из пос. Мирный, школьники из села Новотырышкино, школьники из села Нижний Баулак, школьники из пос. Новое, школьники из пос. Ново-Николаевка, Ширяевы из пос. Нивенское, В. Серебро из села Орша, школьники из пос. Октябрьский, школьники из села Паровозное, школьники из пос. Пилевинский, школьники из села Россошаны, школьники из пос. Сергеевка, школьники из пос. Северный, школьники из села Скала, учащиеся школы № 1 со ст. Спирово, школьники из пос. Суворово, школьники из пос. Троицкий, Н. Тюповой из села Торез, учащиеся школы № 4 из пос. Урусу, школьники из села Черноармейское, школьники из дер. Чувашкова, школьники из села Частье, школьники со ст. Цепа, учащиеся школы № 32 со ст. Шадринка, школьники из села Южамское, школьники из колхоза имени Ленина Тамбовской области. Из городов: учащиеся школ № 19 и № 30 из Актюбинска, учащиеся школы № 1 из Ахтубинска, В. Онищенко из Армавира, учащиеся школы № 12 из Алапаевска, учащиеся школы № 2 из Андрееполя, С. Губанов из Бендер, участники ансамбля «Веселая минутка» из Брянска, Пейсахевич из Барнаула, учащиеся школы № 39 из Бийска, С. Равина из Баку, Воронина из Балашки, Е. Кривошеина из Балашова, Н. Порохина из Белой Церкви, учащиеся школы № 7 из Ворошиловграда; из Волгограда: учащиеся школ № 84 и № 20, бойцы студенческого строительного отряда «Стеной»; члены комитета ВЛКСМ Печорнипроекта из Воркуты, работники библиотеки педучилища из Волковыска, учащиеся школы № 37 из Вильнюса, Е. Батуро из Воронежа, Родионовы из г. Великие Луки, Т. Русакова и учащиеся школы № 3 из Волжска, Р. Корниенко из Владивостока, учащиеся школы № 5 из Вологды, Ж. Насовников из Винницы, учащиеся школы № 35 из г. Горького, учащиеся школы № 5 из Гордда; С. Кирова, учащиеся школ № 2 и № 8 из Глазова, учащиеся школы № 22 из Губахи, В. Львов из Душанбе, Э. Левченко из Днепродзержинска, работники детской библиотеки из Дзержинска, учащиеся школы № 25 из Дмитровграда, Н. Лелина из Долгопрудного, З. Тулина из Железнодорожного, В. Яковенко из Житомира, А. Соркин из г. Жуковского, учащиеся школы № 18 из Загорска, студенты медицинского училища из Зеленодольска; из г. Иванова: В. Воронина, Е. Теплова и учащиеся школы № 17; из Игарки: Короткова, Чеботарева, Логунов, Ховзун; С. Алимова и Г. Богданова из Иркутска, учащиеся школы № 1 из Ишима, О. Пономарев из Йошкар-Олы, студенты политехнического института из Курска, работники яслей-сада № 12 из Кирова-Чепецка, А. Прилуцкая из Константиновска, Л. Зайцева из Кургана, учащиеся школы № 1 из Каменки, работники центральной детской библиотеки из Кентау, П. Соколов из Керчи, учащиеся школы № 2 из Каменска-Уральского, учащиеся школы № 54 из Киева, учащиеся школы № 2 из Коччетавы, студенты педучилища из Карасука, Н. Коханов и учащиеся школы № 11 из г. Куйбышева; из Казани: З. Юсупова, Р. Гальян, учащиеся школ № 3 и № 15, учащиеся школы № 20 из Кременчуга, В. Шевелева и Н. Мышкина из г. Кирова, учащиеся школы № 13 из Красноярска, учащиеся школы № 38 из Костромы, Т. и Ф. Александровы из Красноярска, Н. Рантусова и Н. Клиновская из Коробино; из Ленинграда: З. Точилина, Г. Степанова, учащиеся школ № 117 и № 128, учащиеся школы № 178 из Ленинска, учащиеся школы № 3 из Лобни, учащиеся школы № 17 из Липецка, учащиеся школы № 8 из г. Лиды; из Москвы: Ю. Осадчиева, А. Аполлонов, И. Макаренко, В. Мурза, О. Чибисова, Н. Барнинова, С. Свиридова, Е. Комарова, Прыдко, учащиеся школ № 621, № 820 и № 59; учащиеся школы № 44 из Мурманска, М. Калинин из Муравей, учащиеся школы № 1 из Макеевки.

Зиталий МЕЛИК-КАРАМОВ

«Дорогая редакция! Я люблю шахматы и посвященный им раздел в вашем журнале. Сейчас внимание миллионов людей приковано к предстоящему матчу за звание чемпиона мира по шахматам, в котором будет участвовать наш замечательный спортсмен Анатолий Карпов. В его победе я не сомневаюсь! Но интересуют меня и многие другие советские гроссмейстеры, в особенности самый молодой из них — 18-летний Гарри Каспаров. Честно говоря, я даже не понимаю, как можно достичь таких результатов в столь юном возрасте... Какими надо обладать даже не шахматными, а чисто человеческими качествами? Очень прошу вас рассказать со страниц журнала о судьбе этого шахматного дарования.»

Олег КТАТОРОВ, слесарь-инструментальщик, второразрядник по шахматам, Новосибирск

В мире сейчас 166 международных гроссмейстеров, и самый молодой в элите шахматистов — 18-летний бакинский студент Гарри Каспаров. О нем еще не так много пишут (в этом есть доля и его «вины» — Гарри охотно и каждому прокомментирует любую партию, но с большим трудом соглашается на интервью), однако говорят и спорят о нем постоянно. Выглядит он вполне обыкновенным юношей, признаю гениальности вы в нем не найдете. Чуть-чуть сутулится, ходит быстро, ценит шутку — в общем, ничего особенного. Такой, как многие. Но только с фантастическими шахматными данными.

«Он Моцарт в шахматах», — сказал мне о нем знакомый журналист.

КАСПАРОВ — ВАСИЛЕНКО

январь 1974 г. Киев. Зональный турнир дворцов пионеров.

1. e4 e6 2. d4 d5 3. Kd2 Kc6 4. Kgf3 Kh6 5. e5 f6 6. Cb5 Cd7 7. C:c6 C:c6 8. Kb3 Kf7 9. Cf4 f5 10. h4 Ce7 11. Fd2 b6 12. c3 Cb7 13. Ce3 Fd7 14. Kc1 Ca6 15. Lh3 Fb5 16. Ke2 Fe2 + 17. Fe2 C:e2 18. Kр:e2 0—0 19. Kг5 K:g5 20. hg Ldf8 21. g3 g6 22. Lh6 Lf7 23. Lah1 Lg7 24. Kpf3 Kpd7 25. g4 fg 26. Kр:g4 + Kрe8 27. b4 a6 28. a4 Kpd7 29. b5 a5 30. c4f dc 31. Lc1 Le8 32. L:c4 Cd8 33. Kpf4 Lee7 34. Kрe4 Lgf7 35. Lc6 Lg7 36. d5 ed + 37. Kр:d5 Le8 38. e6+Kрc8 39. Cd4 Lg8 40. L:h7. Черные сдались.

Г. Каспаров: мне было десять лет, когда я играл эту партию. Почему-то я ее запомнил. И когда смотрю на нее сегодня, мне нравится, как Василенко провел черными первую половину встречи. Он полностью уравнил игру. У

черных была лишь одна слабость в позиции. Во время партии мне пришло в голову, что одной такой слабости для победы над противником мне мало, нужно, как минимум, две. Может быть, я уже это где-нибудь слышал? Не знаю. Сейчас мне кажется, что я сам пришел к этой мысли. Наверное, мне так и не удалось бы создать эту слабость, но помог сам соперник. Его 29-й ход — решающая ошибка. После 30-го хода белых мечта о второй слабости стала явью.

ДЕТСКИЕ ШАХМАТЫ

Впервые удивил окружающих Гарри Каспаров не своим шахматным дарованием, а знанием географии. Вместе с родителями пятилетний Гарик дождался в бакинском аэропорту посадки в самолет, улетающий в Киев. Была в те годы у бакинцев странная мода — отдыхать в киевских пригородах. Рядом кто-то из попутчиков неправильно назвал столицу Уругвая. Легко себе вообразить удивление пассажиров, когда смуглый мальчишка вдруг вежливо перечислил все до единой латиноамериканские страны и их столицы. Каспаров читал с четырех лет. Сейчас это мало кого удивляет. Страсть к книгам у него оста-



ВОСЕМНАДЦАТИЛ

лась навсегда, и об этом я еще скажу ниже. Впрочем, и география и история тоже любимы по сей день, но они производные из прочитанного — книги же основное. В шесть лет он читал «Подвиг Магеллана» Стефана Цвейга. Отец принес ему в подарок большой глобус, и мальчик отмечал на нем путь магеллановых каравелл. Сейчас этот глобус хранится в кабинете географии 151-й средней школы города Баку...

Тогда же Гарик познакомился и с шахматами. Родители лишь объяснили ему смысл латинских букв и цифр, идущих по краю доски, а премудрости игры он постигал сам, глядя вечерами за тем, как папа и мама решают задачи и этюды из журналов. В семье инженеров-радиоэлектронщиков (папа и мама познакомились, когда учились в одной институтской группе) в шахматы играли довольно прилично. Но еще больше увлекались музыкой (дедушка музыкант, дядя композитор, у отца был прекрасный слух), и, несмотря на то, что как-то утром сын подсказал решение не получившейся у родителей шахматной задачки, вопрос о поступлении Гарри в музыкальную школу обсуждался все чаще и чаще.

Однако именно дядя-композитор отвел шестилетнюю надежду бакинской музыки в шахматный кружок Дворца пионеров. Родителей дома не было. Мама находилась в Москве, чтобы быть рядом с больницей, где от неизлечимой болезни умирал отец Гарика. Дедушка говорил ей по телефону о феноменальных способностях, открытых в ее сыне, но она, естественно, не придавала тогда значения комплиментам руководителя шахматного кружка. Отец так и не узнал, что его сын начал заниматься шахматами...

А сам будущий международный гроссмейстер в ту пору собирался стать военным врачом. Военным — чтобы воевать, врачом — чтобы спасать раненых.

Ему исполнилось восемь, и он уже играл со взрослыми на первенстве города. Прямо над шахматными фигурами

торчало колечко жестких черных волос на его макушке. Он побеждал, не имея даже возможности посмотреть на партию сверху. Он выигрывал, глядя на доску сбоку, и фигуры превращались на поле в живую маленькую армию, вступившую в бой с неприятелем.

В 1973 году, когда Гарри исполнилось десять лет, он, перворазрядник, на Всесоюзных играх молодежи в Вильнюсе, встречаясь в финальном турнире с кандидатами в мастера, не потерпел ни одного поражения. Это не осталось незамеченным: присутствовавший в Минске мастер спорта Александр Никитин рекомендовал маленького бакинского шахматиста М. М. Ботвиннику, руководившему заочной шахматной школой ДСО «Труд».

КАСПАРОВ — ЮСУПОВ

декабрь 1979 г. Минск. Чемпионат СССР (высшая лига)

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. Ca4 Kf6 5. 0—0 K:e4 6. d4 b5 7. Cb3 d5 8. de Ce6 9. Ce3 Ce7 10. Kbd2 0—0 11. c3 Cg4 12. K:e4 de 13. Fd5! ef?! 14. F:c6 fg 15. F:g2 Fd7 16. Ch6! gh 17. f3 h5 18. Lad1 Ff5 19. fg Fe5 20. Lde1! Fc5+ 21. Kрh1 Lad8 22. Lf5 Fd6 23. Ld5 Fg6 24. L:e7 L:d5 25. C:d5 hg 26. Fe4 Fe4+ 27. C:e4 Ld8 28. L:c7 h5 29. Cc2 Ld5 30. Cb3 Lf5

31. Kpg2 a5 32. L:f7 L:f7 33. Kpg3 a4! 34. C:f7 + Kр:f7 35. Kрh4 Kpg6 36. b3 a3 37. c4 bc 38. bc Kpf5 39. Kр:h5 Kрe4 40. Kр:g4 Kpd4. 41. h4. Черные сдались.

Г. Каспаров: мы с Артуром друзья. Оба слушатели школы Михаила Моисеевича Ботвинника. До этого играли вместе только в детских соревнованиях. И вот — первая наша встреча. И сразу в чемпионате страны. Артур в Минске был дебютантом высшей лиги, и получилось так, что я на правах «старожила» экзаменовал его. Но выиграл до смешного просто. Применил на 9-м ходу нестандартное продолжение в модном после матча в Багио варианте испанской партии. Продолжение это пользовалось дурной репутацией, и, как я убедился, Артуру его даже и не смотрел при подготовке. После 20-го хода можно было опускать занавес.

ЮНОШЕСКИЕ ШАХМАТЫ

О заочной школе М. М. Ботвинника писали много. Работала она так. Два раза в год в Москву, в Орленок, в Дубня и другие места Подмосковья съезжались талантливые ребята. Знаменитый мастер, экс-чемпион мира, разбирал с ними партии, давал задание на полугодие, проверял пройденное. Понятно, что «птенцы» из его гнезда целиком подпадали под влияние учителя. Каспаров не исключение. Оценка Ботвинника и по сей день — главный критерий, и не только в том, что касается шахмат. Гарри было тринадцать, и он уже вполне поверил в свои силы, когда на каком-то городском турнире, лидируя, неожиданно проиграл две партии (неожиданно для него, но не для мамы, которая заметила пренебрежительное отношение сына к соперникам).

Лидер вернулся домой убитый. Лег на диван, носом к стене — и вдруг затрясся в неутешном плаче. От соседней Клара Шагеновна позвонила в Москву к Ботвиннику, а через несколько минут Михаил Моисеевич, перезвонив Каспаровым, попросил Гарика к телефону. Я думаю,

что жизненный и спортивный опыт М. М. Ботвинника универсален. Силу его характера и мощь убедительности испытал на себе и я. Узнал это и маленький Гарик. Узнал, успокоился и сказал маме: «Михаил Моисеевич признался, что он еще хуже проигрывал».

Тогда же, когда Гарри было тринадцать, нас познакомили. Я пришел к ним в гости. Он томился и молчал, с сожалением поглядывая на томик Сименона, отложенный в сторону из-за меня... Однажды, кстати говоря, Каспаров проиграл важную партию из-за того, что вспомнил: в гостинице остался недочитанный «Граф Монте-Кристо».

Тогда же я встретился и с Александром Никитиным. Он в те дни как раз приехал в Баку позаниматься с Гарриком. Никитин и бакинский мастер Александр Шакаров и по сей день тренируют Каспарова. Угощая меня чаем, Никитин спросил, какое впечатление произвел на меня мальчик. Нормальное, честно признался я. Ну, много читает, но сейчас это не редкость. Застенчивый, молчаливый... «А вы знаете, — удивительно заметил Никитин, — что он сейчас занимается по той же шахматной программе, что Геллер и Петросян? Этот мальчик необыкновенно талантлив, но хорошо, что вы этого не заметили».

На следующий день мы пошли гулять и фотографироваться (последнее Гарика очень смущало). Я почувствовал, как внимательно он умеет слушать. «Кто из шахматистов тебе больше всего нравится?» — спросил я. «Алехин, — твердо ответил он и добавил: — Но самый большой шахматный талант у Михаила Талля». (Детское восхищение не только Талем-шахматистом, но и Талем — остроумнейшим собеседником живо в Каспарове до сих пор. Похоже, что Гарик со своей памятью знает наизусть все шуточные высказывания Михаила Талля.) Потом выяснилось, что первым шахматным кумиром был Борис Спасский. Увлечение это длилось около трех лет — до тех пор, пока Спасский не проиграл матч на первенство мира Бобби Фишеру.

«А во что ты любишь играть, кроме шахмат?» «В футбол», — не задумываясь, ответил он. Я продолжал искать в нем черты какой-то рассеянности, углубленности, отрешенности, но не находил. В тринадцать я и сам гонял мяч в своем бакинском дворе, в десяти минутах ходьбы от двора Каспаровых.

За полтора года до нашего знакомства с Каспаровым мой приятель, фотокорреспондент АПН, снимавший в Ленинграде традиционные шахматные соревнования дворцов пионеров, показал мне снимок, на котором напротив Анатолия Карпова сидит черноволосый пионер с галстуком. (Карпов давал сеанс семи бакинским школьникам и победил во всех партиях.) Фотокорреспондент не придал значения тем негативам, а теперь в муках пытается их отыскать, но безуспешно... Весной нынешнего года те фотографии могли бы вызвать особый интерес, так как только теперь чемпион мира во второй раз сел за шахматный столик напротив Гарри Каспарова. Но об этом — дальше.

В 10 лет Каспаров — кандидат в мастера, в 14 — мастер спорта (самый молодой шахматный мастер в СССР). Это звание он завоевал на Мемориале Со-

кольского в Минске, где выиграл первое место и превысил норматив на 3,5 очка. Дважды он одерживал победы в юношеских чемпионатах страны (это не удавалось никому), а в 1977 году был третьим в мировом первенстве среди юношей до 17 лет (самый молодой участник Каспаров — 14 лет). На следующий год пятнадцатилетний мастер, выиграв всеобщий отборочный турнир в Даугавпилсе, завоевывает путевку в высшую лигу чемпионата СССР, становится там девятым, сохраняя право на место в компании сильнейших еще на год (и это тоже возрастной рекорд для шахматиста в нашей стране).

Но при всей своей погруженности в шахматы Гарик, например, не перестал увлекаться футболом. Он с гордостью рассказывал, что играет со взрослыми, отцами семейства, оставляющими детей на время матча за кромкой поля. По-моему, этим фактом он гордился не меньше, чем участием во взрослом чемпионате СССР по шахматам. Потом он пропадал в сквере рядом с домом, там установили игровые автоматы — Гарик выяснял отношения с аттракционом «Зимняя охота». «Нужна твердая рука и координация», — говорил он мне. «В шахматах?» — удивлялся я. «В «Зимней охоте!» — с досадой отвечал он. Ат-

ства. Я помню, как мама внушала тринадцатилетнему сыну: «Каждый человек в чем-то очень талантлив, но открывается талант не всегда. Тебе просто повезло, что твои способности сумели быстро отыскать. Просто повезло».

Мне казалось, что Гарик давно знает себе цену, но расстраивать маму не хочет, а она свято верит, что он не ощущает своей особенности.

Пряча Гарика до поры от корреспондентов, Клара Шагеновна не прятала его от домашней работы. Чемпион бегал в магазин за хлебом и молоком, возился с двоюродными братьями и сестрой. Учил уроки, сидел за шахматной доской.

Так он поднялся к 1980 году — году четырех золотых медалей. На Всемирной шахматной олимпиаде, на европейском первенстве, на чемпионате мира среди юниоров и последняя, очень важная медаль была завоевана вместе с аттестатом зрелости — в средней школе № 151. Он начал свой путь к «медальному» году симпатичным карапузом, а подошел к нему худым подростком с узкими плечами и тоненькой шеей.

КАСПАРОВ — ПРИШИБЛ (Чехословакия)

январь 1980 г. Скара (Швеция). Командный чемпионат Европы.

трудно прощать обласканных большой популярностью людей. Испытание слабой не выдерживают многие вполне зрелые люди. А Гарик в свои восемнадцать ведет себя с поразительным тактом. Никогда не жалуется, но Клара Шагеновна говорила мне: «Вы не представляете, как это сложно. Гарика всюду приглашают выступать. На все вечера, слеты — и никому нельзя отказать... Сразу пойдет слух: «Каспаров зазнался. У него «звездная болезнь». Но ведь для него главное — заниматься шахматами».

Понять это нетрудно. Институт, как бы легко он ни давался, требует определенного напряжения. О шахматах и говорить нечего. А участие до позднего часа в каком-то вечере, возможно, и было бы своего рода разрядкой, если бы на следующий день не надо было ехать по новому приглашению. Баку — это Кавказ. Кавказ — это бесконечное гостеприимство и такая же гордость за каждого, про кого можно сказать: «Наш человек, бакинец».

Но есть одна общественная работа, к которой Каспаров относится предельно серьезно. Однажды от него я услышал: «В Азербайджане начинается шахматный бум». И сказано это было с удовлетворением и озабоченностью. В самом деле, члена бакинского горкома ВЛКСМ

торые из них. Мне трудно спорить со знатоками, но хотел бы заметить, что высокая эмоциональность не помешала Каспарову подняться к самому подножию этих вершин. Почему же она должна помешать двигаться дальше?

— Как ты себя чувствуешь? — по возможности деликатно спросил я. Разговор этот происходил вскоре после весьма напряженного турнира.

— Физически я себя чувствую хорошо, а психологически надо немного отдохнуть.

— А месяца тебе для отдыха хватит? — продолжал расспрашивать я.

Гарик, умеющий рассчитывать шахматные варианты на десятки ходов вперед, ответил уклончиво:

— Я оптимист по натуре. Почему-то мой оптимизм считается неуравновешенным.

Мальчишкой он выдавал самые невероятные прогнозы насчет своих шахматных перспектив, потом стал ограничиваться планами на ближайший год, сейчас старается не загадывать будущее, по крайней мере вслух. Он явно стремится избежать всего того, что может задеть других людей, связанных с ним общей любовью к шахматам.

Он несдержан, и понятно, от чего это — от бьющей через край радости, от ощущения своей силы и молодости.

Я люблю эту несдержанность. И я боюсь, чтобы она и в самом деле не пошла ему во вред. Оптимизм надо беречь.

Мы говорили с ним о политике, он ею увлекается, о книгах.

— Сейчас прочел «Люди, годы, жизнь» Эренбурга — неравноценные в ней главы, и все-таки потрясающе.

Говорим о его интересе к спорту. День у него начинается со спортивного выпуска «Маяка». Каспаров любит смотреть хоккей и не любит — футбол. Знает наизусть все результаты Московской Олимпиады. Он ходил на легкоатлетический турнир Игр в Лужниках и на соревнования гребцов в Крылатском, помнит все происшедшее едва ли не с протокольной точностью.

Но снова и снова разговор возвращается к шахматам. Теперь Гарик не называет никого из великих образцов для подражания, а перечисляет лучшие качества знаменитых мастеров, какие бы хотел видеть у себя: математическую логику Михаила Ботвинника, психологическую устойчивость Анатолия Карпова, умение рисковать Михаила Таля. А я думаю про себя: а не пора ли говорить о сильных сторонах гроссмейстера Гарри Каспарова? Но обсуждать с ним что-либо подобное нельзя, он сразу замкнется, уйдет в себя. Сказывается мамино воспитание.

— Есть работа, в которой необходим постоянный тренинг, например, балет, музыка. Наверное, такого же отношения требуют к себе и шахматы?

— Считается, что заниматься ими необходимо ежедневно. Я же могу долгое время не садиться за шахматы. Да это и неизбежно иногда, скажем, когда сдаю экзамены. Но перерывы не отстраняют меня от шахмат. Напротив, я начинаю ощущать «шахматный голод» и за короткое время нагоняю все, что пропустил.

— Расскажи мне о Всемирной шахматной олимпиаде-80. Мальта, красивый остров, лучшие шахматисты мира...

— ...и довольно слабая организация турнира. Чтобы пообедать, к примеру, нужно было полтора часа простоять в очереди. Да и вообще — на олимпиаде было очень трудно. Я люблю соревноваться и часто чувствовал после турниров, что с удовольствием сыграл бы еще раз. Но после Мальты мне и в голову подобная мысль прийти не могла.

Зато, знаете, как сплотилась наша команда под конец, когда шансов на победу было мало! Судьба олимпийских наград решалась в матче Греции и Шотландии (при равных очках с командой Венгрии нам было важно, кто наберет больше — греки, у которых мы выиг-

ЕТНИЙ КАПИТАН



тракционы сменились кроссвордами. С убийственной самоиронией Гарик заявил мне, что еще ни разу не смог решить ни одного кроссворда до конца, и Никитин тоже не смог. Хотя одно слово, да остается (разумеется, если не заглядывать в справочники).

Он по-прежнему много и упоенно читал. Тогда, в шестнадцать, — Лиона Фейхтвангера и Евг. Евтушенко. А пятнадцатилетие прошло с Блоком и Лермонтовым. Наблюдался крен в сторону поэзии. Каспаров легко запомнил и с удовольствием читал стихи, впрочем, он запомнил страницами и прозу. Появилась любовь к публицистике. Серия ЖЗЛ стала одной из любимых. Учился легко и знал, что будет поступать на гуманитарный факультет. Хотел на исторический. В математике и физике разбирался без особого труда, но по стопам своего знаменитого учителя, крупного специалиста в кибернетике, доктора технических наук М. М. Ботвинника, пойти не захотел. В четырнадцать лет он мне объяснял, что современная математика отнимает столько времени и сил, что на шахматы у него их не останется. Его учительница литературы и директор школы Александра Павловна Исаева не сомневается, что, если бы не шахматы, он стал бы блестящим литератором. Сочинения Каспарова она сохраняет как образцы.

Сколько талантов в шестнадцатилетнем Каспарове!

«А музыка! — как-то даже возмущенно говорит Клара Шагеновна. — Вы не представляете, он совсем не разбирается в музыке! А его отец прекрасно играл на скрипке».

Маме Каспарова вряд ли придется писать ученые труды о том, как надо воспитывать одаренных детей, которых в общем-то не так уж много, чтобы растить их по одному рецепту. Но самой ей это, по моему убеждению, удалось вполне. Многолетнее знакомство позволило мне сделать вывод, что основной акцент в этой воспитательной методе — прививка иммунитета от зазнай-

1. d4 Kf6 2. c4 g6 3. Kc3 d5 4. cd K:d5 5. e4 K:c3 6. bc Cg7 7. Kf3 b6 8. Cb5 c6 9. Cc4 0—0 10. 0—0 Ca6 11. C:a6 K:a6 12. Фа4 Фс8 13. Сg5 Фb7 14. Lfе1 e6 15. Lab1 c5 16. d5 C:c3 17. Led1 ed 18. ed Cg7 19. d6 f6 20. d7 fg 21. Фc4+ Kph8 22. K:g5 Cf6 23. Ke6 Kc7 24. K:f8 Л:f8 25. Ld6 Ce7 26. d8f! C:d8 27. Фc3+ Kpg8 28. Ld7 Cf6 29. Фc4+ Kph8 30. Фf4 Фа6? 31. Фh6. Черные сдались.

Г. Каспаров: у каждого шахматиста есть своя любимая партия. У меня пока вот эта. Я ее однажды даже назвал «моя вечнозеленая». Я ее люблю за то, что она такая красивая! Белые пожертвовали фигуру. Такую жертву белых иногда называют дискуссионной. Но я и сейчас убежден, что она корректна.

ВЗРОСЛЫЕ ШАХМАТЫ

Сейчас по улице рядом со мной идет стройный крепкий парень. Он здорово возмужал за последний год. Сезон 1980 года принес ему второй балл международного гроссмейстера и лучший результат в команде на Всемирной шахматной олимпиаде, проходившей в ноябре на Мальте, после чего Международная ассоциация журналистов, пишущих о шахматах, признала его третьим гроссмейстером мира.

Мы идем по пыльным зимним улицам Баку. Гарик опаздывает, и беседа наша продолжается на ходу. «Давайте пройдем здесь», — предлагает он мне после секундного раздумья, — здесь дорога короче». «Ты плохо считаешь варианты», — говорю я. «А для меня чем дольше идти, тем лучше...»

«Тебя узнают на улице?» — спросил я. «В моем районе меня знают все», — ответил он тоном мальчишки, лучше всех во дворе играющего в футбол. «А как ты к этому относишься?» «Сперва очень нравилось, потом стало раздражать, а теперь я воспринимаю общее внимание спокойно...»

Будем все же милостивы к Каспарову за такое «спокойствие», хотя нам и

Гарри Каспарова не может не радовать и одновременно не беспокоить увлечение древней игрой, распространившееся среди землячков третьего шахматиста мира. В республике открываются новые и новые шахматные клубы: в Баку, Сумгаите, Барде, Кировабаде. И если только не мешают ему уж совсем неотложные дела, Каспаров считает своим долгом присутствовать на открытии и соревнованиях, выступать, помогать новичкам в этом виде спорта.

Сейчас он студент. 14 июня прошлого года («В день взятия Бастилии», — подчеркнул Гарик) он сдал экзамен на «отлично» и вскоре был зачислен на первый курс института иностранных языков.

— А почему не исторический? — спросил я.

— Первый шахматный клуб был создан в Англии. Вот я и буду изучать историю шахмат по первоисточникам, — отшутился он. — Изучение языка для меня первый этап в учебе. Дальше посмотрим. Знаете, в институте учиться даже легче, чем я думал, — закончил он, сдавший первую сессию также на «отлично».

С поступлением в институт как-то утратила остроту проблема друзей. В школе ему трудно было, как обычному мальчишке, иметь лучшего друга. Соревнования, тренировки, разъезды, постоянные контакты со взрослыми мешали общаться со сверстниками. Но сейчас Каспаров уже перешагнул порог детства, появилась студенческая компания — это немаловажно в его жизни, он любит друзей.

Сейчас это уже не молчаливый мальчик, а живой, общительный парень, спешащий скорее рассказать, чем умолчать. Открытый и необыкновенно эмоциональный. Эмоциональность — черта характера в общем-то не исключительная для восемнадцатилетнего бакинца — многих спортивных специалистов слегка настораживает. Психологически он не готов к завоеванию больших шахматных вершин, утверждают неко-

рали, или шотландцы, которых победили венгры). Был момент, когда мы всей командой во главе с Анатолием Евгеньевичем Карповым стояли рядом с греческим шахматистом и мысленно, про себя, с самыми непроницаемыми лицами, на которые только были способны, молили, чтобы он пошел ферзевой пешкой. И он пошел!

Но надо сказать, что я с самого начала и до последнего тура не сомневался, что мы выиграем.

КАСПАРОВ — МАРЬЯНОВИЧ
(Югославия)

ноябрь 1980 г. Ла-Валлета (Мальта).
Всемирная шахматная олимпиада.

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kf3 b6 4. g3 Cb7 5. Cg2 Ce7 6. 0—0 0—0 7. d5! ed 8. Kh4! c6 9. cd K:d5 10. Kf5 Kc7 11. Kc3 d5 12. e4 Cf6 13. ed! cd 14. Cf4 Kba6 15. Le1 Fd7 16. Ch3 Kph8 17. Ke4! C:b2 18. Kg5! Fc6 19. Ke7 Ff6 20. K:h7! Fd4 21. Fh5 g6 22. Fh4 C:a1 23. Kf6+. Черные сдались.

Г. Каспаров: эту партию назвали одной из самых красивых на олимпиаде. Но, правда, жертву пешки на 7-м ходу и отличный 8-й ход придумал не я, а Лев Полугаевский. Он прикинул их в одной из партий полуфинального матча претендентов и красиво победил. Марьянович меня на что-то ловил, правда, я так и не понял, на что. После его ошибки на 16-м ходу атака белых развивалась как по маслу. Меня очень забавлял тот факт, что все фигуры соперника скопились на ферзевом фланге, а мои — на королевском. А когда мой соперник снял у меня единственную неработающую фигуру — левую ладью, я вздохнул с облегчением. Эта ладья действовала мне на нервы. Все ее коллеги трудились, не щадя себя, а она стояла в углу и ничего не делала...

Эта статья уже была написана, когда во Дворце тяжелой атлетики ЦСКА чемпионом мира сыграл вничью две партии с международным гроссмейстером Гарри Каспаровым. Анатолий Карпов играл в турнире четырех сборных команд страны на первой доске за первую сборную, Гарри Каспаров — на первой доске за сборную молодежную. Зная о предстоящей встрече, я спросил у Гарика:

— Если вдруг сложится выигрышная для тебя партия, может, стоит сыграть вничью, чтобы не создавать ненужную сенсацию, которая мало что изменит в расстановке сил (Каспаров считает, что чемпионом мира-81 станет снова Анатолий Карпов, что у него нет сейчас равных соперников).

— Я никогда и никому сознательно не уступал, имея преимущество, — сказал он. — И уступать не буду.

Обе партии продолжались по пять часов и держали зрителей в таком эмоциональном напряжении, что после окончания второй встречи публика бросилась на поле, забыв, что за другими досками борьба еще продолжается. Это были прекрасные, подлинно творческие партии. Председатель Шахматной федерации СССР летчик-космонавт СССР Виталий Севастьянов заявил, что состоялся диалог, которого мы все так ждали.

Утром после первой встречи с Каспаровым я позвонил к нему в гостиницу. Поздравил. Спросил, почему он не принял ничью на пятнадцатом ходу.

— Я никогда не слышу зал, — сказал он, — а тут вдруг заметил, сколько людей собралось на эту встречу. Я понял, что не имею права обмануть их надежды — нет, не на победу одного из нас, а на бескомпромиссную борьбу. Я стал искать продолжение, сильное продолжение, и нашел его. Но времени у меня осталось мало...

Что ж, пусть не хватило в этой партии времени у восемнадцатилетнего капитана молодежной шахматной сборной страны. Это не так уж страшно. Поскольку у него еще много времени впереди.

Далекие близкие

Дискуссия «Далекие близкие» («Самна» №№ 5, 7, 8, 10) привлекла внимание многих наших читателей. Свидетельство тому — их отклики, в которых они спорят, размышляют, полемизируют с читательницей А. С. Киселовой, и почти в каждом из откликов житейская история, происшедшая или с автором письма, или с кем-нибудь из его родных, знакомых.

Но есть один вывод, который делают единодушно почти все наши корреспонденты: сформулировать его можно так: проблема укрепления духовных, родственных связей — это актуальная нравственная проблема, касающаяся не только отдельных людей, но общества в целом.

«Убежден, что в отношении с близкими не худо бы помнить и спрашивать себя почаще: «Для чего живем?» — пишет Евгений Салов из Краснодарского края. — Неужели только для того, чтобы гордо смотреть на мир из кабинки собственного автомобиля? Или, может быть, для того, чтобы с любовью совершать хрустальный сервиз за стеклом серванта? Не малочислен ли все эти дорогие вещи в сравнении с роскошью человеческого общения, со счастьем видеть улыбку на лице мамы, коснуться щеки седых волос отца, услышать голос близкого, согреть на старость участием и помощью, подать детям пример доброго отношения к родным...»

Родители и взрослые дети. Вот на наш взгляд, еще одна из граней обсуждаемой и ходя дискуссионной темы. Предлагаем две истории, показывающие, что в них рассказано: как прорваться «мелочи жизни и быта» приводит к духовному ступорю детей и родителей. Надеемся, что читатели выскажут свое мнение по поводу этих историй.

Ждем новых откликов на дискуссию «Далекие близкие».

Наина ХОНИНА

«АРИСТОКРАТКА»

На житейских перекрестках, на путях-дорогах много разных сказок бродит — веселых и грустных, с хорошим концом и плохим, пока не зацепит сказка чью-нибудь душу, да не выведешь ее к белу свету: смотрите, мол, люди добрые... Кто и что в ней увидит, тут уж от самого человека зависит.

Вот одна такая сказка, самая обыкновенная, каких тысячи...

Жили-были мать, отец и трое детей, три сестры: старшая, средняя и младшая. Все хороши, все пригожи, но младшенькая лучше всех! Хрупкая, росточка маленького, волосы золотой волной к плечам бегут, а глазички-то синью в пол-лица сияют, ну, что тебе Янина Жеймо, сошедшая с экрана в жизнь.

Думали ли отец с матерью, когда привезли свою младшенькую под родительский кров, чего она принесет им больше — горя или радости? И какими мерками измеряет жизнь эти понятия? Неужели правда, что за все в жизни надо платить — и за хорошее и за дурное? Тогда выходит, что твоя собственная жизнь — вечная расплата за твои же поступки, дела и помыслы?

Вот и эти три ручейка, три рукава большой реки по имени семья, разве не должны они были течь по одному общему руслу? Течет себе река неторопливо, да вдруг круговерть, воронка, ну-ка попади в нее кто — затянет, и ахнут не успеешь. Как же нам в спокойном течении жизни углы деть тот порог, ту будущую воронку, как обойти ее?

Вот росла дочь, махонькая, люди на улице и то узнавали — Дюймовочка! Ты ли ее, мать, не жалела, не холила, работой не утруждала? Не золушкой жила — принцессой! А уж ласковой какой была. Всем слово доброе найдет, и матери тоже, такое в ней откроет, о чем та и не подозревает даже. «Ты, — говорит, — рабочая косточка, учиться тебе в университете не доведется, но интеллигентность в тебе врожденная!» Мать руками в ответ замашет, да призадумается, и покажется ей, может, и правду говорит ее крошечка? И замечает она, что на старшую да среднюю и крикнет в

сердцах, а на младшую и голоса нет. Да что мать! Сестры и те терялись, когда малышка так доверительно скажет, словно что неведомое знает: «Я так думаю, в нашем роду аристократы были...» Сестры засмеются: «Где, мол, ты аристократов по фамилии Сидоровы видела? Наш род весь как есть — рабочий!» «Нет, — протянет задумчиво младшая, — вы на отца взгляните, лицо у него тонкое, интеллигентное, да и кость узкая, не рабочая». Сестры в хохот: «Мать, ты папину ветвь знаешь, признавайтесь, не согрешил ли там кто с графьями или князьями?» Похохочут и присмирят, словно думка невольная западет: а вдруг они и вправду «аристократического» корня?

Вот так себя малышка поставила — будто ей на этой земле иная доля предназначена, какими-то неведомыми генами иная суть заложена. И пойдя ж ты, все — и отец, и мать, и сестры — как-то согласились с ее необычностью.

Им бы еще тогда тряхнуть ее за плечи, сказать: очнись, мол, займись земным делом. А они, словно кто поручи навел, поддались ее чарам, в необычность уверовали и дела таким образом распределяли: это, мол, наше, простое — помыть, постирать, в магазин сбегать, а твое все остальное. А остальное-то что оставалось, учеба? Так все они школу почти друг за другом кончили.

Старшая и средняя по родительским стопам пошли, одна — на швейную фабрику, другая — на ткацкую. А младшая и здесь выгудила, в актрисы подалась. Так прямо со школьной скамьи на сцену и шагнула. Профессия, конечно, необычная, что и говорить. Только вдумаемся, а не здесь ли та жизненная воронка первый круг и дала? Им бы, родственникам, подумать: конечно, лестно, да не профессия делает человека человеком, другие пути к тому ведут. А они все с дороги в сторону сошли, иди, мол, малышка. А если и вставали на пути, то для того лишь, чтобы камешки из-под ее ног убрать.

А малышка и так вперед идет, под ноги не смотрит, знает, что спотыкаться не обо что. Из вспомогательного состава в основной перешла, на ходу театральным институт закончила, ак-

трисой хорошей оказалась, ценят ее — не из «варяг», наша, коренная. За это время у старшей уж двое детей поднялось, да у средней двое, а младшая незамужней ходит и не унывает. У нее свой путь, ей одной видимый. Мысли ее бушуют на московских просторах, где жизнь ключом бьет...

Уехала-таки малышка в столицу, замуж там вышла. Тут бы истории нашей и счастливый конец положить, мол, свадьбой дело кончилось, и я там был, мед-пиво пил. Да только скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается...

Малышка на московской квартире корни свои не забывала, новым родственникам своих домашних в лучшем виде представляла: «Они у меня бесребренники и скромные очень. О себе душа не болит, все обо мне. Вот и не обиделись даже, что мы их на свадьбу не пригласили, поняли. Отец-то ведь пить стал, ему лучше побережиться, а у матери совсем ноги отнимаются, куда уж ей? Ну, а сестер дети за подол держат, ничего, вот устроимся и приедем к ним сами».

И всего-то два с половиной часа электричкой отделили новую жизнь младшей от прежней, свой дом от родительского. Два с половиной часа, а легли они сначала днями, потом месяцами, и оказалась эта короткая дорога длиннее, чем на Камчатку...

А тут и подоспело оно, горенесчастье: мать паралич разбил, ни рукой, ни ногой не двинуть, ни слова сказать. Обменялась старшая квартирой, съехала с родителями, она и стала опорой материнской. Да и средняя двух детей своих прихватит, и сюда, на подмогу. Люди в горе друг к дружке ближе, когда все вместе, так оно словно и весом легче. За матерью теперь уход нужен больше чем за ребенком малым, беспомощная она: ни сказать ничего не может, ни позвать, только глазами все чего-то просит.

— Ну, что ты, мам, чего тебе, вроде все делаем, чтоб помочь?..

А у матери слеза из глаз по неживой щеке быстро так катится да по пододеяльнику растекается, а за ней другая, третья. Сестры поняли, о ком тоска материнская, и в Москву.

И тут среди вечерних свечей, ликов святых в окладе и просто на досках, что на сестриной квартире словно эстампы развешаны, среди мореного дуба старинных шкафов, да красного штофа кресел заметалось семейное горе, пробиваясь к сестре: ждет мать, приезжай! Поплакала младшая, повинылась, хрустнула тонкими пальцами, приникла к сестрам на миг и жалостливо так:

— Не вините, сестры, через пару недель будем.

И вправду не обманули, приехали. Мать к тому времени уж рукой шевелить стала, палкой в стенку стучит, зовет, хоть и не говорили ей ничего — родную кровь почувствовала. Сестры счастливы:

— Ведем, мама, твою красавицу. Глянь, сестра, какая у нас мать молодец. Мы ее подушками подоткнем, она и сидит. Покорми ее с ложечки. Нашато кормежка ей, поди, надоела, а твоя в сладость. Смотри, как она рада!

Потом гости дорогие опустили руки в сумку заморскую и вытащили на свет подарок — вино в диковинной бутылке. Сестры, как в прежнее время, от смеха за животы схватились.

— Как раз ей этого и не хватало только...

Нездешнее вино пить не стали, под стекло его в сервант: кто в гости заглянет — похвастаться можно будет сестриним подарком. А на стол для москвичей поставили коньяк. Отец на радостях так расфорсился, что лишь рюмочку и пригубил — не хотелось ему перед младшенькой и зятем-худо выглядет. Праздничали в комнате у матери, чтоб ей виделось все, давненько вместе-то не собирались, хорошо, ког-

КНИГИ РАЗДОРА

да все вместе! Вон их за эти годы сколько стало, вон сколько сидоровских корней в землю пущено. Глянули, а младшей за столом не видно — на кухне у форточки стоит, сигаретку в руках мнет, нервничает. Сестры к ней: в чем дело?

— Не могу больше, устала, и воздух там нехороший, тяжелый.

Не сдержалась средняя, взорвалась: — Да откуда же ему легкому быть, воздуху-то? Говоришь, устала? Ты бы здесь с нами пожила! Ты на наши руки погляди, они не устали? Сколько мы в день стирали белья? А на лекарство деньги? Ты хоть раз десяточку подкинула матери на фрукты? Да что там... Хоть бы спросила когда, как вы, мол, сестры, там живете-можете? Поинтересовалась, не надо ли чего?

Уехала младшая в Москву. Сестры и так и эдак прикидывали: и ругали ее и оправдывали. Может, это и не вина ее вовсе, а беда? Где ж они сестру «проглядели», отчего не забилось ее сердце от жалости, не затрепетало в естественной реакции помочь родной душе? Напротив, отшатнулась сестра в некой брезгливости, непричастности своей, навсегда отрезав себя от семейного каравая...

А жизнь дальше покатила. Мать от болезни сердитая стала, непокорная. Сестрам некогда горевать — работы всем хватало, внуки тоже не белоручки, за бабушкой ухаживали, не кривились, жалели ее очень. Всем миром тянули, да, видно, силы неравны были. Подошла к концу материнская жизнь, и казалось, что последним своим вздохом примирит и соединит она то, что распалось. Но не стала смерть матери концом этой истории. Может, сестры в своей гордыне не сообщили младшей о ней? Нет, сообщили, да услышали на другом конце провода только крик и молчание. И уже не сестрин голос, а свекрови ее, строгий такой, с выговором им:

— Как вам не стыдно! Ваша сестра в положении, ей волноваться нельзя. О приезде не может быть и речи. Я ее не пущу. Не девочка ведь, 35 стукнуло! Мы ее бережем, а вы ей только зла хотите! — И трубку на рычаг: би... би... би...

«Приедет! — плакала старшая. — Вот увидишь! Это она так, от горя растерялась и не сказала ничего. Мать ведь померла, как же не проводить мать!»

А наутро телеграмму принесли: «Скорблю вместе с вами. Больна. Жду ребенка, приехать не могу».

Два с половиной часа электричкой, два с половиной!

Похоронили мать. Отец за день постарел, согнулся. Взглянул у могилы на дочерей своих — давно ли под стол пешком ходили? А теперь вон какие тетеньки стоят! Внуки вымахали с них ростом, хоть годами еще невелики. А младшей кровиночки нет. Прости ее, мать. Может, и слава богу, что ей так живется? Сестры намного ли ее старше, а будто целая жизнь между ними...

Заплакал отец, дочери его под руки, да и сами в голос. И среди плача средняя вдруг как закричит:

— Не прощу ей, фифе, не прощу! Хоть бы приехала, цветочек кинула матери! Не прощу!

Отец кивал, слезы утирал, и вспоминалась ему жена, молодая еще, и три дочери. А, может, в горький этот час он лишь об одной думал? Об их с матерью любимице младшенькой, такой хрупкой, ласковой и красивой? И виделось ему через пелену слез, что она бежит, бежит ему навстречу сквозь это неистовое «Не прощу!».

Будет ли конец этой истории началом новой? Ведь родится у младшенькой сын, станет она матерью, может, поймет все... И сестры простят ее, а худо будет — и помогут и примут, на то они и сестры. Это, пожалуй, и есть последняя точка нашей сказки, точка, похожая на многоточие. Так что же будет дальше?..

Просьба в письме содержалась необычная. Впрочем, судите сами.

«Уважаемая редакция! Обращается к вам пожилая женщина, вырастившая двух сыновей. Один из них проживает в вашем городе. Это мой младший сын, врач. Осенью он приезжал к нам в отпуск со своей семьей, потом я гостила у него. В наших отношениях все было нормально. По приезде домой стала я делать генеральную уборку и обнаружила, что не хватает большого количества подписных изданий. Вернуть их сын отказался, прошу редакцию восстановить справедливость».

Я еще раз перечитала последнюю фразу. Что же получается? Мать обвиняет собственного сына в воровстве и просит редакцию выступить в роли судьи?

Гоголевские Иван Иванович и Иван Никифорович стали смертными врагами из-за старого ружья. Времена меняются. В нашей истории роль ружья сыграли книги.

В письме был указан адрес младшего сына. Найти Андрея не составило труда.

— Андрюша, к тебе пришли. — Дверь открыла симпатичная женщина, жена Андрея, как выяснилось, по специальности тоже врач. В прихожую вышел хозяин квартиры. Я представилась.

— Вот видишь, тобой уже пресса интересуется, — иронично сказала Валя. — Чем обязаны такому вниманию?

— Вы проходите, пожалуйста, — перебил жену Андрей.

Послышался плач ребенка, и Валя побежала успокаивать малыша. Андрей провел меня в комнату, усадил в кресло и, извинившись, вышел помочь жене.

Пока Андрей ходил, я разглядывала его библиотеку. Книг в ней было немного, в основном по медицине. Художественная литература занимала только три полки. Были здесь и издания, перечисленные в письме Натальи Николаевны, матери Андрея.

— Извините, дочка у нас младшая приболела, с температурой лежит, — сказал Андрей, вернувшись в комнату. — Так я слушаю вас.

Я объяснила причину своего визита. Мне казалось, что Андрей вообще не захочет разговаривать на неприятную для него тему, но ошиблась.

— Не ожидал, что мама напишет в редакцию, хотя при тех отношениях, которые у нас сложились, это естественно. Чему теперь удивляться! То ли еще будет. Не исключено, что из-за этих книг нам с матерью в суде придется встретиться. Впрочем, мать в этой истории, насколько я понимаю, не главное лицо. Это старший братец против меня ее настраивает. Его инициатива. Уверен, что и письмо в редакцию под его диктовку писалось. Ну сами посудите. Вот я вам сейчас телеграмму от отца покажу. — Андрей порылся в ящике стола и передал мне бланк, в котором были лишь три слова: «Книги дал. Отец». Текст телеграммы меня удивил.

— Бы убедилась? Отец на моей стороне, он мать с братом не поддерживал.

— Андрей, но не могла же ссора возникнуть на пустом месте?

— На пустом месте... — Андрей подошел к шкафу и открыл дверцу. — Хотите знать, из-за чего весь сыр-бор разгорелся? — спросил он. — Вот все они здесь, все тридцать четыре тома. Да, именно эти книги поссорили меня с родственниками. Если вас интересует, можете посмотреть. — Андрей провел рукой по корешкам. — Толстой — десять томов, Лер-

монтов — четыре тома, Чехов — десять томов, Паустовский — шесть, Гарин-Михайлович — четыре. Нет, содержимое этих полок я им все равно не отдам. Вопрос принципа. — Андрей нервно заходил по комнате. — Неужели мать со старшим братом не понимают, что эта тятба для меня просто оскорбительна? А вы знаете, почему они спелись? Старший брат — любимый сын у матери, да и живут они рядом, в одном доме, в одном подъезде, даже на одной лестничной площадке. В двухкомнатной квартире мать с отцом, а напротив — в трехкомнатной — брат с семьей. И чего это он такой любовью к художественной литературе воспылал? Ведь, кроме сопромата, он никаких книг не признает. Впрочем, чужая душа — потемки, а духовной общности у нас особой никогда не было. Я еще учился в школе, когда брат поступил в университет и уехал в Ленинград. После этого мы встречались лишь эпизодически, но отношения у нас были, в общем-то, нормальные — нечего нам тогда делить было. Получил я аттестат и пошел на завод. Зарабатывал неплохо и все деньги, между прочим, отцу с матерью отдавал. Именно в то время и покупались многие книги для библиотеки — она была общей. Заметьте одну деталь: приобретались книги, кстати, и на мои деньги. А потом я уехал в другой город, захватив с собой только чемодан с самым необходимым. Поступил в медицинский, а когда окончил, приехал сюда. Женился, две дочки у нас растут.

Прошлым летом Лена — она в четвертом классе учится — была в гостях у бабушки. Так вот, мама моя отдала Лене собрание сочинений Лермонтова, причем разговор о возвращении книг вообще не было. А когда я с женой в Октябрьские к родителям приехал, они нам еще несколько собраний сочинений передали. Получается теперь, что мать требует возвращения своего же подарка. Нелепость какая-то...

С тех пор, как началась эта тятба, Андрей не переписывается с родителями. В гости они тоже больше не приезжают. Только изредка обмениваются телефонными звонками, но не для того, чтобы справиться о здоровье или поздравить с праздником. Взвонят, чтобы вновь и вновь одни — потребовать возвращения книг, другие — отказать им в этом. Все доброе в прошлых отношениях вычеркивается.

Андрей часто повторял в разговоре, мол, он у матери нелюбимый сын. Но ведь именно мать выручила семью в трудный момент, когда некому было возиться с его младшей дочкой. Мать приехала и ухаживала за девочкой несколько месяцев. Именно отец с матерью помогали Андрею в годы его учебы в институте — что бы он делал без их почтовых переводов, когда не хватало денег до очередной стипендии? Но это участие, так сказать, материального порядка. О помощи родителей Андрей говорил неохотно, скороговоркой, как о само собой разумеющемся. Зато с обидой рассказывал о случае, который не может простить отцу с матерью до сих пор: они не приехали на его свадьбу. Родители уверяли, что не

получили приглашения — письмо затерялось, но Андрей почему-то в это не верит.

— Решение окончательное и обжалованию не подлежит. Книги останутся у меня, — говорит Андрей, когда я пытаюсь навести его на мысль, что именно ему нужно сделать первый шаг к примирению, ведь кто-то должен первым пойти навстречу другому, даже если это трудно, даже если тот, другой, не прав.

— Я теперь сам ожесточился, да и унизиться не хочу, у меня тоже чувство собственного достоинства есть. Предлагал я им заменить эти собрания сочинений на другие книги — у родителей большая библиотека, но они отказываются. А вернуть тридцать четыре тома просто так — это же признать, что правы они, а не я. Но я-то в своей правоте уверен. Иванушкой-дурачком не хочется быть. Это только в сказках младшие братья дурачками бываю.

Признаться, сравнение Андрея не показалось мне удачным. Иванушка-дурачок? Но ведь в сказках это герой сильный не только своей сметливостью, но и добротой, зла он никому не желает, слову своему верен, козней против ближних не строит. А Андрей? Мне показалось, что забыл он о такой черте порядочного человека, как великодушие.

— Но согласитесь, вот вы сейчас мне о письме матери в редакцию рассказали. Это порядочно? Привлекать широкую общественность к решению спора, который выеденного яйца не стоит... — Андрей все больше нервничал. — А вы думаете, почему так брат агрессивно настроен? Я вам объясню. Книжки в последнее время для многих вещей стали. Иметь их престижно. А брат мой о своем престиже очень печется. Это, во-первых. А во-вторых, и это главное, его заботит, кому библиотека родителей перейдет потом, в будущем. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю.

Я подумала: а что, если бы не было никаких книг, возможен ли вообще был бы этот конфликт? И не могла ответить отрицательно. Может ли мелкая ссора разрушить отношения людей, которые основываются на дружбе, взаимном уважении, полном доверии? В описанной истории размолвка только подчкнула, подняла на поверхность то, что копилось, что скрывалось не только от посторонних глаз, но и друг от друга.

Я уходила от Андрея, так и не сумев убедить его, что добрые отношения с родными дороже самых дефицитных подписных изданий.

Растет забор отчужденности, в который с усердием кладут все новые кирпичики и Андрей и его старший брат с матерью, все труднее и труднее преодолеть им эту преграду. Книжки, авторы которых утверждали своим творчеством доброту, человеколюбие, гуманность, превращаются в отношения не-давно еще близких людей из средства, возвышающего душу, в средство духовного отчуждения. Впрочем — я думаю, что читатели согласятся со мной. — не в книгах здесь дело.

Совсем не в книгах.

Пусть дети думают о родительском счастье в первую очередь... Нужно воспитывать в детях заботу о родителях, воспитывать простое и естественное желание отказать от собственного удовольствия, пока не будет удовлетворен отец или мать.

А. С. МАКАРЕНКО

СЛЕДЫ В КРУТОМ ПЕРЕУЛКЕ

7

Прокуратура тогда еще не перебралась в новое административное здание в нынешнем центре города напротив ЦУМа, где уже расположились горком и горисполком. Кстати, и горздрав, куда мне нередко приходилось заглядывать по служебным делам. Но пока достраивалась смежная часть этого современного, из стекла и бетона, здания, прокуратура доживала последние месяцы в обветшавшем двухэтажном доме за сквером, в квартале от Октябрьской площади, в самом центре старого города. Как раз по пути на Яруговку, в больницу. Поэтому, расставшись с Мальхой, я и заглянул к Привалову. Было уже шесть часов вечера.

Привалов расхаживал по кабинету, длинному и мрачному.

— Я звонил в больницу, чтоб вас отпустили ко мне,— сразу сообщил он.— Поедем к тому Петрушину. Я вас жду. Чергинец мне кое-что прояснил, даже больше, чем я рассчитывал. Он так беспокоится за своего подручного, что готов землю рыть— все раскопать. И знаете, дело приобретает несколько странный, я бы сказал, характер. Угрозыск выполнил свою работу, собрал все сведения, какие мог, и, так как все связано с государственным, а не с обычным уголовным преступником, передает дело нам в следственный отдел прокуратуры. Так что я уже обязан вмешаться по-настоящему. Впрочем, я знал, что к этому придет. Не хотел я такого оборота. Ни к чему нам. Трудно быть объективным. Едем? По дороге расскажете о своих успехах.

Я понимал его. Это дело воскресило в его жизни— как реальность сегодняшнего дня— образ старшего брата. Парня героической жизни и не менее героической смерти: среди лютой зимы его, раздетого и привязанного к бочке, оккупанты возили на тачанке по притихшему Новодепровску— в утешение всем. Не мог забыть об этом никто в семье Приваловых. Старший сын по заданию горкома комсомола остался тогда в городе, не уехал со всеми на Урал, туда, где на оборонном заводе директорствовал отец. Старший сын, которому было тогда семнадцать. Прокурору сейчас за тридцать, а погибший брат на всю жизнь остался для младшего старшим, таким, каким запомнился десятилетнему мальчишке, уезжавшему в эвакуацию. Старшим— значит, сильным, умным, смелым. Он ведь и короткой жизнью своей и смертью доказал, что как раз и был таким.

Путь наш лежал на границу Микитовки и Нижнего города— поближе к Днепру, вниз, к тому же оврагу. Дом Петрушина стоял на возвышении. Поэтому машину пришлось оставить и метров сто метром раскисшую землю.

Привалов постучал в дверь, никто не отозвался. Привалов постучал в окно, теперь уже громко, требовательно. Все окна были закрыты ставнями, запоры изнутри, так что заглядывать в дом мы никак не могли. Но прокурор был настойчив: он забарабанил в дверь с такой силой, что затряслись стекла на веранде.

— Ну, чего там?— прошепелявил голос из-за двери.

— Открывай,— приказал Привалов.
— А чего это я должен открывать?

— Ты выгляни— и узнаешь меня.
За дверью что-то скрежетнуло, взвизгнуло, протрещало. Она приоткрылась.

— Узнал?
— Ох, товарищ прокурор!— Дверь распахнулась.

— Принимай,— бросил Привалов, проходя в дом.

— Я б открыл... так одеться же надо...

— А-а!— Прокурор махнул рукой.— Садись.

Я огляделся. Мы оказались в большой комнате, которая служила и кухней и столовой. Дверь в другую комнату была закрыта, но там кто-то возился.

— Нет, уж поначалу вы присядайте.

— Садись, я тебе сказал.

Павел Иванович бесшумно опустился на старый венский стул. Полуодетый, костляво-корявый, он и сам был похож на этот стул.

— Ты Сличко видел?

— Кого, кого?— переспросил Петрушин.

— Не играй со мной!

— Где ж его увижу? Когда час придет мой, на том свете. А как на этом-то его увижу? Мертвого и во сне как увидишь,— худо. Да и зачем мне его во сне видеть?

— Понятно.— Привалов подавил усмешку, и я сперва не понял, поверил ли он, но следующий вопрос прокурора все прояснил.— А ты в воскресенье людей веришь? Воскресшим он не приходил к тебе?

— Нет-нет!— Петрушин даже сложил ладони, прижал руки к груди.

— А ты припомни. Вчера вечером, например? Не могла ж молодая жена отбить тебе память до такой степени, что ты не помнишь, кого видел вчера вечером?

— Вчера? Вечером?— Хитрые глаза забегали в поисках спасительного решения.— Так я не знаю. Кто-то стучал. Вот как вы. Только зачем открывать— вдруг какой покуситель?

Последнее слово подстегнуло меня: мог ведь он считать своим соперником Елышева, мог бояться его? И я позволил себе вопрос:

— Скажите, стучали однажды? Кто-то приходил один раз или потом вернулся?

— Один,— быстро ответил Петрушин.— Один. Я ж помню.

Обученный прокурором, я готов был сделать вывод о том, что он врет, по скорости ответа. Но, вероятно, в данном случае человек и правду мог сказать сразу: обдумывать ему ничего не надо, знает же он, один раз стучали или два. Интересно вот, кто это был? Сличко или, быть может, мой новый знакомый из Красных казарм?

— Ты так и не отозвался?— спросил Привалов.

— А то как же? Отозвался— так и открыть надо.

— Понятно.

— Ну, товарищ прокурор, зачем мне темнить?

— Я и не говорю, что ты темнишь. Ты просто врешь. Сейчас я позову твою молодуху, и доктор задаст ей один вопрос. Не мог разве кто-нибудь к ней заглянуть, узнать, как устроилась в новом жилье?

И снова удивил меня Привалов тем, что угадал ход моих рассуждений. Он шагнул к двери, постучал, крикнул:

— Выйдите сюда! Да поживее, пожалуйста!

Встревоженной, стыдливо прятаяшей лицо Надежде я задал тот же вопрос, что и хозяину дома. Она ответила решительно, с вызовом, брошенным скорее ему, чем нам:

— Два.

Привалов по привычке присвистнул:

— Так один или два?

— Два,— повторила Надежда.— Он спал и не слышал. Два раза стучали.— И вдруг добавила:— По-разному стучали.

Вот в чем заключалась догадка Привалова: после того, как дочь ушла к Петрушину, отец мог прийти сюда, даже если первоначально не собирался. Что это случилось вчера вечером— прокурор не мог знать, спросил наугад. И оказалось, не ошибся. Но если верить Надежде, приходил еще кто-то. Она

наверняка не против, чтобы на Елышева тоже падало подозрение. И второй стук сама относит и хочет, чтобы мы отнесли на его счет. А может быть, он и впрямь приходил?

— Значит, ты его не видел?— Привалов вернулся к хозяину.

— Зачем оно мне, товарищ прокурор, даже если он живой?

— Сегодня я просто хотел взглянуть на твое житье-бытье,— сказал Привалов.— Пока что даю тебе время подумать как следует. Тебе есть о чем подумать.

— Так ведь я все уже сказал,— испугавшись, запротестовал Петрушин.

Привалов не удостоил ни Петрушина, ни Надежду даже прощального кивка.

Пока мы шли к машине, я думал о прокуроре. Вспомнилось вдруг, что он много раз был чемпионом области по стрельбе, а в юности— заядлым мотогонщиком. Оттого и казался он мне всегда человеком без нервов, пока не укусила его за руку пусть и нестрашная экзема, но возникшая, как принято говорить немедицинским языком, на нервной почве. Человеком без нервов он мне перестал казаться, но я по-прежнему считал его всегда готовым пойти на риск.

В дороге мы молчали. Для меня это выглядело похвалой: значит, Привалов считает, что я все понимаю, что нет необходимости пояснять мне выводы, какие сделал профессионал.

— Доктор, дорогой,— сказал Привалов, когда машина остановилась перед воротами больницы, чтобы высадить меня,— продолжайте свои исследования. Всех участников трагедии вы уже знаете. Прямо или косвенно. Завтра утром у меня будет какой-то отчет о пребывании Сличко в Новодепровске. Может, день за днем, а может, почти пустой, с информацией, равной нулю. Так что я вас жду. Но и вы ждите.

— Кого я должен ждать?

— Гостей.

— Гостей?— удивился и впервые за сегодняшний день испугался я.

— Вы уже в этом деле по уши.— Привалов не скрыл своей лукавой усмешки.— Так что не отступайте. До завтра, доктор. И не забудьте повидать Чергинца. У него сегодня последняя ночная смена. Какая-то информация у него должна быть.

— Хорошо,— пообещал я.

Мне вдруг показалось, что Привалов уже знает конечный итог расследования, хотя, возможно, некоторым промежуточным звеньям— и, видимо, очень важные— еще не найдены. Потому он и рассчитывает по-прежнему на нас с Чергинцем.

Рассчитывает на нас? Нет, никаких заблуждений относительно нашей с Чергинцем значимости в этом деле у меня не было. Оснований преувеличивать свою роль я не находил. Напротив, именно сейчас мне стало совершенно ясно, что Привалов превосходно справился бы с расследованием, и вовсе не привлекая нас с Сергеем. Но ведь он по-прежнему просил— и весьма настойчиво,— чтобы мы ему помогли сбором информации. Что же он имеет в виду? Может быть, просто не хочет травмировать официальными вопросами парней, которых не считает способными совершить преступление?

Так или иначе, по его мысли, я должен был в ближайшие дни— или часы?— ожидать гостей. Что ж, минутный испуг мой прошел— гостей так гостей. Меня-то ведь не за что и незачем убивать.

Я брел через сквер к больничному корпусу. Было всего лишь девятнадцать часов. Делаю успехи, отметил я про себя. Всего лишь семь часов вечера. Еще и суток не прошло с тех событий в Крутом переулке.

8

Перед обходом, который мне предстоял— сегодня меня, конечно, заждались больные, обычно и после ночных дежурств я успевал пройти по палатам до обеда,— заглянул на всякий случай к главврачу (его уже не было), к дежурному (его еще не было) и в ординаторскую (там никого не было— значит, дел в больнице невпроворот). По темному коридору— на каждые три лампочки горела одна— я подходил к двери своего кабинета, когда услышал быстрые шаги у себя за спиной. Обернулся я, вероятно, резче, чем требовалось, потому что парень, спешивший за мной, от неожиданности приостановился. Когда же он подошел ближе, попал в свет лампочки, я узнал в нем приваловского шофера и, сознаюсь, облегченно вздохнул.

— Вот,— сказал парень и протянул мне сложенный четверо листок бумаги,— шеф прислал. Только отъехали, он вдруг вспомнил, написал, сам дальше пешком пошел, а меня— к вам.

Едва я сел за свой стол, чтобы прочесть записку перед обходом, как в дверь кабинета осторожно постучали. Я разрешил войти, не успев даже развер-



Рисунок
Валерия СМЕРНОВА

нуть приваловскую записку. Дверь тихо отворилась, и на пороге возникла Софья Осмачко. Признаться, я ее не ждал, а ведь должен был ждать. Привалов предупредил о гостях, и кому, как не Софье, самое удобное посетить меня в больнице.

— Чем могу быть полезен? Проходите.

Она прикрыла за собой дверь.

— Я ненадолго. У вас же обход.

— Присаживайтесь.

Полноватая для своих двадцати пяти лет, но державшая в заботе себя и лицо свое с более тонкими, чем у Надежды, чертами, женщина не столь броской, как младшая сестра, красоты, зато, безусловно, умевшая красноречиво подчеркнуть плавность движений, она присела на краешек топчана.

— Слушаю вас.

— Я пришла... не на работу. Мне дали отпуск... чтоб похоронить. Я потому пришла... Да, да, я специально пришла... Вас не было. Я ждала. Видела, как вы приехали. С прокурором, да?

«Ты не собиралась ко мне, — подумал я, — но, увидев, что меня привез прокурор, перепугалась, и потому ты здесь. И не ждала ты меня, решение твое возникло вдруг. Может быть, подождала только, пока я заглядывал в комнаты коллег, где не застал никого».

А она продолжала:

— Это какая-то мука. Все подозревают, что я

убила тетю, чтобы завладеть домом. Так и сестры говорят. Как же я могла, если меня в тот вечер и ночь дома не было? Я ж работала, да?

Вот этот ее вопросик: «Я ж работала, да?» — это подчеркивание «Да?» уже могли насторожить любого следователя. Однако ее ведь никто не заставлял приходить ко мне?

Она замолчала, надеясь хоть что-нибудь услышать от меня: если не слово поддержки, то хоть возражение. Замолчала и смотрела прямо мне в глаза своими огромными — больше, чем у Надежды, — синими глазами. Мне стало не по себе от такого ее упрямства или даже зазывного, что ли, взгляда, и я устоял в стол. А чтобы чем-то занять паузу, развернул приваловскую записку. Уяснив себе, что в ней сказано, я почувствовал нечто вроде благоговейного трепета, вновь столкнувшись с прямо-таки сверхъестественной проницательностью прокурора. Уж он, конечно, точно рассчитал, что если кто и придет ко мне, то раньше всех Софья. В записке было сказано коротко и ясно: «Мне сообщили, что с десяти часов вечера и до полуночи никто Софью Осмачко в больнице не видел. В половине первого увидели, до десяти вечера — тоже. Привалов». Выданный прокурором компас для разговора с Софьей так порадовал меня, что я даже оставил без внимания то, что Привалов время назвал по-любительски — не двадцать два, а десять вечера. В самый трудный момент

разговора узнаю, что она на два с половиной часа из больницы отлучалась. Было бы просто непостижительно, если бы я не успел развернуть записку до ее ухода.

Удача подхлестнула мою фантазию. Версия родилась без усилий.

— Нет, милая, — уверенным голосом заговорил я, будто минуту назад и не отводил в неуверенности взгляд, — это не так. И не в ваших интересах играть в игру, которой вы не понимаете и, вероятно, не в силах понять. Ваш отец явился в Новоднепровск тайком. Он скрывался от правосудия семнадцать лет, и вы должны были знать об этом. Или узнали сразу же, как только он появился в доме. Я не знаю, испытывали вы к нему родственные чувства или нет. Но могу понять, что определенное представление о долге перед отцом не позволяло вам сообщить куда положено о его появлении. Вот понимаете ли вы, сколько крови и людского горя было на совести у вашего отца? Впрочем, самой-то совести у него никогда не было. Да, ни тетку, ни отца вы не убивали. Никто вас, кроме ваших же сестер, и не подозревает. Но в течение двух с половиной часов вас в больнице не видели.

И только в это мгновение она опустила наконец свои огромные глаза. Я смог передохнуть и даже отвлечься — вспомнить о Елышеве. Да, женщина такая, что обвинять парня проще простого. Многим было бы нелегко, окажись они на его месте.

Впрочем, что касается Елышева, я все тверже приходил к мысли, что именно об этом старшине я много слышал от любящей его женщины. Как тогда сказал Малыха: «Одна врачиха — закачаешься...» А эта врачиха — скорее всего сестра моя Валентина. Отец у нас один был, матери разные. От моей матери ушел он еще до войны, когда мы с братом мальчиками были. Ушел к ее матери. Война у всех у нас родителей отняла. В эвакуации в одном детском доме росли, только она младше нас с братом на восемь да на шесть лет. В Новоднепровск она позже вернулась. А два с половиной года назад сталь сожрала — тот самый проклятый взрыв — наших с Чергинцом младших братьев и мужа Валентины, в одной бригаде все они были. С тех пор никаких родственников, кроме друг друга, у нас с ней не осталось.

И вот недавно доверилась она мне, что полюбила какого-то старшину. Давно его знала, с мужем ее он вроде дружил. И вот вдруг полюбила. А он? У него несерьезно все. «Так брось его, Валентина». «Не могу...».

Елышев это или нет? И не к ней ли уходил он из части? А может быть, к Софье? Сюда, в больницу, приходил? Какая-то злость все же появилась у меня на этого слащавого старшину.

После затянувшейся паузы я и выложил Софье свою версию:

— Могу предположить, что в семь часов вечера вас вызвал... вероятно, в сквер... какой-то человек. Вряд ли это был ваш отец, не рискнул бы он сюда приходить. И вы с этим человеком о чем-то говорили. Потом он ушел. Спустя какое-то время вы почувствовали себя в опасности. Какая-то неясная пока тревога. К десяти вы поняли, в чем дело: тот человек мог пойти в ваш дом. Может быть, как раз объясняться с вашим отцом. Так? И вы побежали домой. Прибежав — дорога не такая уж скорая, — вы увидели...

— Да, — прошептала Софья, не поднимая головы и закрыв лицо руками. Круглые плечи ее вздрагивали.

Я выдумывал версию, которая могла заставить Софью уцепиться за нее и тем самым наделать ошибок. А Софьины ошибки — уж она-то свое поведение наверняка продумала, как ей казалось, до последней мелочи — должны были прояснить события той ночи.

— Было бы вполне логичным, если бы вы побежали в милицию. Но вы вернулись в больницу. Вот они, два с половиной часа вашего отсутствия. Не буду говорить о человеческих обязанностях в отношении тети Паши. Но как медик вы обязаны были прежде всего убедиться, теплится ли в вашей родной тетке жизнь. А тетка, кстати, сделала своей наследницей именно вас, не кого-то другого.

— И вы об этом наследстве... — выдохнула Софья. И вдруг сказала: — Я пойду. Я больше ничего не знаю.

— Идите. Ваше право. Я ведь и не звал вас, я не следователь.

Она как-то странно взглянула на меня, не веря, что я мог о чем-то догадываться.

Теперь, когда она стала хозяйкой дома, ей, конечно, трудно расстаться с самой мыслью о нем. И я сделал такое предположение. Слишком надеялся, что дом каким-то образом достанется ему. По какой-то неведомой нам причине. И свояченица обязана была — по той же причине — отдать ему дом, но воспротивилась. Может, из жалости к девочкам, которые остались бы без угла и крыши. И сделала, казалось бы, хитрый ход: завещала дом старшей племяннице и даже хотела его вообще переписать на нее. Возможно, Слишко, узнав об этом, потребовал уничтожить завещание, но свояченица стояла на своем и поплатилась жизнью — сердце не выдержало.

Это была еще одна — среди массы других — версия. Но вполне могла существовать при новых сведениях любая другая. Версии могли бы и переплетаться. Тем более что все путало одно обстоятельство: Сличко ведь явился в Новоднепровске под чужим именем и не мог объявить о себе, что было бы необходимо, если он хотел на что-то претендовать.

Софья ушла. А я отправился по палатам.

В этот вечер никто из больных, находившихся в трех палатах, подведомственных моему глазу, не привлекал профессионального интереса. И я посетил другие палаты, те, в которых лежали люди, доставленные в больницу в ночь моего дежурства.

Человек, которого ранним утром подобрали на Микитовской улице с тяжелойшей переломом ноги, в сознание еще не пришел. Он лежал в реанимации, и нелегко было поддерживать жизнь в его теле: слишком много крови он потерял. Двое, которые поколотили друг друга в драке, сознания не теряли. Две-три фразы с ними, и мне стало ясно, что никакого отношения к гибели Сличко они не имели. Значит, прокурор мог интересоваться только тем человеком, у кого был перелом ноги?

Я терпеливо подождал в своем кабинетике новых гостей, но никто не явился. И тогда я решил не ждать завтрашнего утра и позвонил Чергинцу. Мы договорились о встрече после девяти вечера. Временем он располагал, ему ведь надо выйти на смену в двадцать три сорок.

9

Сергей расхаживал по жарко натопленной комнате, ожидая меня.

— Поужинаем? — сразу предложил он. — Мне ведь скоро в ночную.

— Сегодня тебе не удастся без меня и куска проглотить. Но мне — что-нибудь полегче.

— У меня сегодня кролик.

Сергей жил один в большом доме. Бабушка Володи Бизяева готовила ему обед на два-три дня, следила за домом. Так сложилась после нашей общей трагедии его жизнь — тут уж ничего не поправишь.

Мы уселись за столом на кухне. Я рассказал о визитах к Елышеву и Петрушину. Рассказал и о первом из гостей, посетившем — по предсказанию Привалова — меня. Сергей надолго задумался, правда, не отрываясь от еды.

— А вот что выяснил я, — начал он, наконец, опустив тарелку. — Были бы живы отец с матерью, они бы мне многое раскрыли, а так пришлось потрошить чужих людей. Сличко до войны жили в Богучарове — там, где сейчас новый речной порт. А до войны то было пригородное село. В сорок четвертом хата Сличко сгорела. Его жена с девочками перебралась к своей сестре. Сюда, на Микитовку. Хатенка была так себе. В сорок шестом умерла мать девчат. Время было голодное. У нас уж на что трое работали, а лучшей едой была кукурузная размозга с хлопковым маслом, и пальцы облизывали. У них же и не вспомнить, работал ли кто. Девчонок тетка Павлина кормила с трудом. Но зато крышу у дома вроде не спеша переложили: вместо соломы — этернит. Потом пристройку осыпили. Потом кирпичом дом обложили. Видать, кого-то тетка подряжала, сами-то не справились бы. И дом стал сразу состоянием. Еды же у Сличко, когда они, правда, уже Осмачко стали, не было. Тетка Павлина, люди теперь только вспомнили, часто куда-то ездила. Куда, зачем — кто теперь знает?

— Так вот, может, работяг-то и подряжать, — вы-сказал я первую пришедшую на ум догадку.

— Может быть, и так, — не подтвердил Сергей, но и не опроверг. А я подумал о Привалове: знал ли он уже об этих отлучках Паулины Осмачко, не предположил ли, что ездила она выдаться с отцом девчонок, что-то получить у него или брать из спрятанного?

— Предположим, награбленное добро, — сказал я Сергею. — Он припрятал, прежде чем скрыться самому. Место могла знать только жена. Умирая, она открыла тайну сестре. Та...

— Да, — сказал Сергей, — все так могло быть. Но не спешите. Одной ей было бы трудно. По жизни — такие дела в одиночку не делают. Кто-то ей наверняка помог, и они разделили то добро. Кто этот второй? Не помешало бы узнать. Но пока на эту задачу ответа не найду.

— Может, Петрушин? — спросил я.

— А почему не Жуйчиха?

— Галина Курань? Верно. Но Сличко ведь мог сразу доверить тайну ей, не жене. Когда его у нее нашли, она бы постаралась опередить всех, но, выходит, не опередила.

— Раз так вышло — значит, он ей не доверил. А все-таки жене. Но тетка Павлина могла думать иначе. Жена Сличко умерла, и если он вернется — могла же она предполагать, что он все же когда-нибудь вернется? — если вернется, то женится на Галине, у которой

к тому времени был уже сын от Сличко. К слову, более глупого парня я еще не встречал в жизни. Так вот, рассуждает тетка Павлина, если она одна возьмет себе все, то, когда вернется Сличко, как ей держать ответ? Хитрость грошова, но такие уж это люди. Если уж решила она делиться, то верней всего — с Жуйчихой. Я вообще думаю, тетка Павлина знала, что Сличко где-то живой, может, и связь с ним имела. Если бы не знала, то прямая выгода ей — сразу выдать его, как он приехал, а она-то молчала.

— Выдать отца девчонок не просто. Тут надо знать, что у них там творилось — в клубке. А если предположим, что второй был Петрушин? — спросил я, найдясь под впечатлением от нашего с Приваловым визита в дом, окруженный раскисшей глиной.

— Тут я ничего не могу сказать. Я и не думал про него, почему-то в голову не приходило. Но он и вправду мог знать, что где-то есть тайник с добром, как здесь говорят, ховашка... и шантажировать тетку Паулину. Кажется, он вернулся в город вскоре после смерти жены Сличко. Интересно, что думает прокурор? Не зря ж он с вами помчался к Петрушину, как только я ему сообщил, где Надежда теперь живет. Столько лет прошло, что, наверно, только прокурор и сможет все проверить, сопоставить. Я уж не помню того времени — мне тогда и десяти лет не было. Да и думал больше о жратве, с утра до вечера только о ней. И не о кроликах, а о хлебе.

— Не ты один так жил, философ. Скажи-ка, Бизяев сегодня на работу выйдет?

— А как же иначе? Я больше не отпускаял, значит, не может не выйти. Вот уляжется эта история — мы его на курорт отправим, я уже заказал путевку. Даже если он убил этого гада, никто его не осудит.

— Но ведь еще и Люба... — неохотно, но по чувству долга напомнил я.

— То, что произошло у нее с Бизяевым, неподсудно обычному суду, — твердо сказал Сергей. — Никто не может их судить. Никто не может и защищать. Тем более что из посторонних об этом знаем только мы с вами.

Вот так! Таким я еще Сергея не видел. Он готов меня сделать своим сообщником, готов скрыть что-то? Да, судьба друга для него самого, как собственная судьба. Даже больше, чем собственная: чтоб спасти себя самого, он ничего бы скрывать не стал.

10

Хотя следующий день был у меня по графику свободным, утром я все-таки заглянул в больницу. Тем более что прокурор пожаловался на свою руку. Впрочем, не потому ли пожаловался, что решил повидаться со мной именно в больнице? Так или иначе, мы встретились в моем кабинетике, я сменил мазь на его руке, а он сообщил мне кое-какие новости.

Было установлено, что в тот вечер Люба Сличко дома не появлялась. Видели, как она уходила из дому в шесть часов вечера. Подруга, с которой она провела весь вечер, утверждает, что перед сменой Люба домой не заезжала. И ее одежда в шкафу в лаборатории та же, в какой она вышла из дому в шесть. Но следователь убежден, что подруга ошибается. Так как больше по этому вопросу прокурор ничего не сказал, мнение следователя осталось для меня неотвеченным.

Вслушав прокурора, я решил ничего ему пока не рассказывать о том, как отнеслись к Любе в семье Бизяевых. Но как-то же надо было отреагировать на его сообщение?

— Самоубийство девочки — главная трагедия в этой истории, — вздохнул я.

— Согласен, — не возразил прокурор. — Как вы помните, Сличко появился неожиданно. Но благодаря наблюдательности Чергинца мы знаем день, когда он появился. В день рождения того парня из порта.

— Мальчи, — подсказал я.

— Да, да. Которого накануне пригласили, а потом заставили торчать на улице.

— И поэтому он ел селедку на улице, — вспомнил я.

— Вот именно. Это было третьего, в субботу. Трагическая же ночь — с понедельника на вторник, с двенадцатого на тринадцатое. То есть Сличко провел в городе больше недели. Знаем же мы об этой неделе ничтожно мало. Первое свое воскресенье, четвертого числа, он просидел дома. В воскресенье перед закрытием магазина туда заходила Люба Сличко. Это вспомнила уборщица, она еще тогда удивилась. Галина Курань отрицает, что говорила с девушкой. Естественно, будет отрицать, той ведь уже нет в живых. Однако в понедельник, пятого, с утра, пробыв в магазине минут двадцать, Галина ушла. По делам. В горпродторг. Она там была в понедельник — это установлено. Но была совсем недолго, значительно меньше, чем ей сейчас бы хотелось. Я думаю, что в тот понедельник и состоялась встреча Галины и Сличко. В доме Галины. Сама-то она живет сейчас у нового мужа, вдовца. А ее сын от Сличко, Павел Курань, живет — к сожалению, сейчас он в бегах, после кражи в магазине, — жил в том же Крутом

переулке, в старом доме Галины. Так вот наиболее вероятно, что в воскресенье вечером Галина передала Любе ключ от дома. Сличко ночью или под утро, когда было еще темно, пришел в дом и дождался Галину. Это было днем в понедельник, а в четверг был ограблен магазин. То есть логично предположить, что все эти дни Сличко по ночам обитал в старом доме Галины, возможно, вместе с Пашкой Куранем, а днем бывал у дочерей. А может быть, наоборот. Факт, что он бывал и там и там. Покойная Павлина Назаровна приходила к Петрушину. Он этого не отрицает. Якобы просила его, чтобы не уговаривал Надежду, но портит молодой женщине жизнь. Вот, собственно, и все.

— Значит, тупик?

— Не совсем. Я надеюсь на вас, доктор. Особенно на ваш сегодняшний выходной день. Поезжайте домой и по возможности никуда не уходите.

— И снова ждать гостей?

— Именно так. Не волнуйтесь, это не опасно. Я буду вам позванивать. Наверняка кто-нибудь уже вас поджидает.

Однако я не мог сразу уйти домой. Быть в больнице и не заглянуть к своим больным?

11

Привалов снова не ошибся.

Возле подъезда, сидя на скамейке и не обращая внимания на моросящий дождь, меня ждал Мальха. Думаю, справился у Чергинца, как добраться до моего дома. В ту минуту, когда он увидел меня и вскочил, он был особенно красив. Взметнулось гибкое, сильное тело, напряженное, как струна. Шкиперская куртка ладно сидела на нем. Его открытое, доброе лицо даже засветилось, когда я появился.

— Меня ждешь?

— Жду. Больше нет сил.

— Идем ко мне. Теплее, и не капает сверху.

Мы поднялись на третий этаж, я открыл дверь, пропустил вперед гостя и вдруг увидел в щели почтового ящика белое пятно. Для почты час был слишком ранним. Я открыл ящик, извлек сложенный вчетверо тетрадный листок. Вопросительно взглянул на Мальху, но тот не понял меня. Я спросил:

— Ты оставил?

— Нет, я просто ждал.

В записке, нацарапанной резковатым почерком, было три слова: «Приду час дня», — и никакой подписи. Я спрятал листок в карман.

— Проходи. Снимай куртку. Располагайся, как тебе будет удобнее. И начинай.

— А с чего начинать?

— «У тебя больше нет сил», — напомнил я.

— А, да. Больше нет сил видеть, как она мучается. Я ведь не железный.

Почему-то я вдруг вспомнил, что Елышев, рассказывая нам с Мальхой о своем свидании с Софьей, говорил: «Я ведь не бревно».

— Ну, ходил я с ней, — продолжал Мальха, — думал, без любви, так просто. Видно, ошибался. Душа за нее болит, теперь никогда ее не брошу. Хотя отец ее... Да не про то я. Всегда так у меня — не про то...

Странно было смотреть на этого ладного парня, которому судьбой, казалось, назначено весело крутиться в житейском круговороте, но та же судьба заставила его, придавленного из-за собственного недомыслия, в растерянности сидеть передо мной.

— Я там был, — вдруг сказал он.

Как говорится, словно камень свалился у меня с души. И так чистосердечно было жаль этого парня, который — в этом я не сомневался — никого не убивал и никогда не убьет.

— Ему, конечно, тоже легче стало после первого шага. Он заговорил быстро, как будто боялся, что я перебыю:

— Значит, так было. Верки весь вечер дома нет. Дома — то есть у меня в бараче. Я расскажу, где она была: искала Любу. По всем ее подругам, каких знала. Только не нашла. Боялась за нее, потому что отец ихний пригрозил: если увидит Любу с Володькой или узнает, свернет девчонке голову. Вот Верка и искала ее, чтоб та перебралась к нам. Я так посоветовал. Да, тесно, ну и что? Зато сейчас Любка была бы жива. Я ждал-ждал, не вытерпел, поехал. Думал, дома она. У них дома, то есть в Крутом. Было темно уже, слегка. Да и моросило тоже. Я как раз подходил к Крутому, но еще не дошел до него. Ну, знаете, там я шел... вдоль стены — посуше там. Вдруг вижу: из переулочка выбежала какая-то женщина и сразу повернула. Не ко мне навстречу, а направо, по Микитовской, к Днепру. В сторону Днепра. И побежала прямо по лужам. Нет, не Верка. Если бы она в это время, то на работу бы опоздала. А она — я потом узнал — на работе уже была.

— Какое ж это было время? — спросил я его.

— Скажу, попробую, — задумался он. — Я на Микитовской посмотрел на часы. Они у меня светятся. — Он даже вытнул руку, показывая часы. И хлопнул себя по лбу: — Нет, не смотрел я на часы. Я

как раз хотел посмотреть, но эта женщина выскочила из переулка, и я про часы забыл. Да, точно. Только знаете, чего я не могу забыть? Она растворилась. В воздухе растворилась. Была — и мгновенно ее не стало.

Я подумал, что этой женщиной могла быть Софья. Но если б она спешила в больницу, то и бежала б дальше по улице, Малыха и видел бы ее. А то растворилась...

— Я пошел дальше, — продолжал Малыха. — Свернул в переулок. Иду. Уже до конца дошел, знаете, до того выступа. И там я поскользнулся, упал, и мне почудилось, что кого-то спугнул. Бывает ведь такое? Я кивнул в знак согласия.

— Подхожу к хате — свет горит, дверь приоткрыта. Даже болталась на ветру. Не знаю, почему, но я открыл ее ногой.

— В резиновых сапогах?

— А вы бы что надели в такую погоду?

— Резиновые сапоги, — охотно подтвердил я, а он и не задумался, догадка это была моя или старая информация.

— Как дверь открыл, — продолжал Малыха, — так сразу увидел. И сразу понял, что это тетя Паша. Только уж больно неловко она лежала.

Я метнул на него быстрый взгляд. Он поймал его и торопливо спросил:

— Что-то не так?

Дело в том, что утром тетя Паша лежала в правильной позе на спине. Значит, кто-то поправил тело в постели. Но я промолчал.

— Перетрусил я. Не за себя. Не знаю за кого. Вернее, тогда не знал. Но я и за себя чуть-чуть. А вдруг кто сзади меня пристукнет?..

И затем Малыха рассказал мне все, что видел он в ту ночь в Крутом переулке...

12

До часа дня, до обещанного в записке посещения, было еще далеко, когда одновременно затрещал телефон и прошепелявил звонок в передней. Я поспешил снять трубку, крикнул: «Одну минуту!» — и побежал открывать дверь.

На лестничной площадке стоял мой новый знакомый из Красных казарм.

— Проходи, — пригласил я, хотя был удивлен и несколько растерян. — Снимай шинель. Будь как дома.

— У меня дома нет.

Я не ответил ему, потому что меня ждал телефон. Звонил Привалов. Он задавал вопросы, я отвечал односложно. Наш разговор настолько отличался от обычного, что он, конечно, понял: его предсказания сбываются, я и сейчас дома не в одиночестве. Потом он рассказал о роли Петрушина.

Я не все понял, но переспросить уже не мог. Мне пришлось положить трубку и заняться новым гостем. Я провел его в комнату, предложил чаю.

— Не до чая мне, — ответил Елышев. — Я вам тогда не все выложил. Я ведь не знал, что это так серьезно.

А теперь, значит, узнал? Не сестренка ли Валентина ему объяснила, насколько все серьезно? Не она ли вообще направила его ко мне? Неужели это тот самый старшина, о котором я от нее слышал? Но пока сам он мне этого не откроет, я спрашивать не могу. Не имею я права выдавать ее тайну, может быть, совсем другому старшине. Да если это и он самый, тоже не имею права показать, что знаю о нем от нее.

— На свете давно уже нет ничего несерьезного, — глубокомысленно изрек я. — Так что же ты скрыл от меня вчера?

— Не скрыл. Просто не стал говорить.

— Пусть так. Но что же?

Узкие светлые глаза его сегодня были печальны. Небольшие усики над тонкими губами смешно подрагивали. Он говорил мягким, низким голосом. И все-таки выглядел слащавым.

— Я ведь склестнулся с ихним отцом. А было так. В понедельник, пятого числа, я пришел к ним. Я ж вам рассказывал, как с Соней у меня получилось. Ну, я как в тумане был.

Я почему-то подумал о том, что этот парень ростом пониже Софьи. А он между тем продолжал:

— Уже стемнело — и вдруг заваливается какой-то мужик. Этот самый Сличко — теперь я знаю. Он стучал в окно. Я и одеться как следует не успел. А он увидел меня и озверел. Я людей в таком состоянии не видел, честное слово. Кричит: «Убью!» Я не сразу-то и смекнул, в чем дело. Вроде понял, что это их отец. Помню, Надя рассказывала, что он отсидел и освобо-дился. А за что сидел, не говорила. Если бы я знал, что скрылся, что расстрел его не достал... Если бы все это знал, сразу побегал бы куда надо. Все бы тогда было по-другому. А там... Все же у меня мысль мелькнула, что я ему чем-то помешал. Откуда мысль такая взялась? Может, потому, что он не в дверь стучал, а в окно? Словом, мы с ним сцепились. Он мне хорошо приложил свой кулачище. Но и я ему успел. Пока он подымался, я шинель в охапку — и деру. И уж

потом я еще подумал: он им всем жизни ломает. Надьку-то не слишком мне жалко было. Она не Вера, не Люба. Она — как Сонька. Такая же хааткая. Со мной, правда, ошиблась, накрепко не прихватила. Да и я в ней сперва ошибся — не сразу раскусил, чего ей от меня надо. Вы думаете, я бы убил его? — без всякого перехода спросил старшина.

— Давай лучше поговорим о его последнем дне, — ушел я пока от ответа, хотя ясно было, что совершенно незачем Елышеву убивать Сличко. — Вчера ты не все выложил, давай уж сегодня. Из части ты вышел в полседьмого. И сразу поехал на Яруговку, в больницу к Софье. Так? — решил я проверить свою версию.

— Это она рассказала?

— Ну, какое теперь имеет значение?

— Раз она так, то и я тоже. Да, я поехал к ней. Потому что она позвонила мне в часть. И по телефону сказала, что боится за себя и за тетю Пашу. А я ведь с того вечера и не видел ее. Неделя прошла. Если бы она не позвонила, сам бы так и не пришел. Но позвонила — поехал. Она меня у ворот ждала. И в разговоре все клонила, что Надежда — твоя, мол, Надежда, говорила она мне, — с Павлом Ивановичем, Петрушиным этим, убит отца. Потому что отец требует с того что-то такое, чего тот вернуть не может.

— С тети Паши отец тоже требовал? — поспешил я, потому что Елышев, сам того не зная, подтвердил наши догадки.

— А что он с нее мог требовать? Знаете, она была хорошей женщиной. И девчат всех выкормила. Любила она их. Всех одинаково, не замечала, что две как люди, а две — акулы.

— Давай-ка дальше. Мы остановились на том...

— Когда все кончится, — вдруг сказал он, — я приду к вам для другого разговора. Примете?

Прежде чем ответить ему, я подумал: «Значит, он уверен, что все у него будет в порядке, уверен, что чист».

— Конечно, приходи.

И еще я подумал: «Теперь все ясно. Он тот самый старшина, в которого моя Валентина влюбилась».

— Так вот дальше. Она еще говорила, что Наде не верит. Что та ушла к Павлу Ивановичу только из корысти — не из страха перед отцом, не из-за ссоры с ней, с Соней. Могло это тогда быть? По-моему, нет. Вспомните, откуда она тогда пришла? Из больницы. Восьмого ее только выписали, а уже через два дня к нему ушла. И вовсе не из-за меня она в больнице лежала, а совсем по другому поводу — Сонька зря наговорила на нее, да и на меня, выходит. Зачем наговорила — не знаю. В общем, Соня целый час, а то и больше, морочила мне голову. То ее хотят убить, то отца. Убить — только на языке у нее и было. Но про тетю Пашу, что ее могут убить, Соня сказала мне только по телефону. А когда мы встретились, про тетю ни слова. Я потому еще к вам и пришел, что именно это меня поразило, когда вспоминал. И знаете, как мы расстались? Я сказал ей: забудь ты меня. И ушел. Темно было. Дождь. Пошел я на Микитовку, искать дом этого Павла Ивановича. Зачем пошел — сам не знаю. Нет, не ревность, нет, что вы? Пока нашел — два часа минуло.

— Значит, уже было двадцать два часа?

— Не знаю, может, больше, может, меньше. Я на Яруговской улице, возле больницы, встретил одну знакомую, задержался с ней. Она в вашей же больнице работает. Она как будто чувствовала, что со мной делается, не хотела отпускать. Говорила, что в десять освободится и поедет домой. Чтоб я или не уходил, или пришел встретить, или возле дома ждал ее. Даже ключи от квартиры давала — чтоб только я не ушел. Но я... И не знаю, какая сила тащила меня. Нет, было почти одиннадцать, наверно, когда я добрался, куда хотел. Постучал. Не ответили. Я еще. Опять молчат. Я в конце концов охладился. Подумал: ну, что я пришел? Приперся и что скажу? Чтоб он признался, что он такое сделал? Так он мне и скажет! В общем, пошел я назад. Но когда дошел до кустов — малина, что ли, там, — слышу: кто-то вышел из дома. И голос сразу: «Ты у меня попляшешь». До сих пор слышу. Я — в кусты. Смотрю: от дома человек идет. Темно было, но похоже — Надькин отец. Прошел он мимо...

Слушая Елышева, я думал вот о чем: по его времени получается, что Сличко — если вышел из дома Петрушина именно он — прибыл в Крутой переулок уже тогда, когда тетя Паша была мертва.

— ...А я ни с места. Решаю, куда идти. Слышу, скрипнула дверь. Вижу: человек крадется. Под заборами. Честно, я не трус, но после Сонькиных причитаний мне стало не по себе. Если этот крадется за тем, первым, что у него на уме? А потом — не поверите! — вижу: Надя идет, да прямо на меня, через сад, под деревьями она старалась идти...

И затем Елышев рассказал мне все, что видел он в ту ночь в Крутом переулке...

Продолжение следует.



(Продолжение. Начало см. в №№11 и 12 журнала)

ТРЕТИЙ ТУР

1



Белые начинают и дают мат в два хода.

2



Белые начинают и дают мат в три хода.

3



Белые начинают и делают ничью.

4



Ход черных. Каким способом они могут форсировать победу?

Напоминаем, что ответ на каждое задание в сокращенной нотации посылается в адрес редакции на отдельной открытке. Решения, вложенные в конверты, не рассматриваются. На открытках обязательна пометка «Шахматный конкурс «Смена-81», тур третий». Свои ответы на опубликованные выше задания отправляйте, пожалуйста, не позднее 10 сентября с. г.

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

Жемчужины отечественной культуры

Лев ФИЛИМОНОВ.
Фото автора,
Василия МИШИНА и
Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные
корреспонденты «Смены»

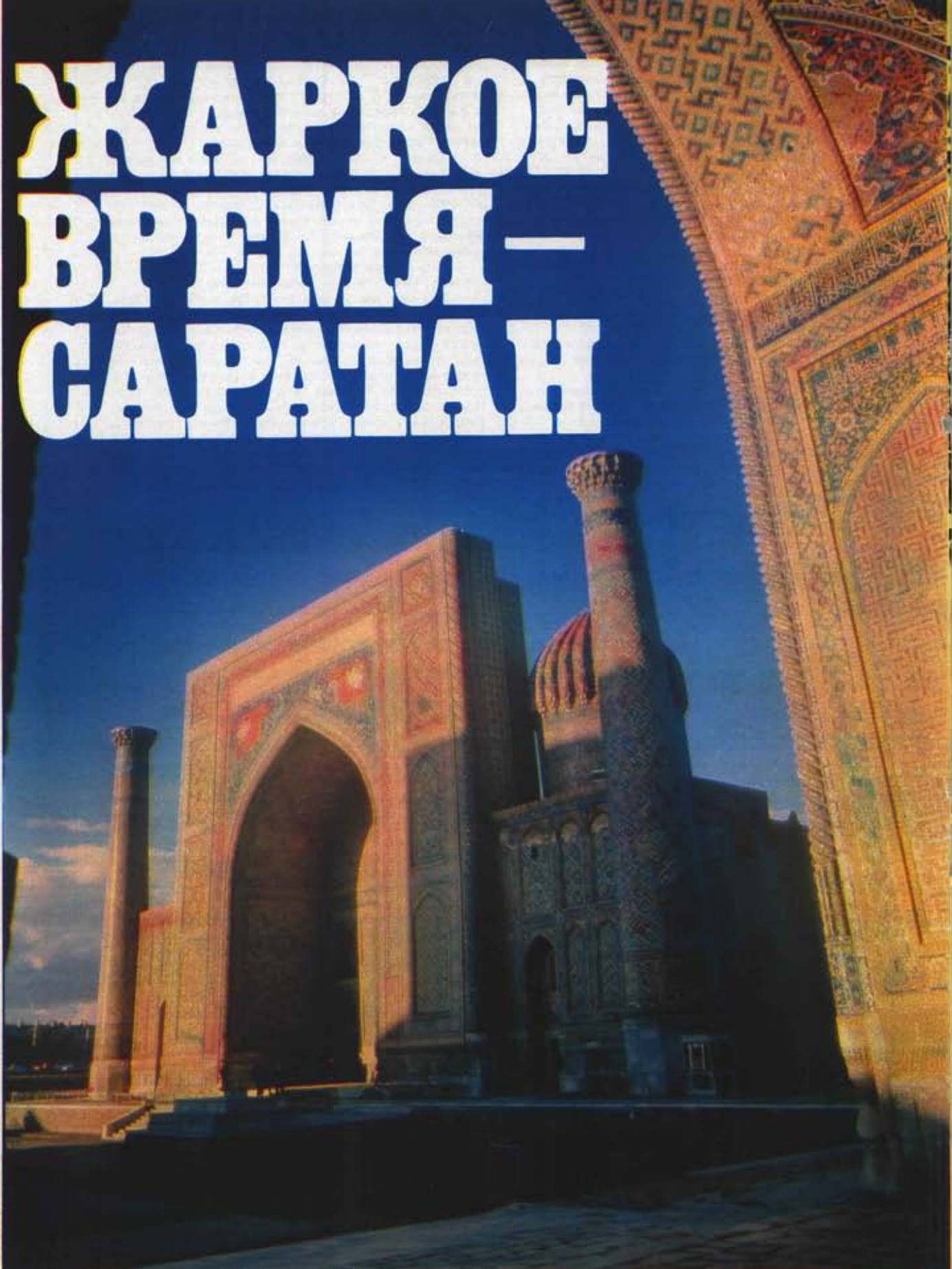
«Я направился в Самарканд — один из самых великих, прекрасных и великодушных городов мира...»

Ибн-Батута, XV век.

Если у вас нет в Самарканде срочных дел, не торопитесь посетить его в июле. Нам, северянам, это противопоказано. Вы убедитесь в этом сразу же, как только выйдете из здания аэропорта на раскаленную асфальтовую площадь, в центре которой расстилается радужно-праздничный живой ковер, выгканный по-восточному роскошными упоительно благоуханными розами.

В машине, мчащейся по раскаленному шоссе, горячий ветер будет бить в окошко и обжигать незащищенное ли-

ЖАРКОЕ ВРЕМЯ — САРАТАН



МАВЗОЛЕЙ ШАХ-И-ЗИНДА — ДРЕВНЕЙШЕЕ ЗДАНИЕ ГОРОДА.

цо. Вы попытаетесь поднять стекло, но тут же вновь опустите его — так нестерпимо сдавит горло духота и спеленает тело взмокшая одежда.

— Жаркое время, саратан, — скажет сочувственно ваш спутник. — Даже нам, коренным самаркандцам, иногда невтерпеж. Сегодня днем сорок два градуса в тени.

И доверительно посетует на то, что его молодая жена-сибирячка никак не может акклиматизироваться в Самарканде и второй год твердит о переезде куда-нибудь, где не так жарко.

— А вам не хочется? — искренне удивитесь вы (вас-то уж не пришлось бы долго уговаривать...).

— Я переехал бы, — ответит он. — Только куда? Средняя Азия — моя родина, а здесь лучшего климата, чем в Самарканде, не найдешь. Можете верить: я работал в Ташкенте, служил в Ашхабаде, много ездил по нашим краям... Знаете, кстати, по какому принципу Тимур выбрал своей столицей Самарканд?

— Да, вероятно, по обычному: центр государства, стратегическое положение, торговые пути...

— А вот в народе говорят — по климату.

Тут вы услышите легенду, повествующую о том, как великий завоеватель отправился в путешествие с целью выбора наилучшего места для столицы великой империи. Причем пустился в путь в самое жаркое летнее вре-

мя — саратан. И маршрут намечен был заранее — по городам, которые могли бы претендовать на роль столицы государства. А так как все они имели примерно равные достоинства, потребовался дополнительный критерий выбора. Тимур решил этот вопрос с истинно азиатской хитроумной простотой. В каждом городе он приказывал резать барана и бросать его во дворе на всю ночь. К утру бараны неизменно протухали — в Балхе, Ташкенте, Бухаре... Лишь в Самарканде — небывалый случай! — мясо наутро казалось свежим, словно барана только что пригнали с пастбища. Тимур отведал шашлыка, остался им весьма доволен и повелел считать столицей Самарканд — город с лучшим в империи климатом.

ЖЕМЧУЖИНА ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРЫ — МЕДРЕСЕ УЛУГБЕКА.

Эту легенду о прекрасном самаркандском климате вы еще вспомните... когда вернетесь вечером в гостиницу, сбросите жесткую шершавую рубашку, всю в белых пятнах выступившей соли, примете душ, который освежит вас ровно на минуту, и, наконец, присядете к столу между распахнутыми настежь окнами и дверью в коридор, а сердобольная дежурная по этажу заварит чайник крепкого кок-чая и принесет сухое полотенце — без полотенца вам не обойтись, поскольку номер ваш в эти часы очень уж явственно напоминает сауну.

Впрочем, есть в Самарканде и оазисы.

«Город Самарканд лежит на равнине и окружен садами и виноградниками... Столько этих садов и виноградников, что когда подъезжаешь к городу, то видишь точно лес из высоких деревьев и посреди его самый город...»
Рюи Гонзалес де Клавихо, 1403 год.

Палящий ветер неожиданно смягчился, стал просто теплым ветерком. Совсем прохладным он, понятно, стать не мог — все-таки сорок с лишним градусов. Машина въехала под полог могучих крон, плотно смыкавшихся над проезжей частью улицы.

— Что бы мы делали без нашей зелени?... — вздохнул мой спутник Рабим Мусаев и предложил: — Пешком пройдемся?

Шофер остановил машину. Мы вышли. По размягченному, пружинящему под ногой асфальту перебежали улицы. И с облегчением нырнули в тень огромного зеленого шатра.

— Это бульвар имени Горького. Зеленый центр Самарканда, — сказал Рабим. — А Самарканд — самый зеленый город в Средней Азии.

По сравнению с малолюдными в этот час близлежащими улицами бульвар казался густонаселенной частью горо-

да, здесь было даже тесновато. Со звонким щебетом играли дети. Тихо сидели на скамейках старики. Пестрыми стайками проскальзывали девушки. Спали в колясках смуглые младенцы. Неторопливо возвращались из столовых и кафе служащие окрестных учреждений. Шел час обеденного перерыва, знойная середина дня, и все живое в этом городе стремилось в тень.

— Большой бульвар? — осведомился я.

— Более десяти тысяч деревьев. Самый крупный и самый старинный зеленый массив Самарканда. Заложены между прочим, еще в начале века.

Если бы он сказал «до нашей эры», я бы и то не удивился — в Средней Азии издревле существует культ дерева, чтимый и пахарями и царями. Сам Улугбек, деливший свое время между войной, политикой и астрономией, сажал сады. И дед его, владыка полумира, в минуты отдыха между походами сажал сады, о которых и по сей день в Самарканде рассказывают легенды. В средневековом центре Самарканда шумел листвою необозримый Баг-и-Мейдан, «сад площади», и в нем стоял летний дворец, великолепный Чиль-Сутун — «сорок колонн». Неподдалеку

от античного Афросиаба был сад, в котором находился «каменный трон, добытый в дальних странах», а также редкостно красивый павильон, отделанный внутри плитками из прозрачного фарфора. Были еще сады Баг-и-Чинар, Баг-и-Бишишт, Ваг-и-Диль Куша... Много садов было когда-то в Самарканде. Да и сейчас не так уж мало. А здесь иначе и нельзя, здесь, если сам не догадаешься, что городу нужны сады, климат подскажет.

Только за последние четыре года в Самарканде посажено более полумиллиона разных деревьев и кустарников, заложено около 450 тысяч квадратных метров цветников и газонов и 126 километров зеленых насаждений вдоль улиц и набережных. Кроме того, здесь создан новый лесопарк, два новых парка культуры и отдыха, а также семь бульваров, скверов и садов общественного пользования.

В старинной притче говорится, что человек за свою жизнь должен вырастить сына, построить дом и посадить хотя бы одно дерево. Здесь, в Средней Азии, в первую очередь сажают дерево. И не одно. Сажают, сколько успевают от юности до старости.

«В воскресенье 4 числа месяца рамадана 801 года, когда Луна, бывшая в созвездии Льва, отвернулась от шестиугольника Солнца и соединилась с шестиугольником планеты Венера, искусные инженеры и опытные мастера в час счастливых и предсказанных по звездам положили основание постройке. Исполнители работ и проворнорукые мастера, каждый из которых был лучшим в стране и единственным в государстве, обнаружили высокие свойства ловкости и умения в укреплении устоев и возведении фундамента...»

Шараф ад-Дин ал-Иезди, 1425 год.

Прохладно в старых медресе на Регистане... Здесь наконец-то можно отдышаться, скрывшись под тонушими в полумраке сводами от разъяренного полуденного солнца, отгородившись толщей древних стен от изнуряющего зноя. И помянуть добром средневековых зодчих — в стране с таким климатом они умели обходиться без ненадежных кондиционеров. И вы, конеч-

НОВАЯ СОГДИАНА.



ПОЧТИ НА ЛЮБОЙ ИЗ УЛИЦ САМАРКАНДА МОЖНО ВСТРЕТИТЬ ХУДОЖНИКОВ.

ПОЮТ КАРНАИ, ВОЗВЕЩАЯ О НАЧАЛЕ ПРАЗДНЕСТВА.



ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ И ПРЕКРАСНЫЙ ГУР ЭМИР.

КЕРАМИКА САМАРКАНДСКИХ МАСТЕРОВ ВОСПЕВАЕТ ЛУЧШИЕ ТРАДИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСКУССТВА.

но, это сделаете: и помянете и отдышитесь. Ведь Регистана вам не миновать, коль скоро что-то привело вас в Самарканд, будь то поездка в гости, туристический вояж или служебная командировка.



К столетию А. С. Грина

Где лодки хозяев своих ожидают,
носами уткнувшись в песок,
где старый смотритель маяк зажигает,
а купол небесный высок,
мы все изучали основы науки —
закон сотворенья мечты,
в которой надежны и сердце и руки,
а главное, мысли чисты.
Вы помните, как удивила Каперна
убожество пыльных дворов,
как море штормило, сердилось, наверно,
на всех, кто к штормам не готов.
Природа прекрасна, и так захотелось,
чтоб люди ей были под стать,
могли, ощутив непонятную смелость,
бежать по волнам и летать.
Я слышу, как шхуна шумит парусами,
судьбу предвещающая мою,
но я не прощаюсь, мы встретимся с вами,
у статуи Фрзи в Гель-Гью.



Пришел ко мне бродячий пес,
остановился у порога.
В глазах — застенчивый вопрос
и ожидания тревога:
«Как встретишь просьбу, человек?
Чего мне ждать, куска или камня?»



Могут споткнуться я о строчки,
слова ночами повторять
и все болезненные точки
на день вчерашний примерять.
Но не дается повторенье
похожим чувствам и мечтам.
Сначала будет ударенье
стоять не так, потом не там.
А мысль? Нежданной и немилрой
удастся вновь наверняка
ударить с той же самой силой,
как было в прежние века.

Знакомый с разными руками,
он ждал, а в каждой мышце — бег.
Печально, что ни говори,
когда на страхе мир построен.
Рожденный с верностью в крови,
не знает, кто ее достоин.



Мне позвонила школьная подруга:
«Давно мы не встречались.
Как живешь?»
Легко ль сказать,
от замкнутости круга
меня само порой бросает в дрожь.
«Да, ничего», — ответила.
И сразу
рассказ пошел об этом и о том,
слова стекались каплями во фразу
и выглядели светлыми притом.
И, как всегда,
не кланяясь препонам
и даже тем,
которые новей,
мы что-нибудь хорошее припомним,
погреемся у памяти своей.
Я знаю,
есть нелегкие вопросы,
а твой звонок —
побег от кутерьмы
на пять минут в тот мир,
где было просто:
учили нас,
но спрашивали мы.

Не миновать, как ни старайтесь. Ни Регистана — «площади красного песка» с его известным всему миру архитектурно-ювелирным комплексом из трех средневековых медресе. Ни мавзолея Шах-и-Зинда, ни циклопических развалин мечети Биби-Ханым.

Вы не минуете их просто потому, что в городе эти памятники видны с любой центральной улицы, с любой окраины, за исключением, пожалуй, новых жилых микрорайонов. Вы их увидите чуть ли не сразу же после того, как спуститесь по трапу самолета, — они мелькают за окном автобуса, на котором вы едете от аэродрома в гостиницу.

Кроме того, вы столько слышали о знаменитых самаркандских памятниках, столько о них читали, столько раз видели их на экранах телевизоров, на фотографиях, открытках, иллюстрациях, что уж, конечно, не удержитесь, придете. Чтобы увидеть их воочию. Чтобы пальцами коснуться древних изразцов.

Трогать руками памятники зодчества, в общем, конечно же, не следует: нас миллионы — памятник один. И все же, если вами движет не обывательское любопытство, а берегаемая в глубине души светлая детская мечта о приобщении к прекрасному, прикосновение к седым камням — легкое, кончиками пальцев — грех не такой уж непростительный. Древнему зданию это всерьез не повредит. Вам же на миг подарит ощущение личного приобщения к творчеству канувших во тьму веков великолепных мастеров своего дела. Но да отдохнет та рука, что прикасается к реликвиям лезвием перочинного ножа и выпарывает: «Здесь был я!»

Древние мастера были, наверно, очень скромными людьми. На возведенных ими храмах и дворцах редко находят автографы строителей.

Впрочем, писать на стенах храмов и дворцов престоноародью было не положено. Это прерогатива сильных мира. Их неотъемлемое право. Используемое для утверждения в веках власти сильных и силы властвующих. Так они думали — в веках.

Не только надписи, но вся архитектура (от первого эскиза на пергаменте до завершающего кровлю кирпичича), все ее формы и конструкции — грозная мощь торжественных порталов, высота вознесенных в небо минаретов, гжжеловность шлемовидных куполов и иллюзорно-невесомая стрельчатость арок, весь ее мозаичный и майоликовый декор, где само золото низведено на роль отделочного материала, — все это было призвано служить

единой цели: изумлять, восхищать, подавлять, повергать в рабский трепет собственных подданных и заезжих иноземцев, современников и потомков.

И иноземцы, посещавшие «столицу мира», искренне изумлялись и восхищались. До наших дней дошел восторженный рассказ доня Рюи Гонзалеса де Клавихо, посла Касилии, аккредитованного при дворе Тимура: «Посланников привели в верхний этаж и там показали им столько отделений и покоев, что было бы очень долго рассказывать: в них отделка была золотая, лазоревая и других разных цветов, удивительной работы, и даже в Париже, где есть искусные мастера, эта работа считалась бы очень красивой...»

Памятники эпохи тимуридов величавы, спора нет. Если смотреть на них из той эпохи, с порога тесной глинобитной мазанки, из пыльного кривого переулка с глухими стенами дувалами, где застоявшийся горячий воздух пропитан смесью ароматов конского пота, кизняка, цветущих роз и кислых дынных корок, — так, как смотрели современники Тимура, подданные, которым полагалось трепетать. Но у потомков угол зрения иной. Что им тридцатиметровый минарет или портал в пять этажей по нынешнему счету, когда они вчера вернулись из Москвы, где видели Останкинскую башню, новый Арбат, здание МГУ на Ленинских горах и олимпийские сооружения! Впрочем, в Москву они могли бы и не ездить. Ибо в Самарканде, «низкорослом» из-за повышенной сейсмичности, ученые нашли возможность строить высотные дома. Уже стоит в Октябрьском жилом массиве экспериментальный девятиэтажный дом, а в центре города выросло здание, с крыши которого самый высокий минарет смотрится кирпичным столбиком и никакому трепету не вызывает. И это в принципе естественно при всем великом нашем уважении к творчеству древних безмянных мастеров, к их фантастическому трудолюбию, к их подневольному и все-таки высокому искусству.

Идея власти и могущества, запечатленная в хитросплетениях орнаментов, ныне никого не подавляет. Давным-давно империя Тимура — звук пустой. Все стало шелестом страниц в школьном учебнике истории. Сила, рожденная смертельным страхом. Власть, утвержденная на сабельных клинках. Единство, спаянное кровью. Богатство, созданное оголтельм грабежом, в ходе которого грабителью годилось все, что подвораживалось под руку: золото и железо, дерево и ка-

мень, меха и ткани, книги и оружие, стада скота и обращенные в скот люди.

Памятники времен Тимура в Самарканде будто отмечены его печатью — строил он так же, как сколачивал империю, теми же методами, с помощью той же дипломатии кнута и пряника. Для поощрения усердствующих он собственноручно швырял куски дымящейся баранины работающим в котлованах землекопам. А на строительных лесах, наскоро приспособленных под виселицу, быстро и деловито вздергивали нерадивых.

Соборная мечеть Биби-Ханым размерами и роскошью отделки должна была, по замыслу Тимура, затмить все знаменитые мечети мира. Золота не жалели — повелитель лично курировал строительство. В 1404 году, вернувшись из очередного победоносного похода, он первым делом поскакал на стройку. И, на беду руководителя работ, громадное по тому времени сооружение вдруг показалось грозному эмиру недостаточно большим. Расправа состоялась тут же. «Тимур... велел схватить Мухаммеда Джельда; его опрокинули навзничь, связали ему руки и ноги и до тех пор волокли его лицом вниз, пока таким образом не растерзали его» — это написано Ибн Арабшахом, современником и биографом «великого строителя».

Недолговечно созданное на крови. Парадные сооружения Тимура стали вещественным свидетельством бесплодия жестокости. Возводившиеся не столько быстро, сколь торопливо, и не столь прочно, сколь роскошно, здания были брошены на произвол судьбы и обветшали, растеряли кирпичи и уникальные детали облицовки. Уцелели лишь некоторые из них, и лишь стараниями незлопамятных потомков. Ныне отреставрирован и взят под бдительный присмотр величественный Гур Эмир. Лежит в развалинах мечеть Биби-Ханым, и реставраторы уже не первый год спасают ее от окончательного разрушения. Не ради памяти Тимура. Ради труда безвестных мастеров. Ради того, чтобы долго еще могли люди, едущие сюда со всех концов страны, любоваться нежными оттенками глазури и ювелирной изощренностью резьбы неповторимых шедевров зодчества.

У Самарканда долгая история — две с половиной тысячи лет. Время правления Тимура в этой истории лишь краткий эпизод. Но почему-то принято считать, что Самарканд — кровное детище Тимура.

Нет, Тимур не строил городов. Он строил в городах, уже построенных. И Самарканд построен не Тимуром.

Те, кто действительно построил Самарканд, строили просто город. Просто дома и просто улицы. Просто жилища для людей.

Строили два тысячелетия назад, строят сейчас. Строят такое, что Тимур и не снилось. Дороги, но не для войны. Базары, но не для наживы. Великолепные дворцы, но не для знати. И «хижины», подобные дворцам, — пятиэтажные, с ажурными балконами, расписанные красочными фресками, изукрашенные мозаичными панно от крыши до фундамента. Из этих «хижин» для престоноародья образовался ныне в Самарканде новый, с иголочки, жилой массив, названный древним словом Согдиана.

По Согдиане мы бродили с Владимиром Георгиевичем Лучинным, первым заместителем председателя Самаркандского горсовета, отвечающим именно за строительство города. Жилой массив казался мне огромным и обещал в ближайшем будущем стать еще больше, ибо на горизонте, за домами, в ослепительной голубизне маячили яркие — желтые, красные, оранжевые — башенные краны.

— Сколько же строит в Самарканде? — спросил я, вспомнив, что такие краны видел почти на каждой улице и даже в самом центре города.

— Мало, — сказал Лучинный. — Очень мало. Мы сдаем сейчас в год примерно восемьдесят — сто тысяч квадратных метров жилой площади. А нужно тысячи двести пятьдесят. Город растет как на дрожжах.

Город растет. В городе строятся заводы, два из которых чуть ли не крупнейшие в республике, — завод минеральных удобрений и домостроительный комбинат. Заводы требуют людей, а людям требуются современные квартиры. За последние годы вошли в городскую черту и стали частью Самарканда многие окрестные села и кишлаки — сельчане стали горожанами, и нужно их переселять из деревенских жилищ в городские.

— Кроме того, естественный прирост. Тысячи новых молодых семей. У нас ведь, знаете, прекрасная рождаемость.

Город растет, и строить нужно много, быстро и, главное, по-новому. Город не может располагаться ширь до бесконечности, необходимо строить башни в двенадцать и шестнадцать этажей, может быть, и выше. Облик города и условия жизни в нем станут иными — и тут возникнут новые проблемы...

В архитектурном управлении горисполкома мне довелось присутствовать при споре — шло обсуждение проекта



Один человек научился летать.
И было ему удивительно просто,
ну, скажем,
рукою до тучи достать,
хоть был он не очень высокого роста.
Он сам не гадал,
отчего, почему,
летал — вот и все.
Но гадали другие,
за что от рождения достались ему
высокого неба поля голубые.
А он улыбался:
«Я вас научу.
Хотите летать? Я открою секреты.
Вы только поймите,
что я не шучу,
поверьте в себя —
и сумеете это».
Но люди смотрели,
как быстро с земли
он вверх поднимался свободно и смело,
да только поверить в себя не могли.
Выходит, и это — нелегкое дело!..



Где созвучья сплетаются ловко,
где неясные звуки слышны,
до заката решила теньковка
что-то выковать из тишины.

В роще звон-перезвон раздается,
молоточек искусницы мал.
До чего же легко поддается
тишины благородный металл!

Очень просто творятся на свете
чудеса, что без всяких чудес.
Птичьих песен звенящие сети
укрывают проснувшийся лес.

Осторожно иду через робость,
словно полные ведра несущ.
Вдруг... транзистор на полную громкость...
Стало тихо и пусто в лесу.



Зачем певучая капель
в декабрь ненастный постучала?
Ему по возрасту —
метель
И правил строгие начала.
В них для девчоночьих проказ
Нет даже крохотного места.
Апрель,
кому поет сейчас
твоя веселая невеста?
Тому,
кто хоть на пару дней
зашел вперед
и был не понят?
Кому неясное видней,
тому, кто радостное помнит?
Себя к последним отнеси
могу. Проверила годами —
минуты доброго пути
в дождях и выгоях рядом с нами.

Рисунки
Виктора БЫЛИНКИНА

застройки нового микрорайона. Проекта, как мне показалось, превосходного. В нем были, в частности, двух-трехэтажные особняки, предназначенные для одной семьи, или, точнее, родственного клана. А кланы в Средней Азии не редкость, один из них я видел сам. Однажды в Доме бракосочетаний чествовали «золотую пару», шагнувшую за полувековой рубеж совместной жизни. На торжество явилась вся семья — шестьдесят семь человек. Такой семье, конечно, нужен отдельный трехэтажный дом. Если семья живет коммунально.

Были в проекте и высотные дома, с виду обычные, но с необычной планировкой: каждой квартире придавался не балкон, не лоджия, а целый дворик площадью в семьдесят два квадратных метра. Для человека, выросшего в Самарканде, а для переселившегося из кишлака в особенности, это просто бесценный подарок. На любом этаже человек может вырастить сад.

Все это было замечательно — и спорно.

— Дорого, — выдвигали основной контрдовод противники проекта. — Рано. Не созрели мы для этого.

— Дорого, — соглашался автор. — По сравнению с пятиэтажками без лифта. Но окупится сторицей. Рано? Ничуть. Давно пора. Хотя бы в качестве эксперимента.

В старинной притче говорится, что человек должен построить дом... В городе Самарканде многие люди строят множество домов. Здесь есть высококвалифицированные строители, талантливые архитекторы, замечательные дизайнеры — творчество их корнями уходит в глубину веков, к «проворноруким» безмянным мастерам, строившим Самарканд до нашей эры.

А Тимур... Что ж, Тимур был, конечно, великим строителем. И Улугбек был великим строителем. И Ялангушбий Бахадур, при котором построены два из трех медресе Регистана. И Ибрагим Тамгач-хан, строивший в Самарканде задолго до Тимура. И Мухаммед-хорезмшах... Все они были величайшими строителями. Гвоздя не вбившими собственноручно за всю жизнь.

«Ныне толпа кафиры в превосходных силах пришла для разграбления жилищ... Правитель, взямающий с нас подать, при появлении врага бежал... Кто примет на себя защиту и возьмет на себя ответственность перед знатными и простыми, чтобы мы также положили голову к его ногам и поступили к нему на службу?» Абд-ар-Резак Самарканди, 1407 год.

Да, в Самарканде есть оазисы. Один из них мне показал коренной самаркандец, профессор истории и известный узбекский писатель Юрий Николаевич Алескеров.

Оазис находился в старом Самарканде, некогда тесно примыкавшем к древнему центру — Регистану и отнесенному ныне от него новыми зданиями. В узком старинном переулке, за небольшой голубой дверью, врезанной в плотный, чисто выбеленный и по традиции глухой дувал. Белый коттедж, уютный дворик, скрытый под кружевным зеленым сводом из многолетних виноградных лоз, цементный хауз — водоем размером в две обычные ванны. Благоуханная прохлада, запах роз и воздух, чистый, как в высокогорье. Вот ведь умеют люди жить в этой жаре без новомодных кондиционеров. Арык, и тень зеленой кроны, да стены хижин из кирпича или пахсы — тысячелетний опыт предков.

— Добро пожаловать, друзья! Алейкум ассалам! — С первого шага за порог вы друг хозяина. По человеческому древнему закону: друзья моих друзей — мои друзья. У него их много — русские, казахи, украинцы, латыши, кто только не входил в этот дом! А Алескеров и хозяин дома, Матлюб Хотамович, — друзья давнишние. К тому же Юрий Николаевич дружил еще с отцом Матлюба — Хотамом Самибаяевым.

Хотам, сын бедного дехканина, был ровесником века — в 1917 году ему исполнилось семнадцать лет. Шла революция. Юношу, выросшего в бедности, не нужно было агитировать. Через год он вступил в партию, взял винтовку и стал бойцом отряда ЧОН. Потом работал в управлении милиции, в облисполкоме, советских и партийных органах — всю свою долгую, трудную жизнь.

Вспомните притчу, где говорится, что человек должен вырастить сына... Старый Хотам мог умирать спокойно. Ибо оставил своему народу четырех сыновей, одну дочь и больше двух десятков внуков.

Судьба, обычная для многих родившихся в начале века. Семья обычная и по числу детей даже не очень уж большая для Средней Азии. И тем не менее Хотаму, право же, было чем гордиться: дети, все пятеро, стали членами, кандидатами наук. Старший, Матлюб (он уже доктор), — медик-невропатолог. Ким — историк. Шавкат — экономист. Хуршед — философ. Дочь Кутфия — биолог. Хотам недолго прожил жизнь — сын пахаря, он создал клан ученых.

Вечер кончился, начиналась ночь. По лабиринту темных переулков мы пробирались к Регистану, ориентируясь лишь на дальний свет. В этом районе, мне казалось, законсервировалось пыльное средневековье. Так же, как в древности, петляли переулки и упирались в неожиданные тупики. Так же тянуло кое-где кизячьим дымом. Исчезли глиняные мазанки, но сохранились мощные дувалы, что превращали каждый дворик в маленькую крепость, в которой можно было выдержать не слишком долгую осаду.

Где-то поблизости журчал ручей и глухо взлаивали дремлющие на постах собаки. Город неспешно погружался в сон. И вдруг над крышами домов — цветные сполохи... И вдруг — отчаянные крики, конский топот, пронзительное ржание, сабельный лязг! В хаосе звуков мне послышался истошный вопль: «Монголы!»... Дальше мы шли уже по Самарканду 1365 года. Шли к освещенной факелами площади, где, окружив соборную мечеть, гудела многолюдная толпа и где сидевший на шатающейся лошади черный от пыли человек хрипло кричал, что к городу подходит конница семиреченских монголов, неисчислимая и беспощадная, как саранча, и что ведет ее Ильяс-ходжа, бывший правитель Самарканды, изгнанный местными эмирами и возвращающийся со стрелой мщеница, наложенной на тетиву вражды...

Ильяс-ходжа шел к Самарканду не таясь. Он знал, что город беззащитен: войска ушли, а горожанам защищаться негде. У Самарканды нет крепостных стен, нет башен. Все городские укрепления разрушены еще при Чингисхане, который взял когда-то город штурмом и приказал лишить его возможности сопротивления на веки вечные. Ильяс-ходжа шел, как домой. Он ничего не собирался штурмовать, он собирался въехать в Самарканд на белой лошади. И не учел лишь одного — того, что думают об этом самаркандцы. А самаркандцы думали по своему. Никто из них не горевал о проскакавших в панике Хусейне и Тимуре — они умели только драть налоги. Но и Ильяс-ходжа был нужен самаркандцам, как овцам волк.

Площадь тогула в дымном море света. Факелы прибывали непрерывно — пункты пляшущий огней текли ручьями по окрестным переулкам. Толпа росла и все плотнее заполняла площадь. Гонец, кричавший из последних сил, упал с коня. Тревожный гул стоял над площадью — люди чего-то ждали... И вот тогда на возвышении возле мечети поднялся юноша. Его

узнали — Мауляна Самарканди, студент медресе. Юноша закричал, срывая голос:

— Сограждане! Наше спасение в наших руках! Беритесь за оружие! Я обращаюсь к вам, вельможи Самарканды! Кто примет на себя защиту города? Кто поведет нас в бой?

Толпа затихла. Но никто не отозвался: вельможи, знавшие Ильяс-ходжу, в бой не рвались, они рассчитывали откупиться.

— Ну, тогда я вас поведу! — крикнул студент. — Кто мне поможет? Кто пойдет со мной?

В ответ вся площадь взорвалась грозным криком. Если бы слышал этот крик Ильяс-ходжа, он призадумался бы на подходе к Самарканду...

Мухаммед Мусеви, написавший полвека спустя свою «Правдивейшую из летописей», утверждал, что в ту ночь студенту «принесли присягу десять тысяч безукоризненно вооруженных молодых людей». Истине, это вряд ли соответствует — средневековый Самарканд со всеми пригородами имел не более двадцати тысяч жителей. Но добровольцев все-таки нашлось достаточно. Сформировал отряд ремесленников чистильщик хлопка Абу-Бекр Келеви. Стал боевым соратником студента опытный в воинском искусстве Хурдек Бухари — «храбрый стрелок из лука». Горожане, вступая в отряды, приносили присягу, текст которой сейчас может вызвать, пожалуй, улыбку: они клялись, что разведутся с женами, если не выполнят приказ начальника.

По всему Самарканду собирали оружие. На окраинах выставили дозоры. Улицы, выходящие из города, перекрывали высокими баррикадами. Знали, что конница на баррикады не пойдет, ибо для этого необходимо спешиться. А без коня монгол не воин. Лишь одну улицу оставили открытой, главную, самую широкую. В глубине города на ней поставили заслон — тысячу ополченцев под командой Мауляны Самарканди. А за дувалами с одной стороны улицы засели лучники Хурдека Бухари, с другой — ремесленники, возглавляемые Абу-Бекром Келеви. Это была отличная ловушка, самонадеянный Ильяс-ходжа попал в нее, как гусь на сквородку.

Конная лава, обтекая город, нашла проход, не перекрытый баррикадой, и ворвалась в него на всем скаку. Всадники шли узкой колонной, стеснившись по два-три в ряд и обдирая стремени бока скакавших рядом лошадей. В глубине города они наткнулись на заслон и завязали бой, затормозив движение. Конница, запрудившая окраину, все еще сылилась про-



ЗАСТЫВШИЕ В БРОНЗЕ ВЕЛИКИЕ СКАЗИТЕЛИ КАК БУДТО ЗАДУМАЛИСЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧАТЬ НОВУЮ ПЕСНЮ.

Алескеров улыбнулся в темноте:
— Сейчас увидите.

Все оказалось очень просто: на Регистане заканчивалась светомузыкальная программа для туристов. В свете цветных прожекторов громкоговорители минаретов рассказывали историю Самарканда.

«Дыни в этой стране очень хороши и обильны...»

Рюи Гонзалес де Клавихо, 1403 год. Покидая Самарканд, вы непременно завернете на базар — кто ж возвращается из Средней Азии без дыни? И тут, как вы ни упирайтесь, вас приведут к лепешечному ряду и посоветуют с большой настойчивостью:

— Возьми лепешки, угостишь своих. Таких лепешек нет нигде.

— Так уж нигде? — Мне доводилось

есть отличные лепешки в Джалалабаде, Фергане, Нуруке.

Точно, нигде. Однажды пробовали в Бухаре испечь такие же...

Да, говорят, что так и было. Ревнуя к славе самаркандских хлебопеков, бухарцы как-то попытались наладить у себя лепешечное производство. Из Самарканда пригласили известного своим искусством пекаря и предоставили ему все, что он требовал. Пекарь испек лепешки и как честный профессионал вынужден был признать: «Не то». Тогда бухарцы привезли муку из Самарканда. Пекарь опять испек лепешки — снова не то. Неугомонные бухарцы привезли из Самарканда воду. Потом дрова. И наконец из самаркандских кирпичей сложили новую лепешечную печь... После двадцатой неудачной пробы пекарь в отчаянии помянул все аллаха и сказал:

— Наверно, нужен самаркандский воздух.

Это к вопросу о прекрасном климате.



ТОЛЬКО ВЕЛИКИЕ МАСТЕРА МОГЛИ СПЛЕСТИ ИЗ КАМНЯ ЭТИ ОРНАМЕНТЫ.

АФРОСИЯБ ПРОДОЛЖАЕТ ОДАРИВАТЬ АРХЕОЛОГОВ НОВЫМИ НАХОДКАМИ.

рваться в город, задние напирали на передних. Обуреваемые жаждой грабежа, монголы втискивались в улицу, грудясь на ней в неимоверной тесноте, и наконец забили ее намертво. И тут на них из-за дувалов и с крыш домов шквалом обрушились стрелы и копьей, камни и бревна, вилы и кетмени, топоры и молотки, факелы и горшки с горящей нефтью... Передовые сотни нападающих погибли быстро — от рук защитников и под копытами взбесившихся коней. Задние вырвались, дав друг друга и пробивая саблей путь среди своих.

Утром на следующий день монголы сделали еще одну попытку взять город приступом. На этот раз далеко не с прежним пылом... На третий день явилась делегация: Ильяс-ходжа требовал выкупа и обещал убраться восвояси. С парламентарями не стали разговаривать — непобежденные не платят дани.

Отбив врага без помощи эмиров, граждане Самарканда избрали городской совет во главе с организаторами обороны — Мауляной Самарканди, Хурдеком Бухари и Абу-Бекром Келеви. И первым актом этого совета была отмена тех налогов, что шли в бездонную эмирскую казну. Отныне граждане платили налоги лишь на нужды города.

Жизнь постепенно возвращалась в колею. В городе вновь открылись лавки, мастерские, пошли, как прежде, караваны, разноголосе зашумел базар. Из тюрем выпустили узников эми-



ра, скрылись куда-то стражники и палачи, порядок в городе поддерживали добровольные дружины. У Самарканда не было единоличного правителя, и это очень не устраивало мавераннахрских эмиров... Ранней весной 1366 года под Самаркандом стали лагерем войска Хусейна и Тимура.

Память о горьком опыте Ильяс-ходжи была еще достаточно свежа — брать город приступом эмиры не решались. Они добились своего иначе. Руководителям совета Самарканда они отправили богатые дары и пригласили их на пир в знак братства, дружбы и сотрудничества. И те явились в лагерь как друзья, с малой охраной, без оружия. Здесь их схватили и обезглавили. И вольный город Самарканд стал достоянием истории.

...Шум битвы стих. Ночную тишину гулко заполнил громкий голос — он говорил о мужестве защитников древнего города. Я тряхнул головой, избавляясь от наваждения:

— Так что же это все-таки такое? Мой спутник Юрий Николаевич

«ПЛОЩАДЬ КРАСНОГО ПЕСКА» — НЕПОВТОРИМЫЙ РЕГИСТАН.



Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.05.81. Подписано к печати 03.06.81. А 05120. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1155000 экз. Изд. № 1524. Заказ № 743. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Павла ЕРМИШЕВА

Стихи Михаила ВЛАДИМОВА

МОЙ КРАЙ РОДНОЙ

Край родной,
Ты с малых лет всегда со мной,
Милый край,
Грибной, сиреневый, лесной.
Для меня поют
Здесь песни соловьи,
И для меня звенят весенние ручьи.

Припев:
Ты в жизни мне открыл простор,
На счастье дал права.
Перед твоею красотой
Бессильны все слова.
Мой край родной,
Горжусь тобой,
Живу тобой, дышу тобой.

И знает лишь сама любовь,
Как я люблю тебя,

Мой край родной,
Мой край родной.

Край родной,
Здесь корни вечные мои,
Родники моей надежды и любви.
Никогда тебе ни в чем я не солгу,
И навсегда перед тобою я в долгу.

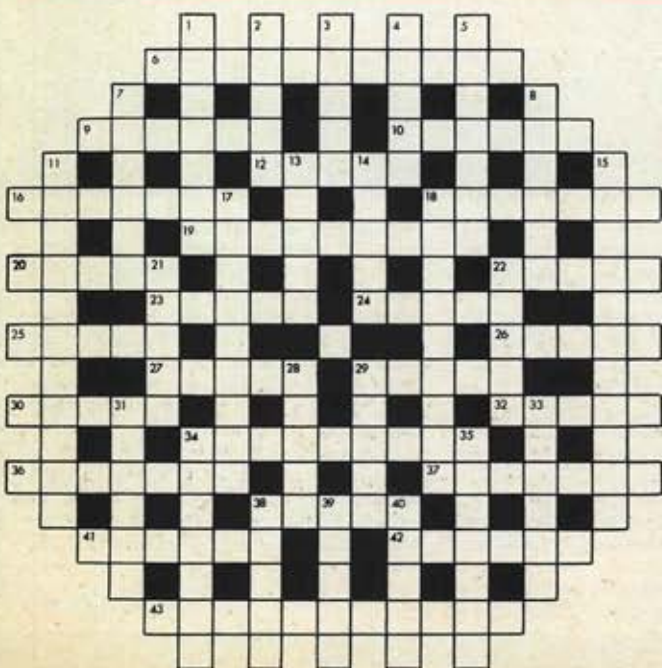
Припев.

Знай, мой край,
Я на земле живу не зря,
Жар души и взлет мечты тебе дара.
Трассой звезд я огибаю шар земной,
Чтоб возвратиться вновь к тебе
Мой край родной.

Припев.

КРОССВОРД

Составил
К. ГАРИФУЛИН,
Ленинград



По горизонтали:

6. Русский поэт XIX века.
9. Спортивное оружие.
10. Спутник планеты Уран.
12. Областной центр в РСФСР.
16. Летчик, трижды Герой Советского Союза.
18. Вид драмы с забавным или сатирическим сюжетом.
19. Советский пловец, чемпион XXII Олимпиады.
20. Ценная промысловая рыба.
22. Роман Т. Драйзера.
23. Главная артерия.
24. Столик — подставка для нот.
25. Основная единица массы, веса.
26. Вращающаяся деталь электродвигателя, турбины.
27. Типографский шрифт.
29. Птица, обитающая в хвойных лесах.
30. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь».
32. Одна из четырех стран света.
34. Русский архитектор начала XIX века.
36. Небольшая лирическая инструментальная пьеса.
37. Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
38. Дикая свинья.
41. Река в Якутии.
42. Город в Красноярском крае.
43. Часть элементарной геометрии.

По вертикали:

1. Древняя рукопись.
2. Стихотворение А. С. Пушкина.
3. Роман Ю. В. Бондарева.
4. Свод правил.
5. Персонаж произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души».
7. Документ, удостоверяющий право на изобретение.
8. Постоянный покупатель, заказчик.
11. Набор деталей для детской технической игры.
13. Приток Камы.
14. Горный массив в Греции.
15. Наведение астрономических и геодезических инструментов на удаленную точку, небесное светило.
17. Полководец, герой Отечественной войны 1812 года.
18. Люди, объединенные общей целью, деятельностью.
21. Низкий барьер вдоль авансцены.
22. Искусственный драгоценный камень.
28. Путь, проложенный пешеходами, животными.
29. Рассказ М. Горького.
31. Сплав меди с цинком.
33. Город в Алтайском крае.
34. Русский художник.
35. Советский писатель.
38. Денежная единица Чехословакии.
39. Немецкий композитор, пианист и дирижер XIX века.
40. Сани народов Севера.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 12

По горизонтали:

7. Рахметов.
8. Неморино.
10. Спектроскоп.
12. Лапта.
13. Драга.
14. Тесла.
15. Паланга.
17. Тартини.
19. Коршун.
20. Плашка.
24. Графика.
26. Баритон.
27. «Норма».
28. Гидра.
30. Милон.
31. Айвазовский.
32. Фарватер.
33. Акширак.

По вертикали:

1. Карнавал.
2. Нерпа.
3. Воркута.
4. Реостат.
5. Довод.
6. «Антигона».
9. Брусья.
10. Стратосфера.
11. Протактиний.
16. Гашек.
18. Абака.
21. Архитрав.
22. Барток.
23. Топограф.
25. Антарес.
26. «Барсуки».
29. Аймак.
30. Мидия.

ПРОСТОР ДЛЯ РАБОТЫ



СТУДЕНТ.

Третий—трудовой—семестр стал доброй традицией советского студенчества. Тысячи ребят и девушек отдают свои силы новостройкам необъятной Страны Советов. Они там, где более всего нужны их руки, энтузиазм, задор и увлеченность. Поистине огромны масштабы большой всенародной стройки—и отрадно, что эта героическая страница жизни комсомолии находит свое место в изобразительном искусстве. Не случаен выбор художником

ПЛОТИНА НА КАНАЛЕ
ПОД ЦЕЛЛИНОГРАДОМ.



Юрием Дарием столь непростой тематики—в нем отразилась его потребность почувствовать ритм большой жизни, увидеть современника, раскрыть его самобытный внутренний и внешний облик.

— Меня привлекли необычайно яркие образы влюбленных в свое дело ребят и девушек,—рассказывает художник.—Хотелось языком живописи и графики передать смысл того большого дела, которому они служат.

Юрий Дарий стал полноправным бойцом-стройотрядовцем—был каменщиком, плотником, строил дороги.

Карелия и Казахская целина, Сахалин, Курилы и Нечерноземье—знакомые адреса ударных комсомольскихстроек. Через них пролегли и маршруты художника. Работы Дария—не просто графическое повествование стороннего наблюдателя, а глубоко прочувствованные фрагменты жизни молодого поколения. Большинство работ родилось прямо

МОНТАЖ ФЕРМЫ.



на стройплощадке—быть может, поэтому они столь динамичны и живы, в них отсутствуют надуманность, схематичность.

Буквально каждая работа Юрия Дария проникнута одержимым ритмом студенческой стройки. Художник раскрывает образы ребят-строителей через их отношение к труду, показывает их недолгие минуты отдыха, вместе с ними радуется успехам. Яркий казахстанский рассвет, красота необъятных целинных просторов, упорство и энтузиазм ребят, их радости и заботы—все это в поле зрения художника, мастера и труженика.

Особенно привлекают тонко выполненные графические этюды Юрия. Пе-

ред нами предстает целая галерея портретных образов бойцов-стройотрядовцев, и каждый из них по-своему неповторим, интересен и конкретен.

Каждый, кто хоть однажды поработал в стройотряде, наверняка сохранил дорогие воспоминания о тех нелегких, но очень интересных днях, и работы художника освежают эти воспоминания, приближают их.

Художник призван очень живо и остро чувствовать веяния времени, быть на острие всех социальных явлений. Работы Юрия Дария—свидетельство прежде всего его гражданской зрелости.

Леонид КИМЛАТ